Э.Б. Нордман

Не стреляйте в партизан...

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга написана бойцом партизанского отряда, созданного в первые дни Великой Отечественной войны в Пинске. Отряд под командованием В.З. Коржа 28 июня 1941 г. провел первый в истории второй мировой войны партизанский бой с гитлеровцами. Автор рассказывает не только о боях, атаках и диверсиях. Он проанализировал причины и побуждения, вызвавшие массовое сопротивление фашистам на оккупированной территории.

Написанная через 60 лет после Великой Победы книга является воспоминанием-размышлением о движущих и организующих силах народного сопротивления, об истоках военных поражений, о вкладе в разгром врага партизанского движения как явления, изменившего, по оценкам немецких генералов, ход войны. Это ответ тем, кто в наше время пытается бросить тень на партизанское движение и на людей, вынесших невероятные испытания, но не дрогнувших.

- Э.Б. Нордман
  - 1119 ДНЕЙ В ТЫЛУ ВРАГА
  - ПЕРВЫЕ ДНИ
  - ПОЧЕМУ?!
  - ИСПЫТАНИЕ ОГНЕМ И НЕ ТОЛЬКО ОГНЕМ
  - МЫ БЫЛИ ОЧЕНЬ ДЕРЗКИМИ ПАРНЯМИ
  - ДРУГАЯ ВОЙНА
  - ХЛЕБ – ИМЯ ОБЪЕДИНЯЮЩЕЕ
  - МЫ БЫЛИ С НАРОДОМ, ПОТОМУ У НАС ВСЕ ПОЛУЧАЛОСЬ
  - КОММУНИСТЫ, КОМСОМОЛЬЦЫ, ВПЕРЕД!
  - НАШ ОТВЕТ ГИТЛЕРУ
  - ЗА НАМИ НИЧТО НЕ ЗАРЖАВЕЛО
  - Об авторе
  - Иллюстрации
  - Выходные данные

Э.Б. Нордман
Не стреляйте в партизан…

1119 ДНЕЙ В ТЫЛУ ВРАГА

Внукам и правнукам партизан и партизанок Великой Отечественной войны посвящаю эти страницы. Чтобы помнили и понимали то, что свершили их деды и прадеды. Чтобы отличали правду от лжи и умели возразить тем, кто распространяет ложь. Чтобы в прошлом страны видели не остывшую золу, носимую политическими ветрами в разные стороны, а благодатный огонь, согревающий и объединяющий поколения.

Автор

Ни мне, ни моим товарищам подобное не могло присниться даже в самых кошмарных снах 1941 года. В то время мы ждали выстрелов с любой стороны и в любой момент. За нами постоянно охотились немцы и полицаи. Но представить, что в нас будут стрелять и через шестьдесят лет после Победы, притом те, за кого мы воевали, не могла допустить никакая фантазия. И тем не менее теперь это происходит с регулярностью и настойчивостью, достойной лучшего применения.

Вот один из примеров. В 2000 году в Москве вышла книга «Империя Сталина», снабженная подзаголовком, который недвусмысленно намекал на солидность издания: «Биографический энциклопедический справочник». Автор книги К.А.Залесский. В статье, посвященной начальнику Белорусского

штаба партизанского движения П.И. Калинину, написано: «В Белоруссии было одно из наиболее широких партизанских движений во время войны, при этом часто к участию в партизанских отрядах принуждали путем запугиваний и принудительных мобилизаций».

Нас, получается, гнали в партизанские отряды из-под палки? Должен сказать, что до подобного кощунства (иного слова не подберешь) не додумались даже немцы во время той кровопролитной войны, хотя именно для них мы стали настоящей костью в горле.

Наоборот, как показали более поздние исследования, будучи людьми скрупулезными, они в своих донесениях отмечали, что случаев насильственного включения в партизанские отряды не зафиксировано.

А ведь они-то хотя бы в пропагандистских целях могли дать волю своим идеологическим фантазиям и использовать, например, те факты, когда мы в случае возникновения смертельной опасности для работавших на нас людей демонстративно уводили их под конвоем, чтобы отвести подозрения от их семей и родственников. И делали так не раз. Но немцы не додумались или не позволили себе того, что много лет спустя позволил Залесский «и иже с ним».

Этот огонь на поражение памяти требует ответа. Не столько во имя нас, воевавших тогда в тылу врага, так как нас поколебать уже невозможно никакими измышлениями, а во имя нынешних и будущих поколений белорусов, россиян, украинцев, евреев, татар, грузин, армян, всех народов, сыновья которых открыли огромный фронт в тылу врага, всеми силами приближая Победу.

Правда о тех днях нужна именно им как исторический компас, потому что в прошлое, указывал историк Карамзин, люди заглядывают для того, чтобы найти ответы на вопросы будущего. Да и народная мудрость советует: «Чтобы уверенно шагать вперед, не вредно оглянуться назад».

Эту книгу я адресую внукам и правнукам партизан, сражавшихся с гитлеровцами в годы Великой Отечественной войны. На долю внуков и правнуков тоже выпали непростые годы. Непростые в том смысле, что жить им приходится в период умопомрачительных перемен.

Даже умудренному жизнью человеку, обладающему широчайшими познаниями в сфере политики и истории, порой непросто в них разобраться. Как же быть тем, кто таких познаний не имеет, а в учебниках, в прессе, в исторических исследованиях – полный разнобой? Особенно в России.

Какой вывод о тех же партизанах они могут сделать, когда

маятник политических и иных пристрастий качнулся в противоположную сторону, когда бывшие гитлеровские прислужники выставляются «патриотами, боровшимися со сталинизмом», а те, кто воевали с оккупантами и их пособниками, называются бандитами?

Что нынешним молодым людям считать объектом гордости, если на них обрушивается лавина публикаций, авторы которых на одну доску ставят СССР и фашистскую Германию и утверждают, что история великой страны состоит из ужасов и мерзостей? Вольно или невольно в такой ситуации вспоминаются горькие слова английского мыслителя Карлейля о том, что истории нет, есть только историки. Нужно добавить, что теперь и в историки полезли все, кому не лень.

Я не сторонник теории конфликта поколений. О таком конфликте говорят и пишут со времен египетских фараонов, но если бы он был столь глубоким, как пишут, человечество давно бы «приказало долго жить». А что касается дискуссий, то мне больше нравится поговорка, которая гласит: «Умные люди не спорят, они просто уточняют факты».

Уверен, из ныне живущих именно молодежь наиболее нуждается в таком уточнении фактов. Поэтому я и обращаюсь к ним, нынешним молодым людям, и говорю им: «Уточните факты, и вы обязательно поймете, что должны гордиться своими дедами, прадедами, воевавшими за правое дело на всех фронтах той страшной войны. Потому что они, уничтожив гитлеризм, спасли всех, даже тех, кто сегодня высыпает на их могилы кучи мусора».

Вклад партизан в это спасение чрезвычайно важен. По-моему, он еще не получил справедливой, как теперь говорят, адекватной оценки. Адекватной их заслугам перед Победой.

Отнюдь не намерен приукрашивать советский период истории нашей страны, потому что видел всякое. И во время войны, и после нее. Вспомните, как когда-то в «застойные времена» все дружно смеялись, услышав фразу известного сатирика «мне в Париж по делу». Чего греха таить, в те годы непросто было попасть во французскую и иные столицы. Потому так и шутили. Но были и другие шутки. Они мне ближе. В одном из фильмов, помнится, представительница «Интуриста» спрашивает у пожилого человека, был ли он за границей, а если да, то где.

Был, – ответил тот. – В Румынии, Венгрии, Югославии, Австрии.

– Во время туристической поездки? – уточняет девушка.

– Нет, пешком ходил.

Да, наши ноги болят не только от возраста, но и от

пройденных дорог, полученных на тех дорогах ран. Кто сосчитает, сколько километров я «намотал на своих двоих», если за три года войны в тылу врага исходил вдоль и поперек всю тогдашнюю Пинскую область, половину Минской, часть Брестской и Полесской. Ноги для партизана – самый надежный транспорт: овса не просит, бензина не надо.

Да, теперь в Париж можно попасть по делу и без дела. И это многим представляется главным достижением эпохи. Но все-таки нынешним молодым надо помнить, благодаря кому французским остается тот самый красавец Париж, о котором у нас принято говорить: увидеть – и умереть. От восторга. Благодаря кому существует суверенная Франция, а Польша принадлежит полякам, Чехия – чехам, Бельгия – бельгийцам, Голландия – голландцам…

Многих государств не было бы на европейской карте, если бы не деды и прадеды нынешних молодых людей бывших республик СССР. Более того, они и от лица самой Германии отвели страшную гримасу и позор нацизма, гитлеризма, человеконенавистничества. Не забывайте об этом. Не для того, чтобы напроситься на благодарность. А ради исторической справедливости. И не давайте убивать нас еще раз. Подчеркну, слово убивает похлеще пули.

Нет, я не собираюсь утверждать, что Великую Отечественную войну выиграли партизаны. Я хочу сказать о другом. О том, что эти люди не ждали повесток из военкомата, что их никто не обеспечивал оружием, боеприпасами, обмундированием. Особенно на первом этапе войны. Их чаще всего никто не учил воевать – освоили эту науку сами.

За ними не следовали полевые кухни и госпитали. Почтальон не сходил с ума, «разыскивая нас», чтобы принести весточку от родных, потому что у нас не было номеров полевой почты и самой почты. Только сам партизан знал, где в данный момент он находится. Впрочем, не всегда знал. Разное случалось.

Партизан не надо было агитировать, напоминать им о долге, уставе, ответственности перед законом. Они сами агитировали себя и других, сами делали свой выбор. Нередко не только за себя, но и за своих близких, которых тоже подвергали смертельной опасности, уходя с оружием в лес, проводя диверсии, разведку, действуя в подполье.

Тем тяжелее и страшнее тот выбор становился. И тем кощунственнее не понимать этого, целясь в тех людей из сегодняшнего дня.

Призываю не делать этого не по принципу снисхождения, мол, не стреляйте в пианиста – он играет как умеет. Смею заверить, мы сумели многое.

Во-первых, партизан должен быть отличным разведчиком во всех смыслах этого слова. И на местности хорошо ориентироваться, и следы читать, и уметь замаскироваться, чтобы вовремя стать незаметным в поле, в лесу, в деревне. «Ведь поле видит, а лес слышит», – часто повторял наш командир Василий Захарович Корж.

Партизану пришлось освоить и топографию. Ему довелось организовывать конспиративную сеть в населенных пунктах, особенно в тех, где размещались немецкие и полицейские гарнизоны. А это уже искусство, которому в других ситуациях учат многие годы в специальных заведениях. Мы справились с этим самостоятельно.

Во-вторых, партизану надо быть хорошим пехотинцем, а это значит – быть готовым к длительным переходам, к рытью окопов, траншей, быстрому сооружению укрепленных огневых точек. Уметь вести бой в составе подразделения и в одиночку, в атаке и обороне.

В-третьих, он должен быть сапером-минером. Притом не только уметь пользоваться готовыми взрывными устройствами, но и изготавливать их. Теперь уже вряд ли кто скажет, из скольких бомб, снарядов мы выплавили, выковыряли тол, чтобы было с чем ходить на ту же «железку».

В-четвертых, партизан должен быть медиком. Помощь друг другу во время ранений и болезней мы оказывали сами, особенно на первых порах, когда в наших рядах было очень мало врачей и санитаров.

В-пятых, он должен быть снабженцем, уметь делиться последним. Не раз, особенно в первые месяцы, приходилось выкладывать на общий «кон» весь наличный хлеб, резать его примерно на равные части. Затем один отворачивался, другой брал кусок и спрашивал: «Кому?» Тот отвечал: «Лифантьеву, Комарову, Нордману…» Всем одинаково – и рядовому, и командиру. Нас такая уравниловка только сплачивала.

Между теми, кто в минуты тяжелейших испытаний, после трудного боя или перехода делится единственным сухарем, складываются особые отношения. А нам нередко приходилось быть и на подножном корме: грибы, ягоды, щавель, крапива, что собирали женщины и дети семейных лагерей, обжигая руки.

Наш фельдшер Федя в таких случаях успокаивал их словами о том, что ожоги крапивы очень эффективны против ревматизма. Случалось жертвовать для партизанского котла и своими лошадками.

И наконец, каждому из нас предстояло быть умелыми агитаторами и пропагандистами, потому что надо было уметь

разговаривать со старыми и молодыми, с мужчинами и женщинами, с благосклонно к нам настроенными и не очень. Кроме того, в общении с населением надо быть людьми оптимистичными, веселыми. Ведь что это за агитатор, если от него за версту несет унынием.

У белорусского политолога Юрия Шевцова были все основания для следующего сравнения: около четырехсот тысяч белорусских партизан уничтожили, вывели из строя почти полмиллиона гитлеровцев, их союзников и прислужников.

Они не имели при этом танков, истребителей и бомбардировщиков, бронепоездов, крейсеров, эсминцев, торпедных катеров, артподготовок из сотен пушечных стволов перед атакой. Воевали по преимуществу стрелковым оружием. А ведь такой показатель, как полмиллиона врагов, хорош даже для регулярной армии.

Об этом моя книга. О том многоплановом, многоликом, доныне, на мой взгляд, всесторонне не изученном и до конца не оцененном явлении, каким было партизанское движение.

Не претендую на истину в последней инстанции, но уверен, что история его еще не написана. Не смогу это сделать и я. Просто хочу сказать свое слово. Имею право, так как провел в тылу врага 1119 дней той страшной войны. И, смею заверить, не отсиживался. Правда, в штурме Берлина не участвовал.

После освобождения Белоруссии я был оставлен на комсомольской работе и назначен первым секретарем Пинского горкома комсомола. А в те дни, когда брали Берлин, и вовсе был занят весьма важным делом. Даже более важным, чем война. Я женился. Ольга Федоренко – участница боев на фронте. В 1941 году награждена медалью «За отвагу», когда она была санинструктором в одной из красноармейских частей, защищавших Москву.

В 1944 году Ольгу направили в Западную Белоруссию, как тогда выражались, на восстановление народного хозяйства. Она попала в Пинск и работала у меня в аппарате горкома комсомола. Так что с Ольгой Александровной мы вместе уже более шестидесяти лет.

И когда 2 мая 1945 года вовсю гуляла наша свадьба, в два часа ночи из черной «тарелки»-репродуктора раздались привычные позывные радио Москвы. Знакомый, уже родной для всех и торжественный голос Юрия Левитана сообщил: «От Советского Информбюро… Советские войска в результате ожесточенных боев овладели столицей Германии Берлином. Знамя победы водрузили над рейхстагом. Фашистское логово…»

До конца мы не дослушали, выскочили на улицу. Стреляли из

всех имеющихся стволов: пистолетов, револьверов, автоматов, винтовок. На северо-восточной окраине Пинска стала салютовать корабельная пушка на одном из судов речной военной флотилии. Кто-то запускал осветительные ракеты.

Успокоились хлопцы не скоро. Вернулись к столам, к недопитой самогонке. Опрокинули за Победу. Ведь уже было ясно, что она пришла.

А еще в памяти сохранилась такая деталь: часа в четыре ночи в окно кто-то постучал. Оказывается, живший с семьей по соседству бывший партизанский доктор, а теперь заведующий областным управлением здравоохранения Николай Иванович Воронович, услышав стрельбу на нашей улочке Бассейной, подумал, что город захватила крупная банда. Тогда они еще шастали в окрестностях. И он вместе с семьей забрался в подвал своего домика, где и сидел, пока все стихло. Потом постучался к нам, чтобы поинтересоваться, по какому поводу стреляли.

Но во время тех свадебных и победных радостей мне и в голову не могло прийти, что буквально через несколько недель мне придется отправиться в… Берлин, побывать в поверженном рейхстаге и даже оставить надпись на его стене. Не от себя, не за себя. За всех своих товарищей по партизанской борьбе – рядовых и командиров.

А дело было так. В двадцатых числах мая 1945 года делегация Пинска была направлена в Германию, в свою подшефную дивизию – 55-ю Иркутско-Пинскую. Слово «Пинская» в свое почетное наименование она добавила за освобождение нашего города от оккупантов. Мы долго искали штаб третьего Белорусского фронта, в состав которого входила дивизия. Штеттин, Ландсберг… Наконец нашли.

Встретили нас радушно. В управлении тыла штаба фронта выдали три пишущие машинки для горкома партии, горисполкома, горкома комсомола, а также две легковые автомашины, еще кое-что. Вручили и личные подарки.

Мне достался радиоприемник «Телефункен». Большой ящик, по краям окованный металлом. Принимал на удивление много радиостанций. Звучание имел поразительное. Потом, уже в Пинске, жители улицы часто толпились около дома, в котором я с семьей жил, слушали новости, музыку, даже танцевали.

Военные в штабе фронта советовали: «Берите больше!» Мы же думали, как это все в Пинск доставить. Машин-то две, а водитель один. Пришлось срочно осваивать водительское дело мне, молодой все-таки. Да и самому было интересно.

А еще нам тогда, конечно же, хотелось побывать в Берлине. И чем ближе была германская столица, тем более жуткие картины

недавних боев нам открывались. Никогда не забуду сотен, а может, и тысяч сгоревших советских танков на Зееловских высотах. За прошедшие недели запах гари с них еще не выветрился.

К сожалению, по гражданскому своему пониманию, мы не согласовали этот заезд с военным командованием. И нас по дороге задержали, доставили в штаб ближайшего корпуса. Правда, задержали по моей вине. В одном из городков я не справился с управлением и повредил конную повозку, принадлежавшую кавалерийскому корпусу. Нас доставили к командованию.

Корпусом командовал генерал Алексей Николаевич Инаури – грузин. После войны с середины пятидесятых годов он возглавлял КГБ Грузии. Человек он строгий, и нас стали спрашивать весьма дотошно: «Кто такие, ваши документы…» Мы забеспокоились: быть беде, чего доброго, под арест посадят до выяснения всех обстоятельств.

Документы мы предъявили, а мне сразу вопрос: «За что получил орден Красного Знамени, за какие подвиги?» Объяснил, что три года воевал в партизанах, а награду получил еще в 42-м. Отношение к нам сразу изменилось.

Посыпались шутки, мол, что с партизан возьмешь, они же привыкли действовать без предупреждения. Но напомнили, что порядок в расположении корпуса надо соблюдать. Потом генерал распорядился нас накормить и устроить на ночлег. Назавтра нас обеспечили бензином, а еще в дорогу подкинули парочку канистр спирта. Дорога-то до Пинска предстояла долгая.

А потом мы все же побывали в рейхстаге и рейхсканцелярии. Сильных разрушений или следов пожара в рейхсканцелярии я не помню. Запомнились большой кабинет, большой глобус у стола. Попробовали его вращать. В кабинете напротив приемной я прихватил какую-то папку с надписью «Адъютант фюрера». Зачем она мне? А для того, чтобы подтвердить, что был в той самой канцелярии. Побывали там, где закончили свои дни Гитлер, Ева Браун. Запомнились смрад и чувство гадливости. И никакой злобы. Равнодушие. Так и должно было случиться, туда вам и дорога…

Затем мы подъехали к рейхстагу. Все его стены и колонны были расписаны мелом, углем, краской. Многие надписи выцарапаны штыками или чем-то острым. И я тоже подыскал нужную железяку.

Мужики подняли меня на плечи, чтобы можно было найти свободное место на колонне, и я нацарапал: «Пинские партизаны дошли до Берлина». Я знал, что большинство наших ребят после

освобождения белорусских земель ушли на фронт. И я сам собирался в действующую армию, другого и предполагать не мог.

Многие мои партизанские соратники в самом деле дотопали до немецкой столицы, доползли по-пластунски, добежали в атаках. Но меня и Виктора Лифантьева оставили на комсомольской работе. Василий Захарович Корж – командир нашего партизанского соединения – так решил. Объяснил он свое решение очень просто: «Здесь ты теперь нужен. Что ты все под пули рвешься!»

На Берлин, на рейхстаг я, конечно, смотрел широко раскрытыми глазами. И не только потому, что впервые был за пределами родной земли. Мне в ту весну было двадцать три года. Еще четыре года назад мне никакая фантазия не позволила бы предположить, какими они для меня станут, эти годы, что придется пережить, чтобы оказаться в германской столице. А пережить пришлось многое.

ПЕРВЫЕ ДНИ

Когда читаешь, слушаешь воспоминания о днях Победы, невольно возникает ощущение, что война для всех закончилась одинаково. Была безудержная радость, столь же безудержная стрельба в воздух, пока хватало патронов. Ведь эту Победу так ждали, так много за нее положили, так часто не надеялись до нее дожить. Потому радость, по сути, была и двойной, и одинаковой: мы победили, и я жив. Это было самое важное, а самое важное остается таковым и через десятки лет. Я, как видите, тоже начал… с той же стрельбы от радости.

А вот воспоминания о том, кого и где война застигла, у всех разные. И это тоже объяснимо. Люди занимались разными делами, и главным виделось разное. Один собирался строить дом, другой – учиться, третий ждал ребенка…

Война все и всех привела к единому знаменателю и сама стала главным делом жизни на целые годы, поделив время и заботы на «до» и «после». Она заставила все отбросить в сторону и начать действовать в новых условиях. А ценой тех действий могло быть собственное пребывание на земле.

Тогда самым важным стало именно это: быть или не быть. И как быть. Каждому предстояло сделать выбор, исходя из желания «быть», но совершенно не зная, какую цену за это придется заплатить. Потому и я расскажу, как и где начиналась война для меня.

Мне в ту пору было девятнадцать лет, и работал я заведующим отделом Пинского райкома комсомола. Пинск – тогда небольшой город на юго-западе Белоруссии – был центром созданной полтора года перед этим Пинской области. До сентября 1939 года он входил в состав Польши, как и вся Западная Беларусь, которая на законных основаниях вошла в состав БССР и СССР только в декабре 1939 года, после соответствующих решений Верховных Советов БССР и СССР.

Новую власть, как правило, осуществляли новые кадры, прибывшие в основном из восточных районов республики и всей страны. Так оказался в Пинске и я, уроженец Гомельской области.

Переехать на новое место работы мне не составляло никакого труда, потому что родителей у меня уже не было, собственной семьи еще не создал, какого-то имущества не было тем более. До этого успел два года поучиться в медицинском техникуме, но не окончил его.

Жить приходилось на голую стипендию в шестьдесят рублей, которой катастрофически не хватало. Хлеб да кипяток, а суп

перловый – один раз в два-три дня. И помощи ждать было не от кого.

После второго курса устроился пионервожатым на лето, чтобы подработать. Через некоторое время взяли инструктором Гомельского горкома комсомола. Оттуда попал на республиканские курсы в Минск. Это был тот самый 1939 год, год освобождения Западной Беларуси и воссоединения ее с БССР. Вот тогда-то почти все участники курсов и были направлены на комсомольскую работу в западные регионы. Так я и оказался в Пинске.

В то воскресенье – 22 июня 1941 года – в Пинском районе было запланировано проведение молодежного кросса. По поручению бюро райкома комсомола я за несколько суток до соревнований выехал в Парохонский и Дубновичский сельсоветы (примерно в тридцати километрах от Пинска) готовить это мероприятие.

В пятницу 20 июня в деревне Парохонск провел комсомольское собрание, посвященное спортивным соревнованиям. Заготовили красные полотнища с надписями «Старт» и «Финиш», другие транспаранты. Но кросс бежать не довелось.

Утром 22 июня к восьми часам я пришел к зданию Парохонского сельсовета, где в десять было намечено дать старт. У сельского исполкома собралось несколько десятков юношей и девушек, одетых наряднее, чем обычно. Все-таки воскресенье и молодежный праздник.

А вскоре из Пинска прибыл поезд. Мы увидели большую группу людей, которые молча шли со стороны станции. Лица у всех были встревоженные, даже растерянные. Среди них – лейтенант, начальник авиаполигона воинской авиачасти в Жабчицах в девяти километрах от Пинска. Полигон размещался в болотах за Парохонском. На мой вопрос о том, что случилось, лейтенант ответил:

– Немцы бомбили военный аэродром в Жабчицах. Я видел, как два наших истребителя поднялись в воздух. Один из них таранил фашиста. Вот все, что я знаю.

Надо полагать, налет произвел на лейтенанта нешуточное впечатление, если он уже в десять утра оказался довольно далеко от своей части, без пилотки, без ремня. А что касается тарана над Жабчицами в то июньское утро, то рассказ о нем я потом не раз слышал от местных жителей и партизан: и в сорок втором, и в сорок третьем, и позже – после войны.

При этом уточнялось, что взлетевший пилот не вел огонь по немецким бомбардировщикам. Он сразу пошел на таран. Похоже,

боеприпасов на борту самолета не было. К сожалению, фамилия отчаянного летчика, совершившего тот подвиг в первые часы войны, мне не известна до сих пор.

Выслушав лейтенанта, я побежал в сельсовет к телефону, чтобы дозвониться до Пинска. Сделать это удалось с большим трудом. В райкоме комсомола никто не отвечал. Впрочем, в райкоме тогда работали всего два человека: секретарь и заведующий отделом, то есть я.

Наконец удалось соединиться с первым секретарем райкома партии К.Т. Жулего. От него и получил указание собрать сельский актив, дождаться работника райвоенкомата и помочь ему в проведении мобилизации военнообязанных. С этими мобилизованными к концу дня предстояло вернуться в город.

В Пинск мы прибыли поздним вечером на платформе товарного поезда. Сразу скажу, что мобилизованных было 40 – 50 человек, до города удалось довезти не всех. Большинство растворилось в темноте на остановках. Об этом я еще расскажу. А тогда мне было не до них, тем более что ими занимался представитель военкомата.

Я сразу же поспешил на улицу Почтовую, теперь она носит имя Героя Советского Союза Константина Заслонова. Там располагался обком комсомола. В кабинете первого секретаря Ольги Александровны Сысоевой было людно. Входили и выходили люди, получали какие-то указания.

Вскоре привезли винтовки и патроны. Шло формирование истребительного отряда. Слово «партизанский» еще не произносилось. Организовывал истребительный отряд заведующий финансовым сектором обкома партии Василий Захарович Корж.

Почему именно Корж, а не другой работник обкома партии или обкома комсомола, или местного НКВД?

Уроженец здешних мест, человек в возрасте чуть больше сорока лет, старик для нас молодых, Василий Захарович был известен нам как участник гражданской войны, боев в Испании, орденоносец.

Я тогда еще не предполагал, что бок о бок с ним мне придется провести долгих три года и эти годы общения с Василием Захаровичем окончательно сформируют меня как человека. Инициатива создания такого отряда исходила именно от него. И высказал ее он еще утром 22 июня.

В тот злополучный день Василий Захарович на работу не собирался. На рассвете вместе с сыном Леонидом стал поливать грядки с капустой, а потом планировал махнуть на Пину, чтобы посидеть с удочками.

Но у калитки настойчиво посигналила обкомовская машина. Василий Захарович почувствовал недоброе: не на прогулку приглашают, раз прислали машину. Водитель сказал, что вызывает первый секретарь, и добавил: вроде бы бомбили аэродром в Жабчицах.

Первый секретарь Авксентий Малахович Минченко сообщил, что немцы совершили вооруженную провокацию, призвал всех быть готовыми к отражению агрессии и приказал готовить транспорт для эвакуации архивов на восток.

Коржу было понятно, что руководитель обкома достаточной информацией не обладает, связи с Минском и Брестом у него нет.

Покончив с погрузкой архива, Корж снова пошел к первому. Связи с Брестом и Минском у того по-прежнему не было. Свое предложение Василий Захарович сформулировал предельно ясно:

– Это война, а не провокация. И война надолго. Я недавно прибыл из Испании, потому знаю, с кем придется воевать. Не обойтись в этом деле без партизанских отрядов. Как бывший партизан предлагаю начинать формирование первого такого отряда. Поверьте моему опыту.

Первый секретарь ответил в стиле того времени:

– Не сей панику, Василий Захарович. Ты думаешь, что мы сдадим немцам Пинск? Красная Армия дальше Буга немцев не пустит. В крайнем случае дальше Кобрина (сорок километров к востоку от Бреста). А скорее всего фронт установится на Висле.

Конечно же, слова о том, что дальше Бреста или Кобрина немцы не продвинутся, с распоряжением готовить к эвакуации семьи и архивы сочетались между собой плохо. Корж, не фиксируя на этом внимание, стоял на своем:

– Тогда буду водить свой отряд на диверсии за Буг и за Вислу. Те места мне известны еще с гражданской войны.

Теперь с высоты прожитых лет я понимаю: Корж знал, что говорил. Идея создания партизанского отряда ему пришла не случайно. Наши нынешние представления о партизанской войне в Беларуси сформированы в первую очередь партизанским опытом республики в Великой Отечественной.

А ведь до этого были другие войны и другие действия партизанских формирований. Например, в годы первой мировой войны на Пинщине базировался казачий партизанский отряд.

Пользуясь тем, что в болотистой местности линия фронта не везде была сплошной, казаки прорывались на неприятельскую сторону, куролесили в ближних немецких тылах и возвращались назад.

Не исключено, что это было известно и Коржу. Во-первых, он родился и взрослел в тех краях. Во-вторых, в тридцатые годы,

когда Белорусским особым военным округом командовал видный советский военачальник Иероним Петрович Уборевич, в республике многое делалось для возможного развертывания партизанской борьбы в случае предстоящей войны.

Лет двадцать пять назад в журнале «Вопросы истории» я вычитал, что тогда в специальные тайники было заложено несколько десятков тысяч единиц стрелкового оружия, в том числе тысячи пулеметов. А главное – специальную подготовку проходили кадры будущих организаторов и командиров партизанских отрядов.

На регулярных курсах и учениях в условиях полной секретности изучали опыт партизанской борьбы, особенности действий такого рода формирований, овладевали навыками организации диверсий, владения различными видами оружия, минного дела. Среди них был и Василий Захарович Корж.

К сожалению, после известных предвоенных судебных процессов над высшими военными, особенно процесса над маршалом Тухачевским, по которому проходил и командарм Уборевич, после кампаний по разоблачению «заговоров» в Красной Армии эта работа была свернута, тайники с оружием ликвидированы.

Подготовка к партизанской войне стала рассматриваться как пораженчество. Я знаю, что уже во время войны Корж несколько раз ходил в те места, где когда-то закладывалось оружие, боеприпасы, но каждый раз возвращался ни с чем.

Еще большего сожаления заслуживает то, что были ликвидированы и подготовленные для развертывания партизанской борьбы кадры. В той же публикации в журнале «Вопросы истории» указывалось, что уцелели после чисток только три человека. Уцелели они потому, что в разгар репрессий находились в Испании.

Это были Василий Захарович Корж, Кирилл Прокофьевич Орловский и Станислав Алексеевич Ваупшасов. Все трое во время войны стали выдающимися партизанскими руководителями, возглавили крупные партизанские соединения. И всем троим было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Нетрудно представить, насколько полезными для борьбы во вражеском тылу были бы те, кто волею жестокой судьбы до войны не дожил. Но случилось то, что случилось. Искусство партизанской стратегии и тактики пришлось осваивать новым людям и уже по ходу войны.

У Василия Захаровича Коржа был собственный опыт партизанских действий, приобретенный еще в двадцатые годы. К сожалению, в наше время так преподают историю, что молодое

поколение уже многого не знает даже из не совсем далекого прошлого.

Большинство людей теперь предполагают, что Беларусь назвали республикой-партизанкой, так сказать, по итогам Великой Отечественной войны. А ведь основания для этого появились значительно раньше.

Партизанское движение было широко развито в Западной Беларуси и в начале двадцатых годов прошлого века. Еще в 1918 году после оккупации ее земель германскими войсками оно ярким пламенем вспыхнуло в немецких тылах. И особенно широкий размах получило на юге Беларуси.

Силами партизан, а они составили более 15 тысяч штыков и сабель, от оккупантов было очищено практически все Полесье – юго-западная часть нынешней республики, те самые места, где во время Великой Отечественной войны пришлось партизанить и нам.

Сразу после включения западнобелорусских территорий в состав вновь образованного польского государства начался новый этап партизанской борьбы.

Это движение было настолько массовым и активным, что польские власти не могли справиться с ним даже при помощи многочисленных воинских формирований. Партизаны выставляли ультиматумы польскому сейму, напрямую обращались в Лигу Наций. Прекращено было то партизанское движение по решению ЦК Компартии Западной Беларуси, который, надо полагать, исходил из установок Коминтерна.

Участвовал в этом партизанском движении и В.З. Корж. Более того, участвовал под руководством К.П. Орловского, который тогда был широко известен в Западной Беларуси под псевдонимом Муха-Михальский. Одна из операций, проведенных Муха-Михальским, заслуживает того, чтобы упомянуть о ней сейчас.

В сентябре 1924 года разведка доложила Орловскому, что в Лунинец специальным поездом направляется руководитель Полесского воеводства Довнарович. Узнав от своих людей о графике движения поезда воеводы, партизаны Орловского на станции Ловча остановили его, обезоружили охрану и захватили все четыре начальственных вагона, а в них – самого воеводу Довнаровича, а также коменданта окружной полиции, епископа и одного из польских сенаторов.

Орловский не стал чинить над ними расправы. Он предложил Довнаровичу подать в отставку и немедленно оповестить об этом центральные польские власти и польскую прессу по телеграфу. Воеводе ничего не оставалось делать как повиноваться.

Партизаны тем временем провели «ревизию» поезда, собрали оружие, отогнали за мост паровоз, а мост взорвали. Затем пожелали воеводе быстрее дождаться подмоги, а сами удалились.

– Убить было проще всего, – объяснял потом партизанам Кирилл Прокофьевич. – Но тогда власти изобразили бы Довнаровича мучеником, а нас – бандитами. Мы же одержали моральную победу, которая зачастую важнее военной. Мы оказались сильнее польского сейма, который назначал его воеводой, поскольку отрешили Довнаровича от должности без согласия парламента.

В правоте этих слов о чрезвычайной важности моральных побед во время Великой Отечественной войны я убеждался не раз. Собственными глазами видел, как последовательно на эти победы работает Василий Захарович Корж. Мы потом поймем, насколько ценным станет жизненный опыт Коржа и для всех нас, связавших с ним свою военную судьбу, и для всего партизанского движения.

В этих моих словах нет преувеличения. Забегая вперед, признаюсь, что во время борьбы в тылу врага нам и в голову не приходило, что Корж имеет только начальное образование да различные курсы в 30-е годы. Мудрости житейской у него была палата, плюс абсолютная преданность делу и народу. Как командир он был на голову выше многих из тех, кто имел академическое образование.

Помню в сорок первом прибились к нам два полковника-штабиста, которые шли на восток. Они никак не могли сориентироваться ни в окружающей обстановке, ни в том, что мы собирались делать. А Корж находился в своей стихии. Теперь я абсолютно уверен, что именно Василий Захарович и его опыт помогли нам с честью выйти из тех испытаний, которые поставила перед нами война.

Благодаря его организаторскому таланту это движение приобрело столь широкий размах в южной и юго-восточной частях республики. И особенно ценен был этот опыт в первые месяцы фашистской оккупации, когда многие видели перед собой только картины катастрофы, когда людей покидало даже то, что всегда умирает в последнюю очередь, – надежда.

Еще один разговор о создании партизанского отряда с первым секретарем состоялся у Коржа ближе к полудню 22 июня. Минченко на сей раз сказал:

– Знаешь, Василь, ты надежных людей все же подыскивай. Мы поручили Сысоевой и Гиммельштейну помочь тебе в подборе таких людей. Назовем это пока истребительным отрядом.

Ольга Александровна Сысоева до войны работала первым секретарем Пинского обкома комсомола, Иосиф Вульфович

Гиммельштейн – вторым секретарем Пинского горкома партии.

Вечером, когда я прибыл из Парохонска в Пинск, комсомольский актив уже был в сборе в здании обкома комсомола. Формирование истребительного отряда завершалось.

Я не раздумывая стал его бойцом. Иное просто не могло прийти в голову молодому комсомольскому работнику. Получил трехлинейку без ремня, выпущенную в 1896 году, и девяносто патронов к ней. Некоторым, кто был более знаком с военным делом, досталась граната.

Ночевали мы тут же, в обкоме, где и как придется: на полу, на стульях, даже на столах. Перекусили тоже чем Бог послал. Помню, что прибегали дети Коржа – дочь Зина и сын Леонид. Они принесли поесть отцу, который не появлялся дома с самого утра. Но, по-моему, ни крошки из того ужина Василию Захаровичу не досталось. Так же считает и Зинаида Васильевна, которая живет ныне в Минске. Да и не до еды ему было.

Забегая вперед, скажу, что вскоре Зина, прибавив себе лет, вступила в армию и всю войну прошла кавалеристом. Леня, который был моложе сестры, к концу войны стал курсантом танкового училища.

Истребительный отряд поначалу нес службу по охране порядка в городе. А в ночь на 26 июня нам скомандовали построение. Истребительный отряд двинулся к станции Городище, которая была в двенадцати километрах от Пинска в сторону Лунинца.

Дорога была запружена народом, поэтому мы двигались по обочине. На траву пала обильная летняя роса, и мои парусиновые ботинки сразу же промокли насквозь. Через некоторое время началась паника. У нас за спиной стали рваться бомбы и снаряды.

Оказывается, облвоенком майор Емельянов, который был начальником гарнизона, приказал взорвать склады боеприпасов, расположенные в лесочке неподалеку от города. Потом он пытался убедить, что склады разбомбили немецкие самолеты. Это зрелище было не для слабонервных. В том числе и для нас, не видевших войны парней. Для сугубо гражданских людей, особенно женщин, – тем более.

На дороге валялись брошенные вещи, плакали потерявшиеся дети. Несколько военных, сопровождавших пушку на конной тяге, обрубили постромки и умчались, бросив свое орудие. Мы, молодежь, старались твердо держаться своего командира.

В Городище прибыли к утру. Там стоял товарняк – вагоны и платформы. Нас, около сотни вооруженных людей, погрузили на платформы, и поезд двинулся дальше в сторону Лунинца. На станции Ловча снова остановились. Начальник станции –

старший лейтенант, он же железнодорожный комендант, а также секретарь горкома Гиммельштейн и наш Василий Захарович собрали нас и объявили:

– Будем возвращаться в Пинск. Нужны добровольцы.

Мы, молодые, вызвались в числе добровольцев, хотя и не знали, чем продиктовано возвращение. Но добровольцев набралось меньше, чем было бойцов в истребительном отряде. Меня поразило и то, что в товарных вагонах и на платформах оставались брошенными винтовки, патроны.

Добирались мы до Пинска на импровизированном «бронепоезде», обложив грузовые платформы шпалами. Вернувшись, застали картину не из приятных: валяющиеся на земле документы во дворе местного НКВД, открытые кабинеты, сейфы, грабеж военных складов и магазинов.

Мародеров моряки Пинской речной флотилии разгоняли стрельбой в воздух. Мы вновь приступили к патрулированию города, охране важных объектов.

По возвращении в Пинск на базе истребительного отряда Корж в тот же день стал создавать партизанский отряд. У него к тому времени не осталось сомнений в том, что необходимость в таком отряде есть и действовать придется не только и не столько в прифронтовой полосе, сколько в тылу врага. Другое дело, никто, пожалуй, даже он, не мог предположить, что этот тыл будет настолько глубоким.

Это не было формальным переименованием отряда из истребительного в партизанский. К каждому кандидату в партизаны Корж присматривался и с каждым беседовал, исходя из собственного понимания задач, которые этим людям предстояло решать, расспрашивал.

Я сам попросился в отряд. Меня, а также Ш.И. Берковича, И.И. Чуклая, В.Н. Лифантьева, М.А. Ласуту рекомендовал обком комсомола.

Корж задавал вопросы. Пояснял, что будем проникать через линию фронта и действовать в тылу врага – тогда другое еще и нельзя было сказать. Не скрывал, что легких задач не предвидится. Наоборот, подчеркивал, что будет тяжко, скорее всего, даже очень тяжко. Другое дело, что мы, особенно молодежь, тогда не могли представить себе, насколько нелегкую дорогу выбираем.

Не могу похвастаться, что Корж брал меня с восторгом. Я был молод, мал ростом и худ. Одет тоже был не для трудных походов. Такой-сякой пиджачок, такая-сякая обувка. Пришлось даже убеждать командира, мол, в меня, щуплого, немцу труднее будет попасть, мне проще укрыться за любой кочкой. Короче, взяли.

Все сдали документы. Паспорта, партийные, комсомольские билеты, служебные удостоверения. И все сменили фамилии. Я получил псевдоним Северов. Корж стал Комаровым.

Отряд назвали отрядом Комарова, и под этим названием он долго фигурировал в официальных отчетах, да и в немецких документах. Комаровым стал наш командир и для местного населения, а нас почти всю войну называли «комаровцами». Мы и сами себя так называли в своих листовках, в расписках, которые давали крестьянам за полученные продукты, на деревенских собраниях, обычных встречах с населением.

Потом люди часто «идентифицировали» партизан но фамилии или имени командира. Например, бойцов отряда имени Макаревича соседнего Брестского соединения называли женьковцами, потому что до лета 1943 года ими командовал лейтенант Евгений Макаревич.

Бойцов отряда имени Сталина нашего соединения, который действовал в Ивановском, Дрогичинском и других районах, местное население обычно называло отрядом Миши, потому что им командовал Михаил Герасимов.

Все это будет потом, а пока нам предстояло привыкнуть к новым фамилиям командиров и соратников. Ведь у многих в городе, окрестных селах оставались родственники, которые могли поплатиться жизнью за родство с партизанами. Отправляя Веру Захаровну Хору жую за линию фронта, Корж напоминал ей:

– Никакого Коржа не существует. Запомни: я Комаров, есть отряд Комарова.

Вера Захаровна ответила с юмором:

– Само собой. Ведь если немцы узнают подлинное имя командира, от Коржей в твоей деревне Хоростово и крошек не останется. И с другими так же поступят.

В свое время я не раз думал, почему именно в Западной Беларуси появились первые партизанские отряды в годы Великой Отечественной войны? Ведь прошло всего полтора года с тех пор, как в этом крае установилась советская власть. И не ко всем она была милостива. Да, простому люду она принесла освобождение от национального и социального гнета, но многим пришлось менять жизненный уклад. А это всегда болезненный процесс.

И тем не менее прежде всего в Западной Беларуси у оккупантов сразу загорелась земля под ногами. Не только же потому, что эту местность раньше всех оккупировали гитлеровцы, поскольку она была пограничной. В принципе, почти вся Беларусь была оккупирована за две недели, за исключением самой восточной части – Могилевщины и самого Могилева. Значит, существовали другие, по-настоящему весомые причины?

Они действительно были. Во-первых, в сознании населения были свежи воспоминания о польской оккупации, когда белорусы были низведены до состояния второстепенных людей. Даже родным языком в общественной жизни они пользоваться не смели. Были закрыты все белорусские учебные заведения.

После двух десятилетий пережитых унижений белорусы встречали красноармейцев в сентябре 1939 года как братьев. И это не образное сравнение. Слово «братья» в самом деле было главным во время тех встреч.

Во-вторых, сохранились в этих краях партизанские кадры, вожаки, подобные Коржу. Когда в 1943 году во время недолгого пребывания в Москве Василий Захарович напишет свою докладную записку «О проделанной работе в тылу врага за период с первых дней войны, т.е. с июня 1941 года по 3 апреля 1942 года» и укажет, из кого формировался отряд, он первым делом назовет несколько старых партизан. Это были Григорий Карасев, Никита Бондаровец и еще с десяток его надежных товарищей.

В-третьих, надо вспомнить о КП ЗБ – Коммунистической партии Западной Беларуси. В 1938 году она была несправедливо обвинена в том, что ее ряды засорили шпионы, а затем распущена решением Коминтерна.

Но люди-то остались. А с ними остался их опыт подпольной, конспиративной работы, налаженные за много лет связи. Не ослабела и закалка. Они-то и были готовы к возобновлению борьбы в условиях оккупации и подполья.

О том, что могли такие люди, расскажу на одном примере. В первые недели войны в деревне Трилиски Ивановского района был арестован и заключен в пинскую тюрьму бывший активист КП ЗБ Григорий Еремеевич Балюк.

За принадлежность к компартии «при Польше» он несколько лет отсидел в тюрьме. Перед войной, уже при советской власти, работал слесарем в райцентре. Эвакуироваться не успел. При «новом порядке» был арестован за неблагонадежность.

Кто знает, как сложилась бы судьба этого человека после ареста, но в здании пинской окружной жандармерии, которой была «подведомственна» тюрьма, сломался хитроумный замок в одном из начальственных кабинетов. Стали искать опытного слесаря. Доподлинно неизвестно, сам Балюк вызвался в ремонтники, указал ли кто-то на то, что он классный слесарь, но чинить замок было поручено ему. Поручение он выполнил.

С того момента Балюка решили приберечь для сложных поручений подобного рода. Днем под конвоем водили на работу, на ночь возвращали в тюрьму. Потом его перевели в

расположенную рядом автомастерскую, там же и поселили. На работу в жандармерию и тюрьму водили по-прежнему. Но постоянное сопровождение со временем сняли. Балюк ремонтировал все: двери, замки, систему отопления. Через некоторое время разрешили свидания с женой. Потом жена упросила начальство автомастерской отпускать его домой на воскресные дни.

Возвращаясь, Балюк привозил хлеб, другие продукты. Все тщательно проверяли, но постепенно контроль ослабевал, потому что за полтора года заключенный не дал ни одного повода для подозрений.

И наконец бывалый подпольщик через жену «включил» свои старые связи. Он вышел на командира спецотряда под командованием майора Цветкова, который базировался в Ивановском районе. Тот прибыл на встречу сам и поставил задачу… взорвать жандармерию. Оставалось додуматься, как пронести взрывчатку.

Способ предложила жена. Она стала печь большие буханки хлеба, аккуратно отслаивать нижнюю корку и доставать мякиш. На его место запихивали тол. Затем разломы она замазывала тестом и снова запекала. Специалисты знают, что при медленном нагревании тол не взрывается. Так взрывчатка была доставлена куда надо.

В сентябре 1943-го, в субботу, перед очередным отъездом домой Балюк чистил дымоход печки, которая обогревала кабинет начальника жандармерии, и вместе с грузилом и мочалом, сдирающим со стенок трубы сажу, опустил в трубу мину.

Жандармерия была взорвана. Сгорели очень ценные для гитлеровцев документы. Когда немцы с полицией нагрянули в Трилиски, Балюка с семьей партизаны везли к своему лагерю. В отместку немцы сожгли его хозяйство. Даже то, что не хотело гореть, – яблони и груши в саду – облили бензином и гоже подожгли.

Балюк с семьей до конца войны пробыл в отряде майора Цветкова. Чинил оружие. Будучи по природе человеком немногословным, ни о чем не напоминал, не требовал никаких наград.

Архивисты раскопали эту историю в 1970 году. Григорий Еремеевич был награжден орденом Красного Знамени. На вопрос, почему он молчал столько лет, даже тогда, когда поползли слухи, что этот взрыв осуществили другие люди, которые и награды получили, он ответил с некоторым удивлением:

– Я же давал подписку. Отряд-то был специальный.

К чему я это вспомнил? Партизаны, подпольщики – те же

разведчики. А бывших разведчиков, как известно, не бывает. Люди с опытом подпольной работы были очень нужны нам. Особенно в 1941 году.

Такими людьми как раз и были те, кто прошел школу КПЗБ в условиях польской оккупации. Это были готовые кадры для развертывания партизанской борьбы, особенно для налаживания конспиративных контактов. Потому многие бывшие члены КПЗБ проявили себя в партизанском движении наилучшим образом.

Можно привести много фамилий, но я не пишу историю партизанского движения, а просто «итожу то, что прожил», как сказал Маяковский. В данном случае стараюсь осмыслить суть этого движения, предпосылки, которые сделали его возможным с первых недель войны и превратили в самое массовое движение сопротивления всех времен и народов.

Однако еще одного человека назову. Это Вера Захаровна Хоружая. Испытанная подпольщица, хлебнувшая лиха в польских тюрьмах, она тоже была в первом составе нашего партизанского отряда вместе со своим мужем Сергеем Корниловым. Сергей погиб во втором нашем бою. А Веру Захаровну, которая была в то время беременная, несмотря на ее протесты, Корж после первых боев направил за линию фронта для установления связи с руководством республики.

Хоружая смогла добраться до Гомеля, где в то время базировался ЦК партии, и передала секретарю ЦК П.З.Калинину подробную карту района действий отряда и просьбу помочь оружием и боеприпасами.

Это тот самый Калинин, о котором я упоминал вначале. Петр Захарович Калинин потом стал начальником Белорусского штаба партизанского движения (БШПД). А Вера Захаровна Хоружая после родов вернулась в тыл врага, возглавила группу подпольщиков в Витебске, где была замучена фашистами.

В.З. Хоружей посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Ее именем названы улицы в Минске, Бобруйске, Бресте, Гродно, Витебске – в 28 городах и городских поселках Беларуси, во многих деревнях.

Это имя носят школы, училища, библиотеки, а в Бобруйске, Витебске, Дрогичине, Мозыре, Пинске, Пружанах ей поставлены памятники. В Минске, Гродно, Калинковичах, Пружанах, Телеханах на домах, в которых жила Вера Захаровна, установлены мемориальные доски.

Двух Героев Советского Союза дал наш небольшой отряд, состоявший вначале из шестидесяти человек, а в самые трудные для нас дни и недели – из семнадцати. Вторым Героем стал наш командир – Василий Захарович Корж.

Формирование первого на Пинщине партизанского отряда началось и закончилось в один день – 26 июня 1941 года. Отряд состоял из шестидесяти человек и был разбит на три группы. Нашу группу, в основном молодежную, возглавил заведующий военным отделом горкома партии Сергей Корнилов. В тот день В.З. Корж впервые произнес слова «мои партизаны».

Короткая история истребительного отряда закончилась. Началась трехлетняя партизанская эпопея комаровцев. Фронт уходил на восток, а небольшой партизанский отряд оставался в тылу врага.

В то время никто из нас не думал, что этот тыл окажется настолько глубоким, что придется вести вооруженную борьбу почти за 1000 километров от Москвы, куда докатится гитлеровская армада, что наша борьба продлится 1119 дней. День в день, ночь в ночь.

ПОЧЕМУ?!

«Так уж устроен человек: можно предчувствовать надвигающуюся беду, а когда она придет, кажется, что она свалилась неожиданно. Такой внезапной бедой для нашего народа стала война». Эти слова принадлежат Кириллу Трофимовичу Мазурову. Я их выписал из его книги «Незабываемое». Она издана через сорок с лишним лет после войны в Москве, когда К.Т. Мазуров был председателем Всесоюзного Совета ветеранов войны и труда.

До этого Кирилл Трофимович успел поработать руководителем белорусского правительства, первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР, членом Политбюро ЦК КПСС. А во время войны я знал его как товарища Виктора – секретаря ЦК комсомола Белоруссии, уполномоченного Центрального штаба партизанского движения.

За время оккупации Мазуров прошел многие сотни километров партизанскими тропами от отряда к отряду, от бригады к бригаде. Я сам не раз получал от него указания, советы и, чего греха таить, взбучки. Не раз общался с ним и после войны. В своей книге Кирилл Трофимович добрым словом вспомнил и обо мне: «Нордман – геройский парень…»

Такая оценка дорогого стоит, тем более из уст человека, к которому ты всегда испытывал уважение. Жизнь Мазурова сложилась так, что с молодых лет он занимал высокие посты, обладал большой информацией по любым государственным проблемам. Но, оказывается, и он мучительно размышлял, почему война все-таки оказалась такой неожиданной.

Злополучный вопрос «почему» себе и другим задавали мы все, прошедшие ту войну, особенно те, кто знал о ее первых днях и месяцах не понаслышке. Не раз думал об этом и я.

В самом деле, почему командиры частей, расположенных в Брестской крепости, жили не в самой крепости, а в городе и по сигналу тревоги не смогли пробиться к своим подразделениям? Почему войска в приграничье не были приведены в состояние боевой готовности? Почему руководство Пинского обкома в первые часы войны осталось без связи с Брестом и Минском?

Теперь некоторые утверждают, что никакой внезапности не было, что во всем виноват Сталин, который все знал, но сам себя перехитрил. Мол, сообщали же разведчики о планируемом нападении гитлеровцев, Рихард Зорге даже дату конкретную назвал. Были и перебежчики с той стороны, которые тоже

предупреждали наших военных. Что было – то было. Но Зорге называл разные даты, в том числе 15 мая. Однако прошел тот день, а война не началась. Значит, даст Бог, пронесет…

Далеко не лучшим образом на настроения людей повлияло и заявление ТАСС от 13 июня 1941 года. В нем утверждалось, что слухи о возможной войне между СССР и Германией абсолютно беспочвенны.

Мы ведь не знали, что оно по своей сути было адресовано не нам, а руководству Германии, что это германскую позицию пытались прощупать советские лидеры. Но поскольку заявление опубликовали во всех газетах СССР, люди его поняли по-своему: войны не будет. Мы сами – партийные и комсомольские активисты – убеждали их в этом. Разве мы знали тогда что-либо о тайнах дипломатии и большой политики.

Для меня, человека, прожившего большую жизнь, теперь та внезапность, как мне кажется, представляется более понятной. По крайней мере, больше, чем тогда. И поскольку на эту тему высказываются все кому не лень, то выскажусь и я. Все-таки я генерал, прошел всю войну. И не самыми легкими дорогами.

Мое понимание внезапности состоит из двух частей: военной и психологической. Если говорить о военной стороне дела, то главное было не в том, что мы не знали точной даты нападения. И не в том, сколько у Гитлера и его союзников было танков и самолетов. Этого добра и у нас хватало.

Дело заключалось в другом: немцы применили новую, более современную, а потому более эффективную тактику ведения боевых действий. Особенно использование бронетанковых частей и соединений, а также авиации, десантов, диверсионных групп.

До второй мировой войны в уставах всех армий мира было написано, что танки, например, на иоле боя могут и должны действовать только при непосредственной поддержке пехоты. Гитлеровцы отбросили эту концепцию. Их танковые дивизии без оглядки рвались вперед, сминали заслоны и передовые части противника, шастали по тылам, сеяли панику, вносили растерянность и деморализацию.

Стоит вспомнить и о грамотном использовании десантов. Еще во время атаки на Францию, Голландию, Бельгию немцы убедились, что одна воздушно-десантная рота, захватившая ключевой мост или дорожный узел, может парализовать действия нескольких полков.

А захват немецкими парашютистами острова Крит в 1940 году, на котором размещалось до 70 тысяч английских и греческих войск! Опасность малых и крупных десантов потом довелось познать и Красной Армии с ее тылом.

Немецкие генералы опередили военных из других стран прежде всего более смелым стратегическим и тактическим планированием и действием.

В этом была главная внезапность и для нашего, и для западного генералитета. Потому и пали за две недели Польша, Франция. По два-три дня продержались государства поменьше. На волоске висела и судьба Великобритании.

Теперь в прессе нередко встречается ехидный вопрос: «Разве нельзя было сделать своевременные выводы из поражений Польши, Франции и предпринять соответствующие меры?» Видимо, нельзя. Армия – механизм большой, сложный и громоздкий. Чтобы перестроить его, надо было перекроить и экономику страны. Потому советское руководство и пыталось оттянуть начало войны до весны 1942 года, чтобы успеть это сделать.

В то же время я полностью согласен с генералом П.А. Судоплатовым, который во время войны был заместителем начальника разведывательного управления Наркомата госбезопасности и первым заместителем разведывательного управления НКВД.

В своей книге «Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год» он пишет: «Надо отметить, что наш Генштаб и его аналитики оказались не на должной высоте. Маневренный характер современной войны, наступательные операции немцев одновременно в нескольких направлениях не были учтены, так как они резко контрастировали со схемой первой мировой войны – нанесение главного удара на одном решающем направлении».

В книге писателя Феликса Чуева «Сто сорок бесед с Молотовым» я прочитал: «Мы знали, что война не за горами, что мы слабей Германии, что нам придется отступать. Весь вопрос был в том, докуда нам придется отступать – до Смоленска или до Москвы, это перед войной мы обсуждали».

Эти слова В.М. Молотова, человека, который многие годы был правой рукой Сталина, почему-то упорно игнорирует нынешняя пишущая публика. Она изо всех сил стремится доказать, что Сталин был в плену собственных иллюзий, более того, планировал нанести удар первым, но Гитлер упредил его.

Такую возможность отвергают даже немецкие военные историки. Однако в России есть люди, которым, выходит, очень хочется взвалить всю вину за развязывание страшной войны на свою страну.

В 1996 году в «Военно-историческом журнале» было опубликовано довоенное решение советского руководства о трех оборонительных рубежах: первом – приграничном, втором – по

линии Днепра и Западной Двины, третьем – ближе к Москве.

Исходя из этого, войска на направлениях возможных ударов располагались так, чтобы не допустить окружения и разгрома еще в пограничных сражениях. Это решение тоже до сих пор не стало достоянием общественности, а ведь оно помогло бы понять очень многое. Для меня, например, в свете этого документа более ясным становится крик души секретаря Лунинецкого райкома партии В.И.Анисимова.

В своем сообщении для Наркомата путей сообщения СССР от 30 июня 1941 года он информировал, что к западу от Лунинца «сопротивление противнику оказывают только отдельные части, а не какая-то организованная армия».

С севера Лунинец «не прикрыт» вовсе, и немцы, «проходящие по шоссе от Барановичей на Слуцк, могут беспрепятственно прийти в Лунинец, что может создать мешок для всего Пинского направления».

Но этот мешок был почти пуст, что, оказывается, соответствовало замыслу, согласно которому армия накапливала силы для того, чтобы упереться на днепровском рубеже. Так и случилось. Она там уперлась довольно крепко. Вспомните, месяц длилась Смоленская битва. Продолжительные бои шли за Могилев, который не сдавался 23 дня. Оба города стоят на Днепре.

Но было еще одно важное обстоятельство, о котором знали только самые верхи государства. Как теперь стало известно из архивных документов госбезопасности СССР, перед самой войной Москва была информирована о том, что в случае конфликта между Германией и СССР США и Англия окажут помощь СССР только при неспровоцированном нападении Германии.

Упреждающий удар Красной Армии «может быть расценен как агрессивные устремления СССР на запад, и поэтому США и Англия в данной ситуации пойдут на союз с Германией против Советской России».

Похоже, именно поэтому немецким самолетам позволено было спокойно разгуливать в советском небе. Поэтому закрывали глаза на то, что под видом команд, разыскивающих немецкие могилы времен первой мировой войны, действовали группы профессиональных разведчиков.

Потому регулярно шли в Германию эшелоны с зерном, нефтью и другим сырьем, чтобы подчеркнуть, что СССР скрупулезно выполняет условия торгового договора и ни о каком другом развитии событий, кроме мирного, не помышляет.

О мире и добрососедстве с Германией каждый день заявляла советская пропаганда. Сказанное говорит о том, что Сталин

старался никому не дать ни малейшего повода для обвинений в адрес Советского Союза. И до последней минуты размышлял, на чью сторону встанет Запад. Ведь еще 21 июня 1941 года Госдепартамент США рекомендовал своему президенту «не давать заранее никаких обещаний Советскому Союзу в случае германо-советского конфликта». В этой ситуации любое неосторожное движение, непродуманное заявление могло быть расценено как «советская провокация».

Вопрос о том, на чью сторону станут США и Англия, оставался открытым до последнего момента. Даже в директиве пограничным округам в ночь на 22 июня Сталин требовал «ни при каких обстоятельствах не поддаваться провокационным действиям, могущим вызвать крупные осложнения».

Приводя эти строки, я ни для кого не ищу оправданий, тем более что не отношу себя к поклонникам Сталина. Я стараюсь осмыслить и понять то время, в котором жил.

Интересное суждение на сей счет высказал известный российский дипломат, один из лучших в наше время германистов Юлий Квицинский, долгое время работавший чрезвычайным и полномочным послом России в Германии.

В своей книге «Россия – Германия. Воспоминания о будущем» он написал: «Российская (советская) сторона до конца, до самого момента немецкого нападения, может быть, еще и много дней после него цеплялась за договор о ненападении, хотела верить, что нападение на нашу страну может быть недоразумением, отдавала перед лицом устремившихся на нее танковых лавин странные приказы не поддаваться на провокации».

Как теперь выясняется, шло невидимое сражение за будущих союзников. А поскольку оно было невидимым, никто в нашей стране о нем не знал. Потому в массовом советском общественном мнении и возобладала атмосфера излишней успокоенности: войны удастся избежать.

На мой взгляд, довольно точно па этому поводу высказался польский исследователь Чеслав Мадайчик. Он отметил, что в 1939–1941 годах в условиях активных советско-германских экономических контактов «в Советском Союзе избегали всего, что могло стать для гитлеровской Германии поводом для нападения и конфликта.

И несмотря на беспокойство, которое в общем-то вызывала экспансия этого государства, в советском общественном мнении ослабело ощущение особой опасности, которую несет немецкий фашизм и которая так сильно подчеркивалась Коминтерном в 1935 году. Не хватало также информирования населения о преступных действиях рейха в некоторых уже оккупированных им

странах».

Так и было на самом деле. В советских газетах, в сообщениях по радио не было и намека на приближающуюся опасность, на необходимость глядеть в оба. А от тайн высокой политики мы, повторяю, были далеки.

Но почему теперь, говорю я себе в который раз, когда рассекречены архивы и опубликованы многие документы, убедительно объясняющие поступки и решения тогдашнего советского руководства, об этом молчит пресса?

Кстати, считаю что в самый раз вспомнить о советско-германском договоре 1939 года, который принято называть договором Риббентропа—Молотова.

Вот что о нем писал авторитетный политик и государственный деятель Уинстон Черчилль:

«Тот факт, что такое соглашение оказалось возможным, знаменует всю глубину провала английской и французской политики и дипломатии… В пользу Советов нужно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германской армии с тем, чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех концов своей колоссальной империи.

В умах русских каленым железом запечатлелись катастрофы, которые потерпели их армии в 1914 году, когда они бросились в наступление на немцев, еще не закончив мобилизации. А теперь их границы были значительно восточнее, чем во время первой мировой войны… Если их политика и была холодно расчетливой, то она была в тот момент также в высшей степени реалистичной».

Юлий Квицинский, цитируя эти слова, резюмирует: «Иначе говоря, окажись тогда наши западные союзники на месте СССР, они действовали бы точно так же или еще более холодно и расчетливо». И добавляет: «Советский Союз не продал в 1939 году душу дьяволу. Он сел играть с чертями в карты и обыграл их».

Я полностью разделяю этот вывод, более того, согласен с ним и другими аналитиками в том, что не будь этого договора, могло не быть и Победы 1945 года. Представьте себе, что танковые колонны гитлеровцев ударили не из района Бреста и Белостока, которые отстоят от Москвы на тысячу километров, а с рубежей у самого Минска, что на триста километров ближе к советской столице.

Вспомнить об упомянутом договоре меня вынуждает и такое обстоятельство. Одним из основных положений дискуссий вокруг него является плач о том, что Сталин и Гитлер «разделили Польшу, ставшую бедной жертвой двух тиранов».

И здесь меня удивляет позиция белорусских историков.

Точнее, ее отсутствие, в лучшем случае поддакивание одной из сторон или молчание. Их не задевает даже тот факт, что из контекста дискуссий вокруг договора выпал… белорусский народ. Его как бы не было в то время. А ведь он до этого договора был разделенным, поскольку Польша в 1920 году оккупировала почти половину белорусских земель.

Так разве воссоединение целого народа ничего не стоит и в споре вокруг того договора? Неужели есть у кого-то стопроцентные основания утверждать, что Республика Беларусь сегодня существовала бы в нынешних границах, не будь того воссоединения в сентябре 1939 года?

Сможет ли кто-нибудь гарантировать хотя бы задним числом, что без того договора белорусам не пришлось бы воевать друг против друга по обе стороны советско-германского фронта? Теперь уже не секрет, что вплоть до января 1939 года Гитлер рассматривал довоенную Польшу в качестве своего младшего партнера при решении своих задач на востоке.

Об этом прямо говорит известный британский историк Б. Лиддел Гарт, который посвятил второй мировой войне капитальный труд. Да и в польской прессе до сих пор звучат суждения такого рода: надо было вместе с Гитлером двинуть польские дивизии на восток, и тогда бы польский главнокомандующий Рыдз-Смиглы, стоя на трибуне мавзолея, вместе с германскими предводителями принимал бы победный парад в Москве.

Познакомьтесь с увесистым томом известного в Польше историка Ежи Лоека «Исторический календарь» – сами убедитесь. Правда, Е. Лоек все-таки признает, что к 1948 году Германия и ее союзники во второй мировой войне потерпела бы поражение, а Польша была бы примерно в той ситуации, в которой оказалась в 1943 году поверженная Италия. Но это было бы лучше для Польши, утверждает историк.

Спрашивается, что лучше? Было бы лучше оказаться в «компании», по вине которой пролито море крови, компании, осужденной мировым сообществом? Или было бы лучше, если бы вторая мировая война длилась девять-десять лет? Какими жертвами она обернулась бы тогда для его страны – Польши? А для Беларуси? Ведь в таком случае западным белорусам, призванным в польскую армию, пришлось бы драться с восточными, с теми, кто служил в Красной Армии.

Свои соображения Ежи Лоек высказал спустя сорок лет после окончания войны. Но подобные разговоры не утихают доныне. Почитайте и послушайте современного польского «профессора Вечоркевича». Он твердит то же самое. И если такие суждения

звучат сейчас, то сколько их было в 1939 году.

Тогда давайте зададимся вопросом: разве можно допустить, что советское руководство не знало о реальных настроениях в различных слоях довоенного польского общества? Вряд ли. И это знание, надо полагать, тоже было каплей, упавшей на весы в августе 1939 года в пользу советско-германского договора.

Мне кажется, что тема этого договора должна была стать для белорусских историков принципиально важной потому, что в контексте договора решалась судьба белорусского народа.

Молчание в данном случае подобно вранью. А ведь и так ни про одну войну столько не врут и не врали, как про вторую мировую и нашу Великую Отечественную. Врут, говоря о ее причинах, о победе, продолжают врать и через шестьдесят лет после Великой Победы.

У замечательного историка и мыслителя Вадима Кожинова встретил такие слова: «Знакомясь с иными нынешними сочинениями о войне, читатели волей-неволей должны прийти к выводу, что Сталин, да и тогдашний режим в целом, чуть ли не целенаправленно стремились уложить на полях боев как можно больше своих солдат и офицеров, патологически пренебрегая тем самым и своими собственными интересами (ибо чем слабее становится армия, тем опаснее для режима)…»

У меня тоже есть ощущение, что кое-кто не прочь внушить всем именно такую оценку прошлому.

Особенно обидно, когда подобное отношение к истории собственной страны и ее армии демонстрируют вроде бы респектабельные издания, например московская «Независимая газета» и ее приложения.

Несколько лет назад один из московских ветеранов Вооруженных Сил и Великой Отечественной войны Николай Васильевич Аксенов дал аргументированный «отлуп» пресловутому предателю и борзописцу Резуну-Суворову, а также некоему кандидату химических наук Эрлену Вакку.

Оказывается, Резун-Суворов открыл ему тайну «мифической флотилии… которая погрузилась в воды реки без единого выстрела». Речь шла о Пинской речной флотилии, в которой до войны служил отец Вакка.

Я тоже имел честь соприкасаться с бойцами и командирами этой флотилии. Более того, корабли флотилии в середине июля 1941 года высадили наш отряд в устье реки Случь, впадающей в Припять.

По приказу командующего флотилией контр-адмирала Рогачева экипажи передали нам несколько десятков килограммов тола, капсюли и пару мешков сухарей, мешок соли.

А вот пулеметов Рогачев не дал, хотя Корж очень просил об этом. Видимо, не решился контр-адмирал, не имея «приказа сверху», а может, и не верил в успех партизанского дела.

Кстати, моряки Пинской флотилии были единственными, кто оказал нам хоть какую-то помощь в вооружении отряда. Сухопутные, так сказать, части, расположенные в Пинске, даже НКВД и его подразделения не пособили ничем.

Мы уходили в леса, не имея ни одного пулемета. Этот момент Василий Захарович Корж также отметит в докладной записке Центральному штабу партизанского движения.

Тот короткий переход по Припяти на судах флотилии стал нашей последней встречей с бойцами советских Вооруженных Сил на долгих три года вперед. Потом мы еще несколько дней слышали уханье корабельных пушек этой флотилии. Эти залпы подбадривали нас, как бы давали знать: моряки дерутся. Они дрались!!!

Документы свидетельствуют, что они дрались на Березине, на Днепре, защищали украинскую столицу и только потом, взорвав последние мониторы и катера, влились в сухопутные части. Резун-Суворов, как и в большинстве случаев, просто врет. Читать его – значит унижать себя. Предатель навсегда останется предателем. И неважно, кого или что он предал.

Возвращаясь к тому времени, к лету 1941 года, хочу сказать откровенно: да, нам было очень сложно ориентироваться в ситуации. И мы, тогда простые смертные, делали собственные выводы. Не всегда верные.

Я не случайно упоминал, что тогда, 22 июня, из Парохонска мы довезли до Пинска не всех мобилизованных.

Не допускаю, что они проявили малодушие. Ведь потом в партизанские отряды в массовом порядке приходили такие же местные парни и мужчины в летах, как и те, которых мы со старшим лейтенантом из военкомата не довезли до Пинска. Тогда, скорее всего, они полагали, что все быстро закончится, что обойдутся без них. Ведь только о таком единственно возможном исходе еще вчера можно было услышать из каждого репродуктора.

Из уст мобилизованных то и дело слышались слова: «Не ко времени война, в разгаре косовица, на носу уборка хлебов». Впрочем, какая война случается ко времени. Тем более, смею утверждать, никто из них, из нас не мог в то время предполагать, что война станет такой длительной и столь жестокой. А значит – не мог и подготовиться к ней. В первую очередь морально подготовиться. Такова вторая сторона моего понимания внезапности войны.

Подтверждение своим размышлениям нахожу у В. Кожинова, который много писал о причинах победы СССР и поражения Германии: «Наше превосходство над врагом было не собственно «военное»; это было превосходство самого мира, в который вторгся враг. И оно не могло осуществиться, реализоваться в краткое время, ибо дело шло о «мобилизации» не армии, а именно целого мира».

«Перед лицом смертельной опасности, – рассуждает далее Кожинов, – пружина народного сопротивления сначала сжалась до предела, а затем распрямилась и ударила со страшной силой». Я видел, как она сжималась, как распрямлялась и била. Я сам был частицей той пружины и той самой пружиной. Сжимался, разжимался. Бил при любом удобном случае. И горжусь этим.

В то же время я далек от мысли сваливать вину за все ошибки и трудности на верхи. Виноваты были и кадры на местах. Поначалу в условиях возникшей военной опасности далеко не все действовали организованно и ответственно. Тот же Пинский обком в первые дни и недели войны находился, как теперь говорят, в информационном вакууме, довольствуясь случайными, отрывочными сведениями. Массированные бомбежки, панические слухи добавляли неразберихи, подталкивали к поспешным решениям.

В такой ситуации Пинский обком еще вечером 23 июня допустил очень серьезную ошибку. Он перебазировался в местечко Ленин – километров на сто к востоку.

Уже 24 июня бюро ЦК КП(б)Б дало обкому указание «возвратиться в Пинск и приступить к руководству райкомами из областного центра». Потому тогда вернулся и наш истребительный отряд, который сразу же был преобразован в партизанский. Мы снова взяли под охрану вокзал, почту, облисполком, склады. Но авторитету властей в глазах местного населения был нанесен невосполнимый урон.

Василий Захарович Корж вспоминал об этом не раз и всегда с сожалением. В конце 1941 года он послал разведку в Октябрьский район Гомельской области. В тот самый район, где партизанские отряды возглавляли знаменитые к тому времени на всю страну Тихон Пименович Бумажков и Федор Илларионович Павловский – первые Герои Советского Союза из белорусских партизан.

Разведка доложила, что «районное начальство никуда не уходило», а с первого дня «стало работать со своими людьми», что партизанское командование располагается прямо в райцентре, потому почти никто из местного населения в полицию не пошел. Упомянул он об этом и в своей докладной записке, о которой я писал. И добавил: «Вот если бы так во всех районах».

ИСПЫТАНИЕ ОГНЕМ И НЕ ТОЛЬКО ОГНЕМ

28 июня 1941 года в Пинске нас подняли по тревоге. На двух автомашинах отряд выдвинулся к Рябому мосту через речку Ясельда на тракте Пинск—Логишин. Укрылись в засаде.

Установка была такая: подпускать противника близко, бить только наверняка, чтобы ни один патрон не тратить впустую. Вскоре появились три легких немецких танка. Как потом выяснилось, это был взвод разведки 293-й немецкой дивизии.

Инструктор горкома партии Солохин, который успел послужить в армии и был лучше других знаком с военным делом, связкой из пяти гранат подбил первый танк. Тот завертелся на месте с перебитой гусеницей. Мы сразу открыли огонь по смотровым щелям этого и других танков.

До войны, хочу напомнить современному читателю, нас неплохо учили стрелять в Осоавиахиме – военно-спортивном обществе. И винтовками пользоваться, и пулеметами, и тому, как оказать первую помощь в случае ранения. Потому стреляли мы по немецким машинам довольно успешно. Задымил второй танк и повернул обратно. А экипаж третьего сделал крутой разворот еще метров за триста до моста, не рискнув попасть под неожиданный огонь.

Кто-то из наших взобрался на броню подбитой машины и стал стучать прикладом по люку. Выбрались танкисты. Это были первые плененные нами немцы. У них мы отобрали планшет с картой.

В числе трофеев были автомат, с которым Корж потом не расставался до 1944 года, а также добротная записная книжка в кожаном переплете, с застежкой и даже с замочком.

Записная книжка оказалась совершенно чистой. Лишь на внутренней стороне обложки было написано пожелание какой-то немецкой девушки Марии, видимо, своему другу, отправлявшемуся на войну, фиксировать свои впечатления: «На память от твоей Марии. Пиши о своих переживаниях и хороших, замечательных днях».

Пожелание «писать о своих переживаниях» выполнил… Василий Захарович Корж. В этой записной книжке с 4 июля 1941 года он вел свой дневник. Точнее, делал пометки о том, чем занимался отряд, каковы настроения бойцов, о чем говорилось во время встреч с населением.

На первой странице он записал слова любимой песни: «На

закате ходит парень возле дома моего…» Мне эта деталь тоже представляется весьма многозначительной для характеристики нашего командира. Никак не собирался такой человек проигрывать войну.

Той записной книжки Коржу хватило почти на два года. Теперь она хранится в Национальном архиве Республики Беларусь. Ее фотокопия находится у меня дома.

Офицер из подбитого танка, видный парень, как только выбрался из люка, сразу обрушился на нас с громкой бранью. Он долго не мог понять, что с ним произошло, причем тут эти гражданские люди, как они посмели стрелять по его машине.

Притих только после того, как ему «убедительно дали понять», что попал он в серьезные руки. Потом он потребовал передать его военным.

– Это не по правилам, – твердил офицер. – Я гражданским в плен не сдаюсь. Доставьте меня к военному командиру.

На одной из полуторок мы отправили пленных гитлеровцев в Пинск в военную комендатуру.

Таким было наше боевое крещение. И долгое время мы не акцентировали на нем внимание. Короткая стычка – не битва. Теперь я знаю, что тот бой был первым партизанским боем во второй мировой войне.

Прежде я полагал, что это произошло раньше, что это сделали югославские партизаны. Всем известно, что в Югославии тоже было мощное партизанское движение, эту страну гитлеровцы оккупировали еще в апреле 1941 года. Но потом в статье одного из югославских генералов лет через пятьдесят после войны я прочитал, что первый бой партизаны Югославии провели 7 июля. Тогда и подумалось: «Мы-то сделали это 28 июня, на седьмой день войны».

Значит, это у Рябого моста прозвучали первые выстрелы по оккупантам со стороны тех, кого впоследствии все в СССР и не только в СССР стали называть народными мстителями. К сожалению, я теперь остаюсь последним участником того боя.

И до конца своих дней я буду гордиться тем, что в нем участвовал, что эхо этих выстрелов прокатилось по всей стране и стало сигналом к великой и невероятно тяжкой борьбе в тылу врага.

Это были малые сражения, не фронтовые операции. Но в первую неделю войны увидеть растерянность пленного обер-лейтенанта из сожженного танка, до этого победно прошедшего по всей Европе, значило очень много для поднятия нашего морального духа.

Тогда ведь еще не было ни постановления ЦК ВКП(б) «Об

организации борьбы в тылу германских войск», ни набатного выступления Сталина: «Братья и сестры!.. Создавайте невыносимые условия для врага, преследуйте и уничтожайте его на каждом шагу».

Потом мы провели десятки, сотни боев, громили мелкие и крупные гарнизоны, пустили под откос почти пять сотен эшелонов, выдержали затяжные блокады и позиционные сражения, которые длились по нескольку недель, как это было на Днепровско-Бугском канале. Но значение боя у Рябого моста ничто в нашем сознании не умалит. Отсчет пошел от него.

Второй бой был потяжелее. Состоялся он 4 июля. Отряду было приказано задержать гитлеровцев на северной окраине Пинска, чтобы дать возможность продлить эвакуацию в городе.

Закрепились у деревни Галево, на трассе, ведущей на Телеханы. Теперь это уже пригород Пинска, а тогда от улицы Первомайской до наших позиций надо было протопать километра четыре. Возле старого сада вырыли окопы, выслали дозоры, расположили в разных точках боевые группы. Сам Корж с двумя группами окопался у имения Заполье.

На рассвете разведка доложила, что движутся три десятка кавалеристов. Это было боевое охранение, и Корж приказал его пропустить. За ними из леса выехали еще примерно два эскадрона конников.

Тогда партизаны, которые были под руководством Коржа, дали залп по голове колонны. Заметались кони, повалились на землю всадники. Немцы шарахнулись в сторону кладбища. А там их дружными залпами встретила наша группа под командой Сергея Корнилова. Он поднял своих людей в атаку, и гитлеровцы показали спины. Через год мы привыкли к тому, что они от нас бегут. А тогда все было впервые. Такой наглости враг явно не ожидал.

В том бою фашисты потеряли два десятка человек. Но силы были все-таки неравные. У нас не было ни одного пулемета и всего один автомат, захваченный в первом бою, но и он был у Коржа, не в нашей группе. Гитлеровцы вскоре опомнились и. крепко прижали нас пулеметным огнем.

Никогда не забуду, как пулеметные очереди, словно бритвой, срезали побеги молодого картофеля, поднимавшиеся из междурядий. Нам, вжимаясь в эти междурядья, пришлось группами отступить к окраине Пинска и занять место в общей цепи бойцов, обороняющих город.

Там дрались взвод милиции и несколько десятков красноармейцев с двумя легкими пушками и одним минометом. Вот и все воинство, защищавшее тогда областной центр.

В том бою мы потеряли трех бойцов. Одним из них был командир нашей молодежной группы Сергей Корнилов, который возглавил атаку и получил несколько пуль. Как недавний военный он смог оценить тяжесть своего положения, потому приказал нам отступать, отдал Ивану Чуклаю бинокль и планшетку.

Мы с Иваном его не послушались. Иван тащил командира от укрытия к укрытию, я прикрывал этот отход. Так добрались до неглубокой канавы, по которой ушли к Пинску.

Тогда же мне пришлось помогать и легко раненному Шае Берковичу, который в придачу разбил очки, а без них он, близорукий, был почти беспомощным. На руках у Чуклая Сергей Корнилов и скончался.

Чуклай вскоре стал всеобщим любимцем отряда и любимцем Коржа, чего Василий Захарович не скрывал. Иван погиб 4 сентября 1942 года во время разгрома гарнизона в местечке Погост. Его именем был назван один из отрядов. Тогда же мы потеряли мудрого Никиту Бондаровца, нашего отрядного комиссара.

И сейчас помню его слова, адресованные нам, молодым: «Вы убиваете не людей, вы убиваете врагов, которые пришли сюда, чтобы лишить нас права называться людьми».

К тому времени мы лишились уже многих и несколько отвердели сердцами. Но первые потери переживали тяжело, особенно командир. Тем более что именно ему предстояло сообщить Вере Хоружей о гибели ее мужа Сергея Корнилова.

Назавтра мы ушли из Пинска. Уходили самыми последними. Саперы Пинской военной флотилии готовились поджечь деревянный мост через реку Пина. Вооруженные люди – милиционеры, чекисты – сидели в трех грузовиках. Наш командир дал команду садиться в машины. Но нас не пустили. Тогда Корж вскипел:

– Мы только что вышли из боя, а вы не пускаете нас в машины. Ни один грузовик не тронется с места. Хлопцы, по моей команде стрелять по колесам!

Только вмешательство внезапно появившегося секретаря обкома партии П.Г. Шаповалова предупредило инцидент.

На этих машинах мы добрались до Столина – райцентра в нескольких десятках километров к востоку от Пинска. Во время остановок на дороге В.З. Корж встретился с первым секретарем обкома А.М. Минченко. Тот уже располагал указаниями ЦК КП(б)Б об организации партизанских отрядов и диверсионных групп в тылу врага.

В Столине с нами произошло еще одно «приключение».

Военные патрули попытались изъять у нас оружие. Мы воспротивились. Опять пришлось вмешаться в дело Коржу. Нас оставили в покое.

6 июля 1941 года в Столине на лужайке, в глубине роскошного парка вокруг бывшего имения князя Радзивилла собрался партийный актив области.

Пригласили и нас – группу комсомольцев. Выступили первый секретарь обкома партии Авксентий Малахович Минченко и представитель ЦК КП(б)Б, который привез директиву ЦК о развертывании партизанской борьбы.

Фамилия представителя ЦК Петра Андреевича Абрасимова тогда мне ни о чем не говорила. Как недавний комсомольский работник я уже понимал, что такие представители выехали во все регионы и что дело не в них, а в тех указаниях, которые они привезли.

После войны мы с Абрасимовым виделись не раз. Петр Андреевич стал секретарем ЦК Компартии Белоруссии, первым заместителем председателя правительства республики, в качестве посла представлял интересы СССР во Франции, в Польше, в Германской Демократической Республике, Японии.

Выступила тогда в сталинском парке и Вера Захаровна Хоружая. Она была известным всей республике партийным и комсомольским деятелем, умела убеждать, зажигать. Но после того собрания Корж отправил ее за линию фронта. Вера Захаровна не хотела идти, полагала, что командир ее, беременную, просто жалеет.

Василий Захарович напирал на то, что она опытная подпольщица, кроме нее никто не дойдет. О том, что ее муж Сергей Корнилов погиб, он сообщить так и не решился. Сказал, что тот остался вести разведку в околицах Пинска.

Перечитывая эту директиву в наше время, понимаешь, что она носила во многом пропагандистский характер в стиле того времени и давала установки общего плана:

«Уничтожать врагов, не давать им покоя ни днем, ни ночью. Убивать их всюду, где застигнешь, убивать чем попало: топором, косой, ломом, вилами, ножом… Для уничтожения врага не стесняйтесь прибегать к любым средствам: душите, рубите, сжигайте, травите фашистскую гадину…

Нельзя ждать ни минуты, начинать действовать сейчас же, быстро и решительно». В директиве были слова о вероломстве врага, о его намерении поработить советский народ, восстановить власть помещиков и капиталистов, о необходимости «действовать, не теряя ни минуты, враг должен быть уничтожен».

Директива грешила некоторой категоричностью:

«Все местности Белоруссии, занятые врагом, должны немедленно покрыться густой сетью партизанских отрядов, ведущих непрерывную, ожесточенную борьбу на уничтожение врага. В районах и селах создаются подпольные партийные и комсомольские ячейки, главная задача которых – мобилизация народа на беспощадную расправу с врагом».

Впоследствии мы имели возможность убедиться, что немедленно ничего не делается. Для создания такой сети потребуется многих усилий и жертв. Но установку директива давала нужную.

Были и указания более конкретного характера: нарушать связь в тылу немцев, портить мосты, дороги, поджигать склады, автомашины, устраивать крушения поездов, нападать на аэродромы.

Очень важным, считаю и сейчас, было разъяснение, что «партизанская борьба не имеет ничего общего с выжидательной, пассивной тактикой… Не надо ждать врага, надо его искать и уничтожать». В целом тогда все это воспринималось как нечто само собой разумеющееся.

На совещании в радзивилловском парке был создан подпольный обком партии. Ему предстояло действовать на базе одного из наиболее крупных отрядов – Столинского. Он создавался в двух составах для работы в разных частях области – во главе с секретарями П.Г. Шаповаловым и А.Е. Клещевым.

Тогда же были сформированы семнадцать партизанских отрядов для действий в различных районах. В Ганцевичском районе – из 30 человек во главе с Тимаковым, в Телеханском – из 19 во главе с Квинто, в Давыд-Городокском – из 23 во главе со Скоробогатько, в Столинском – из 25 во главе с Ковальковым, в Лунинецком – из 12 во главе с Анисимовым, в Ивановском – из 28 человек во главе с Рожновым.

Командирами становились, как правило, местные партийные работники. Например, Всеволод Иванович Анисимов до войны работал первым секретарем Лунинецкого райкома партии, Николай Алексеевич Скоробогатько – Давыд-Городокского, Иван Давыдович Ковальков – Столинского, Владимир Иванович Квинто был секретарем по кадрам Телеханского райкома, Кондратий Фомич Рожнов – вторым секретарем Ивановского райкома.

Наш отряд считался уже не только сформированным, но и обстрелянным. Регионом действий для него были определены Лунинецкий и Ленинский районы.

8 июля был создан Пинский подпольный обком комсомола тоже в двух составах. Первый предназначался для работы в Пинске и Пинском районе, а также в Ленинском, Лунинецком,

Телеханском, Ганцевичском, Логишинском районах. Его секретарем назначили Шаю Берковича, до войны работавшего секретарем Пинского горкома комсомола.

Заместителем Берковича стал я. Второй состав создавался для работы в Давыд-Городокском, Сталинском, Дрогичинском, Ивановском и Жабчицком районах. Его возглавил секретарь Давыд-Городского райкома комсомола К.Н. Жаврид.

Но случилось так, что ни подпольный обком партии, ни второй состав подпольного обкома комсомола не смогли приступить к работе. Сталинский отряд попал под мощный удар карателей и был разбит.

Подпольный обком партии перестал существовать. Был убит и секретарь обкома П.Г. Шаповалов, толковый и организованный человек. Погиб и командир отряда И.Л. Масленников.

Член подпольного обкома А.Е. Клещев ушел за линию фронта. Ему, откровенно говоря, повезло. Как потом он писал в своей докладной записке, уже в Ельском районе Гомельской области их группа была окружена немцами и бросилась врассыпную.

Несколько человек, среди которых был и Клещев, побежали «в южную сторону и напоролись на станковый пулемет, но немец за пулеметом не стал стрелять, а показал направление выхода и добавил сквозь зубы: «Лутчей утекай». Ушел к линии фронта и второй состав обкома комсомола во главе с К.Н. Жавридом.

Клещев вернулся на Пинщину через год, его перебросили самолетом с Большой земли. И то, говорили, дважды отказывался, потому что надо было прыгать с парашютом. Он был уполномоченным ЦК КП(б)Б, а затем первым секретарем Пинского подпольного обкома партии. В отсутствие В.З. Коржа, которого вызывали в Москву, возглавлял Пинское партизанское соединение. А через год улетел уже Героем Советского Союза, генерал-майором.

Но партизаны «первого призыва» в душе так и не простили ему того ухода в 1941-м. При случае в глаза говорили, что самое трудное время он просидел в комфортабельном «окопе» столичной гостиницы «Москва».

Я не ставлю под сомнение заслуги А.Е. Клещева. Тем более задним числом. Я сам говорил неприятные для него слова в его присутствии на одном из совещаний в Минске в те времена, когда Алексей Ефимович занимал высокие должности в республике. Другие выражались еще жестче: не носи при нас звезду Героя, можем обидеть ненароком. Как говорится, слово из песни не выкинешь, такое было.

И особенно задевало нас то, что В.З. Корж свою звезду Героя

Советского Союза получил почти на год позже Клещева, уже после освобождения Пинска Красной Армией.

А ведь Василий Захарович ходил партизанскими тропами в самое трудное для страны и народа время. Был для нас примером во всем. Первым поднимался в атаку. Не давал себе никаких поблажек во время переходов и на стоянках. Пока отряд был невелик, сам стоял в караулах, вместе со всеми заготавливал дрова, готовил еду.

В.З. Корж не только создал самый большой и самый боеспособный отряд. Он создал и возглавил партизанское соединение, в котором дрались с оккупантами восемь с половиной тысяч бойцов.

Для сравнения: в партизанской дивизии Ковпака в то время, когда она под командованием Героя Советского Союза генерал-майора Петра Вершигоры совершала рейд по нашим местам, было полторы тысячи человек. Разве могли мы, знавшие истинную цену Коржу, молчать, когда умалялись его заслуги?

Мы, начавшие отсчет боевым делам с того собрания в радзивилловском парке Сталина и даже раньше и не растерявшие в страшных испытаниях веру в советские идеалы, да вдруг будем молчать! Такое просто невозможно.

Первые партизанские отряды создавались из партийного, хозяйственного, комсомольского актива, включавшего местных жителей, работников НКГБ и НКВД.

Милиционерам, чекистам предлагалось немедленно переодеться в гражданскую одежду. Многие это сделали прямо в парке. Тогда в кустах можно было найти немало добротных офицерских галифе, гимнастерок.

Мы с Лифантьевым, носившие ситцевые рубашки да другие одежки домашнего изготовления, этим воспользовались. Я выбрал себе гимнастерку из хорошего английского шевиота по росту. И носил ее до сорок третьего года, пока она не истлела на моих плечах. «Подвела» она меня в самое неподходящее время. Я даже дату хорошо запомнил. Это случилось 5 октября 1943 года в Пусловских лесах.

В тот день должна была состояться комсомольская конференция нашей бригады. Прибыли делегаты, избранные на собраниях в одиннадцати отрядах. В сосновом лесу была подобрана подходящая поляна. На поляне поставили стол для президиума, сколотили скамейки из жердей для участников конференции. Все они были при оружии, с винтовками, автоматами.

Сейчас смотрю на фотографию и представляю всех как живых: М.Голякевич, А.Темкин, между ними я, затем комиссар

бригады Ф. Куньков, П. Емельянцев, наш комбриг Михаил Герасимов, кстати, тоже комсомолец, а также Кокшин, Курочкин, Исайченков.

Я на той конференции выступал с докладом, рассказывал о боевых делах молодых партизан, о задачах, которые ставят Верховный Главнокомандующий, Центральный и Белорусский штабы партизанского движения, ЦК ЛКСМБ. Хорошо прошла конференция. Главный лозунг, который там звучал: «Убей врага на Полесье, и он не дойдет до фронта!»

Перед началом конференции произошел казус, результатом которого стало то, что мне не в чем было идти выступать. Мою гимнастерку, уже не раз штопанную, девчата из отряда имени Лазо предложили постирать и кое-где подправить. К утру она высохла, но распалась на куски. Хорошо что кто-то из ребят одолжил пиджачок, который свободно болтался на моем теле.

Так я и выступал с той лесной комсомольской трибуны: в пиджаке с чужого плеча, надетом на нательную сорочку. Но я с большой теплотой вспоминаю ту гимнастерку, подобранную в столинском парке. Все-таки она целых два года мне служила. Только петлицы с нее спорол еще тогда, сразу после примерки под деревьями.

Из Столина мы перебрались в Давыд-Городок, где нам обещали помочь оружием, особенно пулеметами. Но ограничились двумя ящиками винтовочных патронов.

Правда здесь мы почти все обулись в новые сапоги. Жители Давыд-Городка испокон века славились как прекрасные скорняки. Сапоги в местных мастерских мы взяли под расписку. В райвоенкомате В.З. Корж разжился картой-километровкой и планшетом. Потом моряки речной флотилии высадили нас на хуторах Запросье около станции Лахва. Мы остались совсем одни.

Судьба почти всех отрядов, созданных в Столине, была, к сожалению, одинакова. В течение июля—сентября они были или разбиты, или, израсходовав боеприпасы и продовольствие, двинулись к линии фронта. Сказалось отсутствие подготовленных баз, связей, постоянного контакта с Большой землей, а больше всего – опыта ведения партизанской борьбы и владеющих таким опытом командиров.

В сентябре был частично разбит, частично рассеян Телеханский отряд. Бойцы одного из отрядов, отправившись 11 августа на операцию к деревне Олышаны, проявили непростительную беспечность. Они сложили оружие на подводы, а сами налегке шагали рядом, даже не выслав дозор. В результате наткнулись на немцев и разбежались.

Отряд пришлось вооружать заново, дать ему нового

командира. И он стал активно действовать. Но после ряда тяжелых боев в сентябре был разбит. Оставшиеся в живых партизаны двинулись к линии фронта. Их дальнейшая судьба неизвестна.

При невыясненных обстоятельствах прекратил свое существование отряд в Ивановском районе. Его руководители – командир Рожнов, комиссар Драгоценный и начальник штаба Гуляев – погибли. Был разбит в бою Ганцевичский отряд.

Лунинецкий отряд уничтожил два моста, бронемашину, потерял в боях командира В.И. Анисимова и двинулся к фронту. И тоже неизвестно, дошел ли. К ноябрю из 17 партизанских формирований, созданных в Столине в начале июля, продолжал действовать только «отряд Комарова», то есть наш.

Трагичной была судьба многих отрядов не только на Пингцине. Умение воевать во вражеском тылу пришло не сразу. Не избежал разгрома и отряд знаменитого Батьки Миная (Миная Шмырева) на Витебщине.

В одном из тяжких боев его отряд был разбит. Шмыреву и еще одному партизану удалось спастись, а комиссар отряда был повешен гитлеровцами. Но эта неудача не остановила Миная. Вскоре он набрал новых бойцов и продолжил борьбу. У нас в отряде тоже была договоренность: если нас разобьют или рассеют, оставшимся в живых собираться в условленном месте.

Однако нельзя в этом безоглядно винить тех партизан и командиров. Эти отряды разожгли искры партизанской борьбы, из которых потом и возгорелось мощное пламя. И погибли они, как правило, в неравной борьбе.

В августе – сентябре 1941 года пинские партизаны разгромили немецкие комендатуры в деревне Ольшаны Столинского района, в деревнях Хильчицы и Бухча Туровского района.

Было много других боев и засад. Бывший солдат вермахта Эрих Мирек в своих воспоминаниях напишет: «22 июня 1941 года 293-я пехотная дивизия вермахта, в составе которой я находился, переправилась через Буг в районе Бреста и двинулась на Пинск. Я был слесарем в ремонтно-восстановительной команде, расквартированной в Пинске.

С первого месяца войны белорусские партизаны дали о себе знать. По шоссе спокойно не проедешь – эту истину офицер штаба дивизии Кальбфельд уяснил быстро. И если в первые дни вторжения его «мерседес» возглавлял колонну, то теперь он твердо держался в хвосте».

В этом большая заслуга и первых отрядов. И не только тех, о которых я веду рассказ. В Белоруссии к концу августа 1941 года

действовал 231 партизанский отряд, насчитывавший более 12 тысяч партизан.

Уже в августе 1941 года немецкое командование на Пинщине и Брестчине вынуждено было провести значительные карательные операции, в которых были задействованы целые полки и бригады регулярной армии и войск СС.

В боях против партизан в районе пинских болот участвовали два полка 1-й кавалерийской дивизии, моторизованная и артиллерийская части 162-й и 225-й пехотных дивизий.

О том, насколько это было трудное время, знаю по себе и по боевому пути нашего отряда. Тем более что не все просто было и у нас, даже у такого опытного командира, как В.З.Корж.

В своем дневнике он пишет: «8 июля подошел ко мне боец Медович и с ним еще три человека, которые заявили, что у них слабое здоровье, они не выдержат в тылу, лучше пойдут догонять своих и воевать в Красной Армии. Я их решил отпустить, действительно видел в них малоспособных бойцов в тылу врага». Но, как оказалось, это было только начало.

Крупных боев в то время мы, разумеется, не вели. Для этого у отряда не было ни оружия, ни боеприпасов. Каждый патрон был на счету. Но Корж постоянно устраивал засады на одиночные автомашины и мотоциклистов. 22 июля сделали очередную засаду на дороге. Было убито четыре гитлеровца, ехавших на мотоциклах, среди них один офицер. Мотоциклы сожгли, оружие забрали.

5 августа на тракте между местечком Ленин и райцентром Житковичи уничтожили пятнадцать немцев, в том числе пять офицеров. Корж тогда выбрал очень удобное место для обстрела. Но колонну грузовых автомашин пропустили.

Немцы ехали беспечно, раздетые до пояса. Играли на губных гармошках, самодовольные, веселые. Руки наши чесались, ударить бы. Но нас было в 15 – 20 раз меньше. И ни одного пулемета.

Через час появилась большая автомашина (как оказалось, штабная) в сопровождении нескольких мотоциклов. Корж бросил гранату и ударил из автомата по кабине. По этому сигналу открыли огонь из винтовок и мы.

Достались нам богатые по тому времени трофеи – оружие, патроны, гранаты, штабные карты, несколько плащ-накидок, а также диковинные для нас, полешуков, французские коньяки и ром, шоколад, консервы, сигареты с изображением верблюда на пачках.

Автомобиль и мотоциклы мы сожгли, забрали 12 винтовок и несколько пистолетов. Мне достался «парабеллум». Правда, он

меня подвел через год во время разгрома гарнизона в Ананчицах. Тогда из-за перекоса патрона от меня ушел матерый полицай, которого я должен был взять прямо у него в доме. Заметив, что у меня проблема с оружием, он ударил рукой по лампе и сиганул в окно.

Операция, в ходе которой мы уничтожили штабную машину, была для нас очень важной. Не столько из-за трофеев, сколько для поднятия боевого духа. Провели ее «очень чисто», как выражался Корж, без единого выстрела со стороны немцев. Он отметил в дневнике, что хлопцы потом долго обменивались мнениями на сей счет и даже бравировали друг перед другом.

А ведь перед этим у нас в отряде был кризис. Фронт отдалялся. Моральное состояние партизан ухудшалось. В отряде началось брожение.

И вот 25 июля к Коржу подошел его заместитель Березин. В некоторых бумагах он значится как Дерезин. Я даже не помню, как он оказался в нашем отряде. Так вот этот Березин-Дерезин потребовал от Коржа идти вслед за фронтом:

– Что мы сделаем с одними винтовками! У них танки, артиллерия. На фронте мы принесем больше пользы. Среди нас есть больные. Надо уходить. Раздавят нас.

Были и такие суждения: мы, командиры, на фронте возглавим роты, батальоны и принесем больше пользы. Зачем нам быть рядовыми в маленьком отряде! Примкнувшие к нам командиры Красной Армии активнее других высказывались за уход к фронту. Оно и понятно. Партизанской борьбе их не обучали, они не были готовы к ней даже психологически.

Корж сначала возражал, потом решил, что нельзя никого удерживать силой. Только доброволец может быть полноценным партизаном, считал он. Построил отряд и обратился к бойцам:

– Кто чувствует, что не может воевать в тылу врага, кто болен – два шага вперед!

Вперед шагнула почти половина отряда – три десятка человек. Стали делить припасы. Продуктов было не жалко, хотя их осталось очень мало. Разделили все по-братски. А вот из-за оружия пришлось поругаться. Уходившие уносили три автомата, у нас оставался только один, тот самый, который достался нам в первом бою у Рябого моста.

Откровенно говоря, мы серьезно переживали. Уходили-то крепкие, в основном хорошо обученные военному делу мужики. Примерно в то же время мы встретились с отрядом, которым командовал начальник Ленинского районного отдела НКВД Сахаров. Он создавался для действий именно в этом районе.

Корж и Сахаров обсудили план действий, договорились о

проведении засад на дорогах Лахва—Ленин, Ленин—Старобин. Но через несколько дней Сахаров тоже повел свой отряд на восток, оставив нам трех человек из местных. Корж крепко психовал и в глаза спрашивал Сахарова: «Почему не сказал в райкоме, что у тебя кишка тонка, что не выдюжишь?! На тебя возлагали надежды, а ты…»

Впоследствии Василий Захарович называл таких «хнытиками». Видимо, слова хныкать и ныть он соединил в одно. А еще – маловерами, испугавшимися трудностей. Вспомнил об этом эпизоде и в своей записке Центральному партизанскому штабу. Добавил, что аргументов у него тоже было маловато. Его отряд был единственным партизанским формированием в районе.

Некоторые отряды были разбиты, другие двинулись к фронту. Рассчитывать на чью-то помощь не приходилось. А просто слова, что уходить нельзя, что нужно воевать здесь, в тылу врага, повисали в воздухе.

В глубине души я понимаю тех «уходцев». Есть такая русская поговорка: «На миру и смерть красна». Смысл ее в том, что все-таки легче драться, чувствуя локоть многих сотоварищей, так сказать, умирать на виду. Можно даже рубаху на груди рвануть. Это по-нашенски, по-русски. Зато люди запомнят, другим расскажут, и не канет в Лету ни человек, ни его поступок.

А тут как раз давило ощущение одиночества. Надо было уходить в неизвестность, зная, что во всей округе, в лучшем случае в двух определенных для нас районах, наш отряд – единственный, по крайней мере, пока.

Понимали, что рассчитывать нужно только на себя. Никакой готовой базы нет, значит, твоя постель – несколько еловых веток, а крыша над головой – кроны деревьев. Если сегодня поел, это не означает, что поешь и завтра. А случись что-либо с отрядом, ни мать, ни отец, ни жена, если таковая есть, не узнают, где тлеют твои косточки.

Особенно действовало на психику чувство несоизмеримости сил. Что такое несколько десятков человек на фоне потоков оккупантов, движущихся по всем дорогам! Это был очень трудный выбор для любого. И человек делал его сам. Это была драма, в которой каждый был и автором, и героем, и жертвой.

С Березиным-Дерезиным ушли не только армейские командиры. Ушли комсомольские работники М. Ласута, Д. Тябут, В. Хоменюк. Неизвестно, дошел ли кто-нибудь из них до фронта.

Знаю, что Д. Тябут потом оказался в Витебской области и стал комиссаром бригады. После войны был министром в белорусском правительстве, возглавлял Минский облисполком. В. Хоменюк остановился в Гомельской области, в своих родных

местах, а позже стал комиссаром партизанского отряда.

Мы – молодежь, комсомольцы – единодушно держались Коржа. Однако уход части людей произвел на всех удручающее впечатление. Нас оставалось менее двух десятков – 17 человек. Однако мы намерены были продолжать действовать. Василий Захарович постоянно повторял нам, что отряд, который не будет воевать, станет отсиживаться и пережидать время, неизбежно превратится в банду.

Удачная операция, проведенная 5 августа, показала, что наша даже немногочисленная боевая единица способна бороться, что мы обязательно будем сражаться, потому что дух наш крепок. Этот дух был главной нашей опорой и единственной мотивацией.

После боя отряд быстро ушел в глубь леса. Через час у места, где мы делали засаду, снова появились немцы и начали жестокий обстрел леса из минометов и пулеметов. Но мы были уже вне пределов досягаемости их огня.

Отмахав километров десять, сделали привал. Командир разрешил выпить по 50 граммов рома или коньяка. Я никогда до этого не употреблял спиртного, поэтому отказался. Мне это казалось противным до невозможности, а зря. Надо было принять немного для профилактики. Началась дизентерия, и не только у меня.

Под звуки немецкого обстрела мы быстренько закончили трапезу и вперед, к спасительным болотам. До лагеря добрались к вечеру.

Но последние километры меня уже несли на самодельных носилках. Потерял сознание, упал. Хорошо, что вес был «петушиный», как говорят боксеры. Меньше пятидесяти килограммов. Так что нести меня, полагаю, было не очень тяжело.

Переболели тогда многие, но тяжелее всех болел я. Лекарств никаких. «Доктор» Гусев (в тридцатые годы он был санинструктором кавалерийского эскадрона в Красной Армии) отпаивал настоем из каких-то трав, горьким и противным.

Есть записи о тех болезнях и в дневнике В. З.Коржа. Одна из них, помеченная 6 августа, касается и меня: «Два человека заболели кровавым поносом. Один при походе упал, пришлось нести».

Интересна и еще одна его запись. Смысл ее следующий. Сидели мы тогда посреди большого болота, на острове. Холодно. Голодно. Хлопцы мучаются животами. Пошел по острову и подстрелил из нагана рябчика. Ощипали, сварили птицу.

Партизаны едят и удивляются: это же надо, командир из нагана попал в рябчика. И далее Корж добавляет, что никакого

труда это для него не составило, но все равно слышать похвалу было приятно.

7 августа заболел и он сам. Четырьмя днями позже, 11 августа, Корж делает пометку: «Во второй половине дня я себя стал чувствовать опять плохо…» Ученого слова «дизентерия» он не употреблял. Пользовался более привычной, крестьянской лексикой.

Выручили нас пастухи из колхоза «Комсомолец». Они принесли немного овсяной крупы и два пуда муки. Мы упросили их под расписку отдать колхозного бычка.

Старший из пастухов Григорий Давидович больше ничего не дал. «Нельзя, – сказал, – потому что это не наше, а общественное». Плохо, что не было соли. Правда, был мед. На месте сожженного хутора осталась пасека. На могучих дубах и липах – около десятка колод-ульев.

Нашлись среди нас «бортники» поневоле. Окуривали пчел пороховым дымом. Вынимали из патрона пулю, поджигали порох и приставляли к летку. Бедные пчелы «отдавали» мед.

Способ варварский, но другого выхода не было. Это было спасением для нас. Но мед – такой продукт, что его много не съешь. Один партизан, кажется, Витя Лифантьев, переел и катался по земле от боли в животе.

Дед Дубицкий, мудрый человек, спасал его по собственной методике. Разложил большущий костер, уложил больного поближе к огню и держал его так до тех пор, пока на животе не появились кристаллики сахара. Возможно, кто-то не поверит, но мне запомнилось именно это.

Так питались пару недель: собирали чернику, варили в котелках на костре, добавляли мед. Жарили грибы на костре, но без соли это не еда. Только-только больные стали поправляться, как начались дожди. Все промокли до нитки. Оружие покрылось ржавчиной. А ружейного масла ни у кого не было, только щелочь.

Неожиданно 11 августа в отряд пришли два командира Красной Армии, пробиравшиеся к линии фронта. Один с карабином, другой с винтовкой СВТ – самозарядной. Оба двигались из-под Минска. Они стали первым пополнением.

Потом пришел комсомолец из деревни Боровое Иван Алексеевич Некрашевич. Он попал в окружение, но до своей деревни в Житковичском районе добрался с двумя винтовками. Он попросил взять вместе с ним в отряд брата Григория, сестру Веру и младшего брата Михаила, которому было всего шестнадцать лет.

Позже пришел и средний брат Сергей, железнодорожник со станции Орша. Прекрасное пополнение. Целая первичная

комсомольская организация, шутили тогда ребята.

Иван в 1943 году стал командиром отряда. Хорошо воевала вся семья до июля 1944 года. В те дни вернулись в отряд Владислав Станиславович Буйницкий и Константин Иванович Конушкин, которые сопровождали до Гомеля Веру Хоружую. Принесли нам пожелания успехов и сообщение о том, что ЦК ничем пока помочь не может. Раций в наличии нет, а оружия два человека за полтораста километров много не унесут.

Через неделю оклемались и опять в поход. Покинули гостеприимный лес 15 августа, а 16-го ночевали в лесу у озера рыбхоза «Белое».

До сих пор помню ту ночь. Звездное небо, земля, нагретая солнцем. Карпы резво плещутся. Их выпустили из прудов в озеро, чтобы не достались оккупантам. Видать, крупные. Ударяли хвостом по воде так, что слышно было за версту. Странная все-таки натура человек. Даже в самых трудных обстоятельствах в памяти откладывается что-то жизненное.

Командир конспиративно встретился со связной Алиной Игнатьевной Кирибай. Она описала обстановку в окрестных деревнях. Встретился и с Анной Васильевной Богинской из рыбхоза, которая сообщила, что убитых нами немцев хоронили с почестями. Но народу эти похороны напомнили о другом: жива советская власть, воюет.

Молва о неуловимых и вездесущих «комаровцах» уже разнеслась по всей округе. И дело было не только в проведенных нами операциях.

Корж знал психологию людей. Поэтому он не упускал случая, когда можно было, всем отрядом открыто пройти по деревне, остановиться, не спеша побеседовать, не отказаться от приглашения перекусить. Раздавали написанные от руки листовки. Это в основном были выдержки из июльской речи Сталина.

Вот красноречивые записи в дневнике В.З. Коржа, относящиеся к тому времени:

«20.08.1941. Я почувствовал, что последние три дня наше легальное появление в деревнях и разговор со всеми и некоторыми языкастыми в отдельности дал большую пользу в нашу сторону. 9.09.1941. Утром вышли из хутора Стеблевичи и демонстративно прошли через всю деревню. С многими говорили, позавтракали в нескольких дворах».

Партизаны показывали свою уверенность. Зерна этой уверенности находили почву для прорастания. Забирая из местных складов или магазинов продовольствие, оставшееся с советских времен или собранное по приказу оккупантов,

обязательно оставляли записку, что изъятие сделали «комаровцы».

А поскольку все продовольствие нам унести не было возможности, остальное раздавали людям. Те поначалу брать опасались, но когда мы писали записку, что это работа «комаровцев», вычищали склады до зернышка.

Группы по сбору продовольствия Корж направлял в разные деревни и разные стороны одновременно. Это тоже помогало создавать впечатление, что нас много.

В селах, через которые мы проходили, особенно после разгрома местных полицейских участков, обязательно проводились собрания населения. Были откровенные, зачастую трудные для нас дискуссии, в которых опять же самым трудным был вопрос «почему».

Позволю себе еще раз обратиться к докладной записке В.З. Коржа, в которой он пишет, что 24 августа «…взял всех боевых товарищей, и пошли маневрировать по деревням Житковичского района… с задачей уничтожать полицию, которая росла по деревням, множила и распространяла свое влияние на людей. Они легко поддавались полицейскому влиянию, потому что ничего не знали о фронте, а немцы распространяли слухи, что уже занята вся Россия, Москва.

Наш открытый поход по деревням и рассказ правды населению сделал много полезного для партизан, подрывал и опрокидывал то влияние полиции и немцев на население, которое они создавали. Такая же работа была проведена среди местного населения Ленинского района… Одновременно наше быстрое и умелое маневрирование создавало у людей впечатление о множестве партизанских отрядов, в то время как на самом деле наш отряд был единственным».

Уже в Краснослободском районе (на нынешней Минщине) Корж сделает для себя такую пометку: «Само присутствие партизанского отряда в районе поднимало дух населения».

Не могу не сказать о том, что на первых порах для меня и моих молодых товарищей было просто дико слышать о какой-то «немецкой полиции» из местных жителей, о «старостах», «солтысах», что одно и то же, только первое на русский и белорусский манер, второе – на польский. Мы свято верили тому, что писали в газетах до войны, были убеждены в нерушимом единстве и сплоченности советского народа.

Я твердо был уверен, что все люди за советскую власть. А тут такое… Свои стали бояться своих. И не только бояться, предавать, убивать. Не щадили даже женщин и детей. У меня это с трудом укладывалось в голове. Не хотело укладываться. Нам пришлось

воевать не только с немцами, но и с полицаями, власовцами, различными легионерами – прибалтийскими, кавказскими, туркестанскими.

Помню, послали меня в деревню раздобыть хлеба для отряда. Выбор пал на меня, потому что я был из восточных краев Белоруссии, а местных партизан в деревне могли узнать. Послали еще с одним бойцом для надежности. Но он был чистый «русак», поэтому условились, что он будет изображать немого. Мы оба беженцы, пробираемся домой.

Зашли в один из дворов. Там – несколько мужчин. Хозяйка как раз испекла хлеб и выкладывала на расстеленной скатерти большие, круглые и еще горячие буханки. Стали просить продуктов в дорогу. Сельчане давай расспрашивать: кто мы, откуда.

Оказалось, что один из мужиков – только что назначенный староста. Вот он-то и не поверил мне. Скомандовал тащить вожжи, чтобы повязать нас. Пришлось достать из-под рубашки пистолет, забрать несколько буханок и смываться. Да еще сделали большой круг, чтобы не навести никого на своих товарищей. А те уже отчаялись ждать.

Впоследствии некоторых из тех мужиков я встретил в одном из партизанских отрядов. Спросил: «Что ж вы так тогда?» Смущались, разводили руками.

Через много лет после войны уже в 1971 году я работал начальником управления КГБ по Ставропольскому краю. Каждый год на отдых в санатории Кисловодска и Железноводска приезжал отдыхать председатель КГБ СССР Юрий Владимирович Андропов. Говорили с ним о многом и откровенно.

Однажды я рассказал ему о партизанских делах, о том, как все было в самом начале войны. О том, что уже в первые месяцы появились предатели, полицаи, старосты, которые пошли в услужение к оккупантам. И вдруг Андропов задал вопрос:

– А если, не дай Бог, в наше время возникнет ситуация, подобная 1941 году?

– Могу сказать, что предателей и негодяев будет в несколько раз больше.

– Подумай, что говоришь.

– Я думал об этом не один день и не одну ночь.

До 1991 года – распада СССР и последовавшей за этим вакханалии – Ю.В. Андропов не дожил семь лет. Полагаю, ему было бы чему удивляться. Но это, как принято говорить в таких случаях, из другой оперы. А тогда разговор был долгим и непростым.

Однако я был уже зрелым человеком, неплохо

информированным об обстановке в стране и в различных ее регионах. А в 1941-м мне было девятнадцать. С новой ситуацией приходилось сживаться и бороться одновременно.

20 и 21 августа мы устроили засады на дороге Ленин – Микашевичи. Особенно удачным был день 21 августа. Подбили мощный мотоцикл, уничтожили двух мотоциклистов. Один их них был начальником микашевичской полиции. У него нашли рапорт немецкому военному коменданту о действиях нашего отряда. Не думал он, что попадет его рапорт в наши руки. Комендант предлагал немцам, где, в каких деревнях провести карательные операции против партизан.

На дорогу около райцентра Ленин оккупанты выгоняли молодых евреев ремонтировать деревянные мосты. С одной такой группой мы долго беседовали.

– Уходите с нами в партизаны, – убеждали мы. – Будем вместе воевать против фашистов.

– Нет, не можем уйти с вами, немцы расстреляют заложников.

У каждого была своя причина:

– У меня мама тяжело больна, за детьми некому присмотреть.

– У меня две сестры и брат малолетний, расстреляют их.

– Но вы должны понять, что расстреляют и вас, и ваших родных. Всех расстреляют. У нас тоже нет никакой гарантии, что останемся в живых, но лучше погибнуть в бою за Родину, чем умереть бесславно.

Так мы, комсомольцы, агитировали молодых ребят. Они почти согласились. Однако старший из гетто что-то грозно сказал им на еврейском языке, и они присмирели. А уже осенью немцы уничтожили несколько сотен евреев в том самом гетто.

И только летом 1942 года отряды В.З. Коржа, Н.Т. Шиша и отряд имени С.М. Кирова разгромили гарнизон в райцентре и освободили уцелевших узников гетто. Большинство из них ушли в партизаны, а многие – пожилые, женщины и дети – укрылись в так называемых семейных лагерях в партизанской зоне.

Тысячи людей погибли, поверив немцам и еврейским «авторитетам-юденратам», что они останутся в живых, если отдадут все ценности оккупантам.

Только в Пинске той осенью было уничтожено более десяти тысяч евреев. Немецкие власти пригласили их якобы на регистрацию. Потом построили в колонну по четыре, вывели за город, заставили вырыть ров и расстреляли. Так было в Лунинецком, Столинским и других районах области.

В то же время должен сказать, что в партизанских бригадах

имени Молотова, Куйбышева, Кирова и других евреи сражались наравне со всеми. Шацман, Доминич, Карпюк, Хинич стали бесстрашными разведчиками-партизанами.

Были среди них прекрасные оружейники, которые не только чинили оружие, но и создавали автоматы собственной конструкции. Сапожники и портные обували и одевали бойцов. Пригодились в отрядах повара и пекари. На войне всем находится дело. А сколько в гетто было прекрасных врачей, которых так не хватало в отрядах.

Наш поход по деревням и районам длился до 10 сентября. В двадцатых числах августа в отряде случился, можно сказать, праздник. Принесли бытовой радиоприемник, кажется, «Пионер». Шая Беркович соорудил из проволоки антенну и настроился на московскую волну.

Мы узнали, что героически дерутся моряки на острове Ханко, что идут бои за Таллинн, а моряки нашей Пинской флотилии воюют на Березине. Услышали также, что советские и английские войска вошли в Иран. Значит, есть у страны силы, сражается Красная Армия на всех фронтах и не помышляет о прекращении борьбы.

Сводки Совинформбюро мы записывали и переписывали. Раздавали в деревнях. Это была для нас пища, может быть, даже более нужная, чем хлеб. И не только для нас, но и для тех, кто верил в нас, снабжал продовольствием, ценной информацией.

В тот же день группа Ивана Некрашевича сходила в его родную деревню Боровое и принесла три пуда муки. Корж приказал испечь хлеб. И не кому-нибудь, а жене старосты ближайшей деревни. Пусть попробует после этого доложит немцам, что кто-то помогал партизанам. Некрашевич и его хлопцы притащили и картошки. Наелись мы тогда досыта, что в то время случалось не часто. Потому и запомнилось, наверное.

В те дни Корж раз за разом ходил по разным местам вдоль реки Случь. Мы тогда впервые узнали, что, оказывается, он в свое время работал в Слуцком НКВД и отвечал за подготовку партизанских кадров на случай войны и за тайники с оружием и продовольствием.

Теперь он надеялся найти очень нужные нам пулеметы, тол, патроны, обмундирование и другие необходимые на войне вещи. Но каждый раз Василий Захарович возвращался расстроенный. Правда, кое с чем он все-таки приходил. Лучше сказать, кое с кем.

В селах вдоль бывшей границы СССР сохранились партизанские кадры. Из Долговского сельсовета (Солигорский район) пришел в отряд Гавриил Петрович Стешиц. В первых числах июля он организовал небольшой отряд из односельчан,

разрушал телефонную связь, деревянные мосты. Один раз обстреляли из засады немецких мотоциклистов.

Василий Захарович был очень рад этой встрече и его приходу к нам. В лице Стешица и его товарищей появились люди, знающие каждую стежку-дорожку, настроения сельчан. А главное – патриоты. Это много значило в то трудное время. Вскоре мы на конкретном примере убедились, как нужен и важен для нас человек, который знает, что и как надо делать.

В Старобинском районе в середине сентября мы встретились с группой партизан этого района. В отряде было 35 человек. Большая часть – из местного населения, в том числе еврейского. Почти весь состав отряда Василию Захаровичу был знаком, так как он сам был из этого района и долгое время здесь работал. Впрочем, его знали во многих районах.

Нас удивило, что многие стали проситься к нам. Объясняли свое решение так: «У нас нет командира». Другие говорили, что у них очень много командиров, не знаешь, кому подчиняться.

И в самом деле, командир давал распоряжения, а бывший председатель райисполкома, находившийся в отряде на правах рядового бойца, отменял его. А партизаны-то знают, что он не командир и не комиссар. Да и бойцом назвать его было трудно, так как он распоряжений командира откровенно не выполнял.

Корж понимал, что командир в отряде совершенно неопытен, руководить попросту не умеет. Для начала он провел беседу с парторгом отряда Никитой Ивановичем Бондаровцом. И прямо сказал: «Нельзя ПОЗВОЛЯТЬ так подрывать авторитет командира. Или вы ему помогайте руководить, или поставьте другого товарища».

Вопрос был вынесен на партийное собрание. Командиром избрали Н.И. Бондаровца. С ним Василий Захарович сразу же условился провести следующий рейд, выделив для этого шесть десятков бойцов из двух отрядов. Планировалось пройти этим рейдом километров 300.

Выступили 2 октября. Важнейший результат похода содержится в следующих словах из отчета Коржа Центральному штабу партизанского движения: «…Разговаривали с людьми, и население из нас 60 делало 600 человек и больше. Для нас это было очень полезно».

Но завершить рейд так, как планировалось, не получилось. К сожалению, в нашем отряде уже недели две снова шло брожение. Душевные терзания того драматического времени, осени 41-го, несравнимы ни с чем. Больше я такого не помню за всю свою долгую жизнь. Особенно страшила многих подступавшая зима. Споры у ночного костра были жаркими, иногда ожесточенными:

– По первой пороше перебьют нас немцы, как зайцев. Можно затаиться в схроне, в землянке… А есть что будешь зимой? – говорили одни.

– Надо разойтись по домам, по знакомым, родственникам, спрятать оружие, а весной собраться в лесу, в условленном месте и снова партизанить, – предлагали другие.

О таких кто-то едко выразился: «Будешь в доме, будешь в хате и с женою на кровати».

Корж отвечал:

– Да, перебьют нас по первому снегу, как зайцев, если будем прятаться. Но мы же не зайцы. Будем и зимой бить немцев. Немцы на танках, а мы на конях и санях по лесам и болотам. Пусть угонятся за нами. У нас одна дорога, а у немца – их сотня, чтобы нас выследить.

На него наседали:

– Давайте пока еще не поздно двигаться к фронту, там передохнем, вооружимся получше – и опять в бой.

Он упорствовал:

– До фронта, считай, тысяча километров. Надо воевать здесь, в тылу врага. Один партизан может сделать то, что не под силу целому батальону или полку. Подорвешь эшелон с танками или боеприпасами, уничтожишь железнодорожный мост – посчитай, сколько жизней солдатских спасешь на фронте.

Судили-рядили… Думы тяжкие у каждого о Родине, о семье, о себе. Мы, молодые, как-то легче относились к жизни. А вот пожилые терзались больше. Но 23 сентября состоялось партийное собрание отряда, и большинство (десять человек) проголосовало за то, чтобы обязать коммуниста В.З. Коржа вести отряд к линии фронта. В ответ Корж отрезал:

– Меня обком партии оставил в тылу врага. Вы что, выше обкома?

Однако споры в отряде не утихали. Бродил народ. И в середине октября Корж с болью в душе отпустил еще одну группу людей за линию фронта. Ушли В.А. Морозов, Ф.И. Положенцев, И.А. Сидорович, А.А. Гусев, П.И. Павлов, К.И. Конушкин, Т.Н. Шардыко – все люди уже немолодые, руководители областных организаций.

Ушли с ними С.А. Полонников, С.И. Тронов – недавно появившиеся в отряде окруженцы. Их-то понять еще можно было, они рассчитывали вернуться в свою часть. Важно было и то, что многие ушли и забрали свои автоматы. Осталось их у нас в отряде только три.

В тылу врага над тобой нет прокурора, нет судьи, нет военного трибунала. Ты сам себе и судья, и прокурор, над тобой

только твоя совесть. От совести не спрячешься, не убежишь, не уклонишься. Она всегда с тобой, это высший судья. Вот она и диктовала каждому свое.

Федор Иванович Положенцев, работавший до войны заведующим отделом обкома партии в Пинске, потом снова вернулся к нам. В апреле 1943 года он стал секретарем Пинского подпольного обкома КП(б)Б.

В белорусском энциклопедическом издании «Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне 1941 – 1945» он значится как один из организаторов и руководителей партийного подполья и партизанского движения на территории Пинской области. Все это, конечно, так. Но тогда, в октябре 1941 года, Положенцев ушел из нашего отряда.

Кстати, после войны те, что ушли от нас с целью перейти линию фронта, оказались даже в более выгодном положении, чем мы, оставшиеся в глубоком вражеском тылу. По крайней мере, те, кто дошли. Ведь они, добравшись до Москвы и возобновив контакты с партийным и военным руководством, написали своеобразные отчеты о том, что делали. Потом эти справки стали чуть ли не единственными архивными документами, касающимися тех трагических месяцев.

Мы, находясь в лесах, в почти непрерывных боях и постоянном маневрировании, никаких справок, отчетов не составляли. И вообще бумаг не писали. Да если бы и писали, то отправить их за линию фронта не могли бы. А накапливать документацию такого рода в условиях, когда нет стопроцентной гарантии ее сохранности, не было смысла. Вдруг еще к врагу попадет.

Вот и получается, что в архивах очень мало документов, касающихся партизанского движения в 1941 году. Исключением в каком-то роде являются подмосковные партизанские отряды. Но они действовали в прифронтовой зоне, с ними легче было поддерживать связь. Да и формировались они зачастую на советской стороне фронта. Значит, составлялись нужные списки, издавались приказы.

А вообще-то в том, что о партизанах, действовавших в 1941–1942 годах в глубоком тылу врага, например в Беларуси, мало документов в архивах, больше всего виноваты мы сами. К «бумажной канцелярии» мы, откровенно говоря, относились не очень серьезно. Какие бумаги, мы же воюем! Не раз был свидетелем того, как В.З. Корж на просьбу подписать очередное донесение в Центр о проведенных операциях отмахивался: «Наше дело – воевать. Потом напишут другие».

И в самом деле, написано много. Но поскольку послевоенные

исследователи работали на основании документов, то получалось так, что львиная доля написанного посвящена 1943–1944 годам.

Не секрет, что у некоторых мемуаристов, особенно у тех, кто прибыл в зону партизанских действий уже в 1943 году, получилось так, что и само партизанское движение, чуть ли не вся боевая и политическая работа против оккупантов началась лишь с их прибытием. Теперь и я сожалею, что не вел записей, хотя бы коротких.

Повторюсь, рассказывая о событиях того трудного времени, я никого не хочу осуждать. Как заметил кто-то из мудрецов, каждый может вынести ровно столько, сколько может.

Но, возвращаясь к уходу группы Положенцева, считаю нужным сказать, что в тот момент такое решение девяти товарищей не добавило оптимизма оставшимся в глубоком тылу. Скажу больше, никогда, пожалуй, наше настроение не было таким плохим. Но, к счастью, недолго. На следующий день в наш отряд влились десять новых бойцов из местных жителей.

В ноябре отряд насчитывал уже 80 человек, зимой – более 200. Вот еще одна красноречивая запись в дневнике Коржа, сделанная в декабре 1941 года:

«Сильный мороз, метель. Мы находимся в постройках. Немцы с полицией рыщут по деревням Нежин, Калиновка, Малые Городятичи и собираются к нам. Ведется ежедневная разведка. Народ все прибывает, правда, сырой материал, требует большой тренировки». Все эти деревни теперь входят в состав Любанского района.

В ноябре мы провели несколько смелых операций. И очень важных для нас, для населения всей округи. Дело в том, что о приходе зимы говорили не только мы. Полицаи тоже распространяли слухи, что как только выпадет снег, они по свежим следам выловят всех партизан. Корж решил упредить события. 4 ноября мы разгромили полицию в деревне Боровая Житковичского района, а 8 ноября – в деревне Махновичи Старобинского. Здесь нам помог местный житель Быков.

Чтобы не навлечь на семью Быкова репрессий со стороны оккупантов и их прислужников, мы, уходя, связали ему руки и вели перед собой, подталкивая прикладом винтовки. Жене посоветовали погромче голосить. С только что мобилизованными полицаями, не успевшими замарать себя, крепко поговорили и отпустили.

Некоторые попросились в отряд. С ними Корж беседовал отдельно. Потом тоже инсценировали насильственный увод. Партизаны, кстати, всегда удивлялись проницательности Василия Захаровича. Не было случая, чтобы он ошибся в человеке. Все,

кого приняли в отряд, хорошо воевали в партизанах. И ни один из полицейских, которых мы отпустили, больше в полицию не пошел.

Наиболее удачная в 1941 году операция была проведена 12 ноября. Мы ее начали с полицейского гарнизона в Забродье (теперь это Солигорский район). Там была самая заядлая, как выражался Корж, полиция. Это они больше всего грозились перестрелять нас, как зайцев и куропаток, по первой пороше.

План нашей операции был довольно замысловат. Часть партизан должна была выступить в роли полицейских. Сделать это было несложно. Полицейских повязок у нас хоть отбавляй. Корж запретил их выбрасывать.

Было в отряде и несколько комплектов немецкой офицерской формы, взятой еще в штабном автомобиле. В одну из них предстояло нарядиться мне, чтобы сыграть роль немецкого коменданта. Дело в том, что я знал пару десятков немецких слов. Корж стал у «коменданта», то есть у меня, «переводчиком».

Операцию начали в шесть утра. Деревню окружили, партизаны с повязками полицейских на рукавах были посланы в дома настоящих полицейских. Их взяли без единого выстрела. Очень важно было и то, что из окруженной деревни не ушел никто из местного населения. Значит, о том, что происходит в Забродье, никто не сообщил соседним полицейским гарнизонам.

Забродских полицейских мы обезоружили, связали и увели по направлению к деревне Красное Озеро. Там «комендант и переводчик» (я с Коржом) направились прямо к старосте. Было 11 часов утра. «Комендант» скомандовал за десять минуть собрать всех полицейских в школе, потому что хочет с ними говорить. Те действительно собрались быстро.

«Комендант» через «переводчика» сначала их отругал, заявив, что они плохо воюют с партизанами, неправильно вооружены, и приказал идти получать новое оружие, которое лежит на телегах у сарая. Там наши партизаны уложили полицейских носом в землю и связали, как и забродских. Но двое бросились бежать. Их пришлось уложить меткими выстрелами.

Однако выстрелы услышали полицейские соседней деревни Особо и цепью двинулись к Красному Озеру. В километре от Красного Озера цепь остановилась. Осовские полицейские видели, что у забродских сараев толпятся люди, стоят подводы. Но кто это – полицейские или партизаны – рассмотреть не могли.

Нужно было немедленно принимать решение, и я в своей немецкой форме пошел навстречу полицейским. Корж поспешил присоединиться к «коменданту». Когда подошли ближе, я стал кричать на «немецком языке», размахивать руками. Как потом

напишет Корж, «он говорил ни на каком языке, который был никому не понятен, просто болтал».

Это очень точное определение, потому что немецкого языка я не знал тогда, не выучил его и после. Но Корж все это «переводил» очень правильно: «Пан комендант приказывает быстро следовать сюда, пойдем на партизан».

Полицейские выслали одного из своих удостовериться, что это в самом деле немецкий комендант. Когда тот подошел метров на пятьдесят, я снова стал орать, размахивая руками. Мол, поскольку я здесь человек новый, никого из вас не знаю, приказываю положить винтовку на землю и подойти ближе.

Тот так и сделал. Подошел к нам и убедился, что это действительно «комендант с переводчиком». Крикнул своим, чтобы тоже шли сюда. К нам двинулись еще четырнадцать человек. На расстоянии пятидесяти метров последовала та же команда «коменданта»: положить оружие на землю. Полицаи ее выполнили, поскольку видели, что их товарищ стоит рядом с «немецким комендантом» и никакого беспокойства не проявляет.

Так были ликвидированы полицейские гарнизоны в трех деревнях сразу. Закончилась операция в два часа дня. В ней участвовал 21 человек из обоих отрядов. Ее отголоски разошлись очень далеко. Она многим отбила охоту идти на службу в полицию.

По Старобинскому и Житковичскому районам разнеслась молва: «Скоро Комаров всю немецкую полицию на оброти позьмет!» В переводе с местного говора это означало «повяжет веревками».

После этой дерзкой операции, проведенной силами двух отрядов, встал вопрос об их объединении. Решался он на общем собрании, ведь «приказ сверху» издать было некому. Все партизаны собрались на поляне. Их решение было единодушно. Командиром избрали В.З. Коржа, комиссаром – Н.И. Бондаровца.

К тому времени полицаи откровенно опасались нас. Еще раньше, в октябре, нас информировало местное население, что полицейские поселка Ленин выходили из гарнизона в сторону деревни Белая, зная, что нас там нет, открывали сильную стрельбу, а через некоторое время возвращались и докладывали начальству, что уничтожили столько-то партизан.

Но 13 декабря они атаковали нас на хуторе Опин на высоком берегу реки Оресы. К счастью, место для обороны было хорошее, а часовые – Александра Степанова и Иван Черняк – своевременно подняли тревогу. Бой опять для нападавших сложился неудачно. Они потеряли 11 человек убитыми и шесть ранеными. 20 ноября сразу после полудня на наш лагерь напали до сотни немцев.

Выследил наш лагерь местный предатель по прозвищу «Матрос». Мы и сами за ним охотились, но ему удавалось ускользнуть. И вот он навел оккупантов. Хорошо, что дозорные опять вовремя их заметили. Да и лагерь был основательно подготовлен к обороне. Потому встретили мы фашистов дружным огнем, и они отступили. На поле боя они оставили двенадцать винтовок. Партизаны потерь не имели.

Корж жалел, что не удалось разгромить всех. Еще большее сожаление вызывало у него то, что приходилось оставлять обжитой, неплохо укрепленный, но уже рассекреченный лагерь. Некоторые партизаны возражали, мол, немцы больше сюда не сунутся. Но Василий Захарович был непреклонен.

В полночь мы уже были в деревне Ходыки – за два десятка километров. Жители расспрашивали нас обо всем и рассказывали, что какой-то немецкий офицер перешел на сторону партизан и помог им разгромить полицейские гарнизоны сразу в трех деревнях. Мы слушали и «удивлялись».

А на следующий день пришла новость, что из Слуцка в сторону Великого леса, где был наш лагерь, движется немецкая бронетехника.

– Может, вернемся в свои землянки? – съязвил Корж.

И принял решение: поскольку после дерзких вылазок немцы отряд в покое не оставят, уходим в Любанский и Стародорожский районы. Продуктов, правда, маловато. Но, говорят, там тоже есть партизанские отряды. Должны быть. Установим с ними связь, укрепимся. Вернемся на Пинщину в любое время.

Несмотря на то что немцы и полиция не оставляли попыток взять нас в кольцо, настроение у нас было хорошее. И не только потому, что мы уже почувствовали силу.

Еще 13 декабря, сразу после боя у хутора Опин, из сообщения Совинформбюро мы узнали о поражении гитлеровских войск под Москвой. Вот это была радость! Мы постоянно повторяли, сколько уничтожено немецких танков, а счет шел на сотни, сколько автомашин, орудий, минометов, номера разгромленных фашистских дивизий и корпусов, названия освобожденных населенных пунктов.

Мы ликовали, радовались, как дети. За всю войну я не помню такого приподнятого настроения, как в тот декабрьский день. Наконец-то лозунг «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!» приобрел для нас реальные очертания. Кто-то правильно сказал, что на войне мало красных дат. В основном, черные.

Уже потом будут расцвечиваться дни в календаре. Тогда, в глубоком тылу врага, впервые за полгода войны тот декабрьский

день был для всех нас настоящей красной датой.

Главной победой в партизанском мироощущении, в понимании тех, кто сражался в глубоком тылу врага, стала та победа под Москвой.

Именно тогда, когда немецкая пропаганда трубила, что Красная Армия разбита, наша столица уже ими захвачена, Сталин сбежал, что надежд у русских нет, мы словно заново родились, у нас появились новые моральные силы, уверенность. Нам казалось, что и морозы стали помягче. Даже у пессимистов лица озарились улыбками. Между прочим, у партизан уже тогда был лозунг: «Убей немца на Полесье – он не появится под Москвой».

Потом праздниками стали и победа под Сталинградом, и на Курской дуге. Но это были как бы сами собой разумеющиеся победы. Мы уже были уверены, что они придут, что мы побеждаем и победим. Пусть мы не знали, где очередное крупное поражение потерпят гитлеровцы, но были убеждены, что потерпят.

С той победой под Москвой сравниться могло только взятие Берлина Красной Армией 2 мая 1945 года. 9 мая – венец всем усилиям по разгрому фашизма. Венец, который всегда будет сиять золотом славы, героизма и самоотверженности. Ничьи и никакие усилия не заставят его поблекнуть. Попомните мое слово.

МЫ БЫЛИ ОЧЕНЬ ДЕРЗКИМИ ПАРНЯМИ

Мы, партизаны, всегда действовали дерзко. Но зачастую, особенно в первые месяцы войны, мы действовали просто нагло. По крайней мере, по немецким меркам. Не вижу в этом слове ничего предосудительного.

Полностью согласен с Денисом Давыдовым, партизанившим во время войны с Наполеоном. Наглость для партизан, говорил он, полезнее нерешительности, называемой трусами благоразумием.

В партизанском деле на успех не мог рассчитывать тот, кто при каждом движении боится уколоть пальчик. Таким у нас попросту не было места. За любое, даже секундное промедление, а тем более растерянность можно было заплатить жизнью. А.В. Суворов, характеризуя одного из своих офицеров, сказал, что в бою тот застенчив. Так образно он намекал на то, что недостает человеку решительности в горячих ситуациях.

Так вот застенчивость в бою, отсутствие смекалки, особенно в усложняющейся ситуации, – не партизанская черта. Я убедился в этом на собственном опыте. Лучше сказать, испытал на своей шкуре. Об одном таком эпизоде расскажу подробнее.

Говорят, что один в поле не воин. Это правильно. Но «в партизанах» бывало всякое, часто даже нелогичное.

Шел четвертый месяц войны. В сентябре у Коржа созрела идея разгромить колонну немецких машин под носом у гарнизона городского поселка Старобин. Эта идея особенно понравилась нашим соседям, партизанам старобинского отряда. От такой дерзости партизан был бы резонанс во всей округе.

Летом и осенью 1941 года оккупанты часто ездили по грунтовой дороге Микашевичи—Старобин—Слуцк. Шоссе с твердым покрытием в этом районе тогда не было. Сидели в открытых грузовиках, самодовольные, загорелые – победители. Чаще всего ездили по пять-шесть автомашин и обычно в дневное время.

Первого октября отряд готовился к походу. Чистили оружие, проверяли боеприпасы. Получили провиант – по два куска отварного мяса и хлеб. Это на трое суток.

Шли скрытно, обходили все деревни. В разведку я и Виктор Лифантьев второго октября пошли без винтовок – пистолеты и гранаты спрятаны. Никто из местных партизан не мог пойти на это дело. Их, как я уже упоминал, могли узнать в лицо. А мы шли

под видом окруженцев.

Вошли в деревню Махновичи. Полицейского участка в ней тогда еще не было. Прежде чем зайти в дом к нашему связному, навестили два десятка хат. Попутно запаслись хлебом и другим провиантом. Связной рассказал обстановку в соседних деревнях. В Долгом – небольшой гарнизон, в Желтом Броде – комендатура немецких пограничников.

В то время на бывшей польско-советской границе, которая проходила по реке Случь, оккупанты держали пограничные посты. Условились, в каком месте можно переправиться через реку. Мосты ведь были под контролем полицаев.

Переправились на лодке через Случь 3 октября. Скрытно вышли к деревне Летенец. Ночевали в лесу, костров не разжигали. Даже курить командир приказал «в рукав». В общем, удалось скрытно от противника подойти к райцентру.

Засаду сделали так, чтобы вести перекрестный огонь по колонне. Выставили прикрытие по флангам отряда и 5 октября прождали в засаде целый день. Но немцы не показались. Был какой-то праздник в тот день.

Партизаны остановили человек двадцать жителей соседних деревень, которые шли с богомолья. С ними поговорили, разъяснили обстановку на фронтах.

К вечеру командир снял засаду, и мы двинулись в сторону деревни Поварчицы с задачей побольше запастись провиантом и заодно разоружить полицаев. У старобинцев к ним был особый счет. За месяц до этого они убили партизана И. Бондаренко и комсомольца И. Хорсеева.

По лесной дорожке шли гуськом. Немецкий гарнизон был где-то рядом. Надо же было такому случиться: портянка так натерла мне ногу, что идти стало невмоготу. Я присел на пенек, снял сапог, переобулся, а отряда и след простыл. Подал условный сигнал, ответа никакого.

Лесная дорожка раздваивалась – одна влево, другая вправо. Сначала побежал по левой. Никаких следов, на сигнал никто не откликается. Вернулся обратно и рванул по правой дорожке. Выскочил на опушку леса – впереди селение и вышка. Немец стоит с пулеметом, благо, спиной ко мне.

Оказывается, я угодил в райцентр Старобин. Значит, Поварчицы, видимо, влево. В этих местах я был впервые, поэтому местности не знал. Не заметил, как отмахал три-четыре километра и выскочил на поляну.

Пасется табун лошадей. Рядом – пастух уже немолодой, с ним парнишка лет 14–15. Подхожу к ним.

– Чьи лошади?

– Колхозные.

Колхозов немцы не распускали.

– Из какой деревни?

– Поварчицы.

Командую старшему конюху:

– Забритай коня!

Это означает надень уздечку. Выполнил, подвел коня, даже подсадил меня, и я уже верхом.

– Ну, мужики, садись на коней, погоним лошадей на конюшню в деревню. Партизан не видели, не проходили здесь?

– Нет, какие партизаны?! У нас их нет.

Я потом сообразил: на мне трофейные немецкие сапоги, немецкий ремень с бляхой «Готт мит унс» («Бог с нами»), немецкая сумка от ракетницы. За кого они меня могли принять? За полицая.

Погнали мы лошадей к деревне. Они охотно затрусили домой. Лошадь домой всегда спешит. В это время вижу, что из деревни на повозке трое гонят в сторону Старобина.

Я на коне наперерез: «Стой, назад!» – и дважды пальнул в их сторону. Повозка развернулась и обратно в Поварчицы. Пастухи мои «улетучились», а табун лошадей уже на конюшне. Я – туда же. Конюх спрашивает:

– А где пастухи?

Называет по именам.

– Не знаю, были рядом, отстали, наверное. Партизаны проходили в деревню? Их много, человек восемьсот.

– Нет, не видел никого, никто не проходил.

– Как никто не проходил? Не может быть.

– Ей Богу никто не проходил.

Смеркалось, осенью темень быстро наступает. Конюх тоже исчез, а я пошел к ближайшей хате. На завалинке сидят две женщины и парень лет 17–18.

– Дайте попить.

– Вынесли кружку парного молока. Тепленькое, только что надоили.

– Дайте, пожалуйста, хлеба.

– У самих нет, уходи быстрее от беды подальше.

Вмешался парнишка:

– Мама, дай человеку хлеба.

Подчинилась мать, вынесла большую краюху.

Не заметил, как в темноте все куда-то исчезли, пока перекусывал. Голод ведь не тетка, считай, двое суток ничего не ел.

На другой стороне улицы в доме зажглась керосиновая

лампа. Яркий свет помню до сих пор. Перелез через невысокий забор-штакетник. Собака злая увязалась. Отбился от нее прикладом.

Стал под окном и вижу: один мужик за столом, винтовка висит на стене, другой – полицай – стоит посреди хаты, опершись на винтовку. Женщина хлопочет у печки. Ору благим матом:

– Хата окружена партизанами! Винтовки – на лавку! Выходи из хаты!

Женщина запричитала:

– Ой, божечки, что же будет…

Женщине:

– Выноси винтовки!

Вышли два полицая. За ними тетка.

– Деревня окружена партизанами. Никуда не выходить из хаты. Приготовить хлеб и к хлебу. А вы – вперед к сельсовету!

Я знал, что семья партизана Федора Бородича живет в том же конце села, где сельсовет.

– Какой пароль сегодня?

Назвали.

– Идите вперед, называйте пароль полицаям и не вздумайте дурить, стреляю без предупреждения. Деревня плотно окружена.

Не прошли мы и сотни шагов, как навстречу бежит молодой полицай, ружье наперевес.

– Стой, руки вверх!

Оружие отобрал. Это была охотничья одностволка.

– Где остальные полицаи, сколько их?

– В засаде сидят около школы, человек восемнадцать.

– Вперед!

На плече у меня три винтовки, своя в руках, патрон в стволе. Посреди деревни на улице стоит группа селян. Подошли к ним.

– Здравствуйте, товарищи! Прошу соблюдать спокойствие. Деревня окружена, нас восемьсот человек.

И пошел агитировать. Красная Армия ведет тяжелые бои за Брянск, за Орел. Идут бои за Киев, Ленинград. Тяжело, но победа будет за нами. Еще никому не удавалось покорить нашу землю. Наполеону зубы сломали и Гитлеру сломаем хребет. Скоро будет наша победа, товарищи, а вы сидите по домам, развели полицаев. Как будете смотреть людям в глаза после победы?

Робко, но загомонили люди: а как Москва, много ли у Красной Армии танков, пушек. Немцы говорят, что Сталин из Москвы убежал в Сибирь. Красная Армия разбита. Советские танки из фанеры.

Я гну свое: неправда все это.

Прибежал мужик средних лет и набросился на молодого

полицая:

– Ты чего здесь? Тебя послали ловить партизана, у Палашки просил хлеба…

И командует полицаям:

– Быстро за мной, ловить бандита!

Тут я подал голос:

– Ах ты, гад, застрелю! Сдай винтовку!

Четвертая винтовка на плече. Уже тяжеловато. Но продолжаю командовать.

– Расходитесь, мужики, по домам, из деревни никуда, она окружена. Подготовить в каждой хате по две буханки хлеба, сало или масло. Ясно?

Тот, которого я принял за старшего полицейского:

– Товарищ, я сейчас, мигом.

Принес два каравая и добрый кусок сала. Грозно спрашиваю:

– Где остальные полицейские? Пошли к ним.

– Товарищ, браток, не ходи, убьют.

– Если убьют, то и вас перебьем. Иди и передай приказ сложить оружие добровольно. В таком случае никого не тронем.

Прошло уже несколько часов, а партизан все нет и нет. Где отряд? Должен ведь обязательно прийти в Поварчицы. Давно все голодные. И Бородич собирался навестить семью. Точно знаю, что придут в деревню.

Еще раз командую:

– Расходитесь по домам, приготовьте еду, чтобы накормить партизан, а я пойду доложить командиру.

Идем по улице в ту сторону, откуда я пришел. Молодой полицай канючит:

– Товарищ, отдай мое ружье, 160 рублей заплатил. Отдай.

– Не могу без разрешения командира. Но обещаю, попрошу, чтобы отдали тебе ружье. Парень ты неплохой, зла людям не делал.

– Не делал, товарищ. У любого в деревне спросите, ничего плохого не сделал.

А мне становилось все тревожнее. Где же отряд? Давно уже должен быть в деревне. В конце улицы отпустил безоружных полицаев.

– Идите домой и готовьте хлеб. Я скоро вернусь.

Да, ситуация… Отряда нет, что случилось, не могу понять. Прошел два километра по дороге на восток, благо про дорогу расспросил (и не в одну сторону). Тяжело тащить четыре винтовки. Решил спрятать их недалеко от дороги под одиноким дубом. Днем заберем. Затворы из винтовок вынул как вещественное доказательство, а то ведь не поверят партизаны в

случившееся. Наивная молодость.

По дороге одному идти опасно. Свернул на полевую тропинку и стал блуждать по торфяникам. Несколько часов ходил, пока перед рассветом не обнаружил, что ходил по кругу. Решил, что нужно дождаться светлого времени и разобраться, где нахожусь. Забрался в густой кустарник. Выбрал сухое место на бугорке, рядом винтовка и гранаты.

Живым не сдамся, буду драться до конца. От усталости задремал. Видать, крепко, так как не чувствовал даже холода. А уже наступали первые заморозки. Проснулся не столько от того, что замерз, сколько от близкой стрельбы. Значит, идут по моему следу. Стреляют где-то совсем рядышком.

Приготовился к бою. Приготовился к смерти. И вдруг опять наступила тишина. Тревожная тишина. Оказывается, блуждая ночью, я снова подошел близко к Поварчицам.

В тревоге прошел почти весь день. Осмотрелся. Недалеко пастушки-подростки пасли коров. Пошел к ним через кустарник.

– Откуда вы, ребятки?

– Из Копацевичей, из МТС.

Ага, значит, мне туда и надо. Там живет семья партизана Цыганкова. Расспросил, кто в каком бараке живет, откуда заходить и прочее.

– Вы, ребята, пионеры?

– Да.

– А в школу ходите?

– Еще не знаем, будут ли занятия.

– А где отцы?

– Мой папа на фронте. И мой тоже. А мой дома работает.

– Полиция есть?

– У нас нет. Только в Старобине и Поварчицах.

Когда стемнело, пошел в поселок. Зашел в каждую семью, чтобы не выдать Цыганковых, не навести полицаев на след. Нашел Цыганковых. Жена и малые дети за столом. Передал привет от мужа. Сказал, что скоро зайдет повидаться. Для верности назвал еще несколько знакомых ей партизан. Заволновалась женщина:

– Уходи, браток, быстрее. Немцы и полицаи сейчас и ночью стали появляться.

Расспросил дорогу на Долгое, Махновичи – те места, которые я уже знал и куда должен был вернуться отряд.

Вышел на проселочную дорогу, которую указала мне Цыганкова, и зашагал на восток. Ориентир уже был известен. Прошел несколько километров. Ярко светила луна. Шел я по левой теневой стороне дороги.

Вдруг вижу – навстречу идет группа вооруженных людей. Я замер. Значит, напоролся на патруль. Главное не шевелиться, не двигаться, не выдать себя. Присев на корточки, тихо, по-кошачьи отошел от дороги в лес и залег. Группа медленно прошла метрах в пятидесяти от меня. Думаю, что душа моя была в пятках.

Но надо было решать, что делать. Идти дальше? А если за этим патрулем появится другой? Решил, что надо идти, но днем, все-таки видишь обстановку вокруг. Забрался в густые заросли. Спать нельзя ни в коем случае. Боролся со сном, но безуспешно.

На рассвете в полудреме почудилось мне, что идут цепочкой люди. Вижу лица Коржа, Чуклая, Бондаровца. Открыл глаза. Нет, это не они. Идут гуськом – один, два, три… восемь человек. Направились к проселочной дороге. Один вышел на дорогу. Посмотрел влево, вправо, все свернули в лес. Я оцепенел, вжался в землю, только бы не заметили. Потом сообразил: раз не пошли по дороге, а свернули в темный еловый лес, значит, партизаны.

Я побежал в том же направлении, куда пошла группа.

– Товарищи, товарищи! Я свой, свой…

Лес безмолвствовал. Никого…

Потом понял: а может, и лучше, что никто не откликнулся и не вернулся. На мне ведь немецкое снаряжение – ремень, сапоги, ракетница. Расстреляли бы свои. Запросто. Это же был октябрь 1941 года.

Оценив ночные передряги, решил двигаться днем. Прошел всю дорогу спокойно. После всего, что случилось со мной за две эти ночи, бояться было уже нечего. То ли 7, то ли 8 октября подошел к деревне, не знаю, к какой. Лай собак. В крайней хате бабка что-то делает по хозяйству.

– Бабушка, что за деревня?

– Горка.

Ага, значит, справа Долгое, там гарнизон, туда нельзя.

– А немцы в деревне есть?

– Только что вышли со двора. Яйца заготавливают.

Вижу трех немцев-заготовителей, дальше еще человек десять.

Рванул вправо, по кустарнику вышел к пойме. Впереди речка Случь, а там и наш партизанский лес километров через 20–30.

Назад пути нет, справа Долгое, слева Желтый Брод, там немецкая погранзастава. Впереди Случь, там спасение. Болото перед речкой неглубокое, вода чуть выше колен. Немецкие пограничники – в окопах. Рассматривают в бинокль. Не стреляют. Быстрее к Случи! Почему не стреляют немцы?

Наконец-то низкий берег реки. Речка не очень широкая, но глубина достаточная в тех местах, метра три. При моем росте 160 сантиметров.

Догола разделся, в первый заплыв переправил гранаты и вещмешок. Винтовку и патроны оставил на берегу. Второй заплыв – одежда и сапоги, третий заплыв – винтовка, патроны и четыре затвора, те самые. Вода ледяная. Не знаю, сколько градусов, но я тогда холода не чувствовал. Одна мысль – только быстрей в лес. Оделся и в путь. Теперь-то я знаю эти места.

По пути перед Махновичами новый поселок, хат 15 – 20. Здесь живет наш связной, у которого я был на позапрошлой неделе. Опять обошел все дома, чтобы «не расшифровать» человека. У кого спичек попросил, у кого молока, у кого хлеба. Собрал немного хлеба и сала, заодно попал к связному.

Он мне описал обстановку. Немцы и полицаи появляются даже ночью. Убили недалеко в лесу военкома соседнего Любанского района и одного военного. Усиленное патрулирование ведут потому, что появились крупный советский десант и много партизан. Вооружены партизаны пулеметами, автоматами, кто-то видел даже пушки. Целая армия, а впереди партизан в черном пальто. За ним целое войско.

Говорят, в Поварчицах этот партизан ездил верхом на полицейском коменданте и приговаривал: «Будешь служить в полиции, гад…». Люди говорят, такая грозная сила появилась на Полесье. Скоро наши подойдут.

Молву народ сочинил такую, какую хотел слышать. В Желтом Броде и до немецких пограничников эта молва докатилась. Да и командование их уже проинформировало. А в ней правды – только то, что один из партизан в черном пальто был в Поварчицах, а на рассвете пришел партизанский отряд и разогнал полицию. Вот почему немцы не открыли стрельбу по мне. Ждали, что следом за мной пойдут сотни.

Как выяснилось потом, после Поварчиц отряд повернул на Плянту, а затем на райцентр Красная Слобода. Там Корж забрал семью своего погибшего в Испании товарища. Отряд прошел по деревням и 11 октября в пять часов утра форсировал на плотах и лодках реку Случь у деревни Скотомогилы.

А мои злоключения продолжались. Решил идти на Махновичи ночью. Дорогу знаю, иду уверенно. Но что за чертовщина? За мной кто-то идет. Я делаю шаг – и он (воображаемый) шаг. Я два шага – и он два шага. Тихо, ни звука. Опять пошел, и опять за мною кто-то. Залег в кювет, и снова тишина. Оказалось, сам себя пугал. Вечером подморозило, подмерзли полы моего пальто. Я шаг, а полы, как деревянные, издают звук в такт шагам. И смех и грех.

Обошел стороной деревеньку Махновичи, боясь засады. Прошел Грудок, за которым были кладки через топкое болото. На

Полесье всегда делали «дорожку» – кладки по топям. Клали по две-три жерди, закрепляли их прутьями из лозы и по этим кладкам ходили. Обязательно с длинной палкой. Сорвешься, и болото тебя засосет. Если никто не поможет, можешь стать покойником.

В темноте я кладок не нашел. Шестом прощупал весь край болота – ну нет, и все. Куда подевались кладки – одна ночь знает. Устал я сильно и замерз. Развел костер, обогрелся. Один бок погреешь, другой замерзает. Не заметил, как уснул.

Крепко спал. Проснулся от холода, яркого солнца и испугался. Испугался тишины и собственной беспечности. Меня же могли голыми руками взять. Наверно, никакой силы воли у человека не хватает, когда валится с ног от усталости.

Утром я нашел кладку быстро. Благополучно перешел топкое болото и двинулся знакомым лесом в район деревни Ходыки. Пришел в старый лесной лагерь, где стояли летом до октября. Лагерь пустовал. Потрогал рукой кострище. Холодное – значит ушли давно. Посторонние, видать, не навещали лагерь. Буданы (шалаши) из ветвей и сена целы.

Как дать знать своим, что я здесь? Нашел пустой бочонок и написал: «Доктор Айболит ушел в гости к летчику Громову». Для постороннего – бред, для наших – сигнал. Эдуард ушел в деревню Обидемля к леснику Добролету. Громов – псевдоним нашего партизана.

Вечерело. Костер разводить побоялся. Забрался на стог сена в центре луговины. Почему в центре? Чтобы можно было наблюдать за обстановкой.

Утром пришел в новый лагерь. Там оставались раненый Григорий Карасев, Змитер Хомицевич, дед Дубицкий и две женщины: Вера Некрашевич и Анна Васильевна Богунская. Обрадовались моему приходу. Принес им поварчицкого хлеба, сала и кусок масла для раненого.

Отряд вернулся на свою базу 12 октября. Я уже три дня был в лагере. Успел с Верой Некрашевич сходить за продуктами в колхоз имени Кирова. От Коржа мне вначале досталось:

– Как же ты отстал от отряда? Сколько мы нервов потратили и времени.

Оказывается, перед Поварчицами Корж остановил сводный отряд на привал. Пересчитал всех партизан, как говорят, «по головам». Одного нет. Кого? Искали среди тех, кто шел в хвосте колонны. А я всегда ходил в голове. Иван Чуклай – за командиром, я – за комиссаром. Долго проверяли, наконец догадались, что нет «доктора» (в то время я был еще и «доктором», но об этом отдельно).

Корж послал группу партизан искать меня. Да кто мог подумать, что я уже в гарнизоне. Кому могло прийти в голову одному идти в полицейский гарнизон! А рядом, в райцентре Старобин, немецкий гарнизон. Правда, потом Корж похвалил все-таки: молодец, мол, не растерялся, не струсил, проявил находчивость, доказал, что безвыходных ситуаций не бывает.

Когда В.З. Корж после войны написал свои мемуары и упомянул об этом происшествии со мной, то рецензент, его друг, Герой Советского Союза Ваупшасов в рецензии написал: «Это чистый вымысел. Такого не могло быть».

Корж возмущался:

– Как не могло быть! Свидетели еще живы.

Прошло более полувека. Я часто задавал себе вопрос: было ли страшно одному в Поварчицах? Нет, пугаться было некогда. Мозг был занят другим. Перед тобой трудности, которые нужно превозмочь. Значит, думай, как это сделать.

Страшновато стало только один раз, когда проснулся утром у потухшего костра около Махновичей. Могли ведь взять меня, сонного, голыми руками. Вот тут-то прошиб меня озноб. Но это было тогда, когда главные опасности остались позади. О том, что могли убить, не думал. Тогда каждый день могли убить, поэтому каждый день мы были готовы и к бою, и к смерти.

Страх – это нормальное состояние человека. Но если со страхом не совладал – то трус. Важно уметь подавить страх. Я был во многих боях, в том числе ночных. Хорошо помню то напряжение, которое овладевало перед самым боем. Но столь же хорошо знаю, что страх пропадал после первых выстрелов. Иногда страшнее тишина.

И еще одно. Спал на холодной мерзлой земле. Трижды переплыл речку Случь при минимальной температуре. Заболел воспалением легких? Нет. Не помню, был ли насморк. Кажется, нет.

Вот тут тоже загадка для мирной жизни. Объяснение одно – выручало напряжение всех человеческих сил. Это, наверное, было допингом. Ежеминутная опасность мобилизовала защитные силы молодого организма.

А все-таки было ли страшно? Когда вспоминаешь теперь, через полвека, становится страшно. Одиннадцать дней – мелочь по сравнению с вечностью. Но сколько раз был на грани смерти за эти дни. Самое тяжелое – муки неизвестности. Где мои товарищи? А что если они уйдут за линию фронта? Как раз в те дни на эту тему шли горячие дискуссии в отряде.

Что я буду делать один? Прятать винтовку и идти наниматься пастухом? Или «подпаском» к солдатке? Впереди зима, первая

военная партизанская зима. Ни о чем не думал, кроме одного: как попасть к своим, в отряд.

Один в поле не воин. Но есть старое латинское изречение: «Смелым судьба помогает». На войне, кроме всего, нужны везение и удача. Рассчитанная наглость тоже не помешает.

Прошли десятилетия. Пишу эти строки уже в XXI веке, повидав многое на свете. И размышляю: можно ли профессионально рассчитать риск? Один во вражеском гарнизоне. Один на один со смертельной опасностью. Разоружил четырех полицаев, нагнал страху на весь гарнизон. И без единого выстрела. Уверенность, переходящая в бесцеремонность, пугала противника. Значит, бывает, что и один в поле воин.

Не исключаю, что подобную историю могли бы рассказать и другие партизаны. Особенно те, кто не отсиживался в штабных землянках. Такой образ действий диктовался самой логикой партизанской борьбы. Она состояла в том, чтобы стремглав налететь, неожиданно появиться там, где совсем не ждут, ударить и исчезнуть, раствориться. А через некоторое время возникнуть совершенно в другом месте, снова ударить и снова исчезнуть.

Корж был мастером короткого боя. Кроме того, он часто повторял, что «волк там, где живет, овец не берет». Потому старался водить своих партизан «на работу» в места, отдаленные от постоянного базирования.

Этим отводил подозрение и от проживающего рядом населения. Засады устраивал вдалеке от деревень. Решение о нападении он принимал только тогда, когда был уверен в успехе и в том, что отряд не понесет серьезных потерь. Так действовало большинство командиров.

Для партизан не могло быть геройством вступить в бой, не просчитав результата, и сложить головы. Нет, нам надо было «жалить» часто и успешно, как кобра. Только так можно было укреплять уверенность в себе, создавать соответствующее настроение у населения, поселять неуверенность у врага. Только так мы могли добиться того, что ему везде начнут мерещиться партизаны.

В беспорядочности (с точки зрения классического военного искусства) действий – большое преимущество партизан. В партизанской нелогичности была своя логика.

И Наполеон, и фашистские генералы жаловались, что партизаны воюют не по правилам. По-глупому жаловались. Партизанская тактика и должна изначально отличаться от тактики регулярных частей, действующих на сплошном фронте.

Лобовые атаки на изматывание обороны противника – не для нас. Я просто смеялся, когда во время чеченской войны слышал

заявления многозвездных российских генералов, говоривших:

– Масхадов и Басаев – трусы. Они боятся выйти на открытый поединок. Мы бы их тогда…

Мне думалось: «Зачем эти генералы демонстрируют свою неграмотность? Не выйдут чеченские боевики на такой бой и не должны выходить. В отличие от вас, генералы, они изучили теорию и практику партизанских действий». Кто-то может возразить, что боевики – не партизаны в прямом смысле этого слова, а террористы. Да, террористы. Но действуют партизанскими методами. Они воюют не дивизиями и полками, а мелкими группами, стараясь побольнее ударить там, где их не ждут.

Это и есть партизанский подход, который мы накрепко усвоили еще в первые месяцы войны. В отличие от чеченских террористов нам и в голову не приходило заложить взрывчатку на рынке, на который приходят мирные жители.

Если бы первый российский президент Б.Н. Ельцин прочитал хоть несколько книг о партизанской войне, он никогда не принял бы решение начать вооруженную авантюру в Чечне силами регулярной армии. Ведь такая армия не обучалась методам партизанских действий и даже методам противодействия партизанам. У кадрового военного и у партизана даже мышление разное. Я имею в виду военное мышление.

Приведу еще один случай. В 1943 году в конце февраля Пинское партизанское соединение вело тяжелые бои с превосходящими силами оккупантов. Против нас была брошена сорокатысячная группировка войск с танками, авиацией. Пришлось выходить из окружения на запад, в Логишинский и Телеханский районы. Три роты «отряда Комарова» оказались вне этого кольца. Отколовшимся отрядом Корж приказал командовать капитану Николаю Баранову, а я стал комиссаром.

После трудного перехода вышли в Любанскую партизанскую зону. Вывезли и вынесли своих раненых, чтобы самолетами отправить на Большую землю. Люди были измучены до предела. А в штабе Минского партизанского соединения получаем приказ: через сутки атаковать и уничтожить крупный гарнизон в деревне Постолы. Капитан Баранов ответил:

– Есть разгромить гарнизон противника.

А я этот приказ «тормознул» по своему комиссарскому праву. Наступать по открытому полю? Тем более что патронов у нас оставалось на полчаса боя. Да без тщательной разведки и подготовки. Погубим людей.

Вызвали в штаб соединения. Заместитель командира соединения Иосиф Бельский во время словесной перепалки

назвал меня трусом и даже пригрозил расстрелом. Я схватился за автомат. Мы уже с 1941 года знали цену каждому, кто трус, а кто нет. Выражения с моей стороны последовали тоже не совсем лицеприятные, лучше сказать – непечатные.

Свидетелем этой схватки стал секретарь ЦК комсомола Белоруссии Михаил Зимянин, кстати, будущий главный редактор «Правды» и секретарь ЦК КПСС. Вот с кем сводила тогда партизанская судьба. Зимянин, человек довольно резкий, попытался меня приструнить:

– Мальчишка, как разговариваешь с заместителем командира соединения?!

Но я стоял на своем:

– Можете меня расстрелять, но на верную гибель людей не поведем. Юзику не подчинюсь. У нас есть свой командир соединения.

Юзика (Иосифа Бельского) я знал с осени 1941 года. Произошло знакомство не в лучшей для него ситуации. Зимянину такой разговор был в диковинку. «Тонкости» наших взаимоотношений ему были неизвестны. Но минчанам он посоветовал свой приказ отменить.

Почему Баранов ответил: «Есть!»? Этот ответ вытекал из ментальности недавнего строевого офицера: приказ должен быть выполнен любой ценой. Почему я сказал: «Нет!»? Потому что любая цена нас не могла устроить. Это мне продиктовал опыт полуторалетних партизанских действий.

На той войне мы вели разные бои. Были и стремительные атаки, и позиционное противостояние, чаще всего характерное для обороны. Бывало, что такое противоборство длилось неделями. Но это стало возможным, когда партизанские зоны уже занимали многие тысячи квадратных километров, а отряды и бригады насчитывали десятки тысяч хорошо вооруженных бойцов.

На первом этапе мы старались нещадно жалить. Но с обязательным точным расчетом сил и возможностей. Мы ставили своей целью выиграть каждый бой. В противном случае предпочитали в драку не ввязываться. И это был правильный подход.

После войны западные военные историки Диксон и Гельбруни написали:

«…Советские партизаны доказали, что тысяча отрядов по пятьдесят человек лучше, чем пятьдесят отрядов по тысяче человек». И добавили: «Ущерб, нанесенный немецкой армией партизанской войной, нельзя определять только числом убитых и раненых и количеством уничтоженных орудий и складов.

К этому еще следует добавить потерю немецкой армией

боеспособности и ударной мощи, значение которой трудно оценить в цифрах. Главное состоит в том, что ухудшилось моральное состояние солдат, которые воевали в стране, где каждый гражданин мог оказаться партизаном, а каждый необычный шум – сигналом для начала партизанской атаки».

Излишняя концентрация партизанских сил в одном месте, в одной боевой единице – тоже ошибочна. Особенно ошибочна она была в самом начале нашего движения. По этой причине, я считаю, погиб в сентябре 1941 года Столинский партизанский отряд, в котором базировался и подпольный обком партии.

Тогда по неопытности думалось, что чем нас больше в одном формировании, тем лучше для нас. Оказалось – для врага. Ему ничего не стоило подтянуть хорошо организованные, обеспеченные техникой, потому легкие на подъем регулярные части, окружить и…

Этот вывод подтверждает и более поздний партизанский опыт. Как теперь известно, рейд соединения Ковпака в Карпаты не достиг тогда всех поставленных целей. Ковпаковцев сильно потрепали немцы и бандеровцы. Они потеряли много ценных людей, включая комиссара соединения Руднева. Назад выбираться пришлось разрозненными группами.

Из рассекреченных архивов теперь стало известно, что заместитель наркома обороны Щаденко на первом этапе войны внес предложение о формировании крупных партизанских соединений и переброске их в тыл немцев. В декабре 1941 года было создано Управление по формированию партизанских частей, отрядов и групп.

Предлагалось создать две партизанские армии. Одну на юге из шести-семи кавалерийских дивизий по пять с лишним тысяч общей численностью 33 тысячи. Вторую – из 26 481 человека в составе пяти дивизий на базе ополчений Ивановской, Ярославской, приволжских, уральских и сибирских областей.

Жизнь отвергла эту идею. Армии создать можно. Но как их переправить в тыл врага? Как снабжать их продовольствием, боеприпасами, горючим, обеспечить воздушное прикрытие, которое крупным формированиям просто необходимо?..

Практика войны показала, что любой армии проще разгромить чужую дивизию в своем тылу, чем обнаружить и уничтожить полсотни, сотню мелких боевых групп, неожиданно и непредсказуемо возникающих в разных местах и больно кусающих.

Между прочим, немцы в 1943 году забрасывали в партизанские отряды листовки на эту тему. Использовали логотип «Правды», надпись «Смерть немецко-фашистским

оккупантам» и призывали: «Объединяйтесь в крупные соединения. Нечего проводить мелкие бои, они ничего не дают. Будем громить оккупантов, занимать города, железнодорожные узлы и станции. Поможем Красной Армии по-крупному». Была такая уловка, но партизаны на нее не поддались.

Кто-нибудь из более молодых может спросить: «А как же понимать тогда партизанские бригады, партизанские соединения, тысячи людей?» Опять же не надо подходить к этому по-армейски.

Да, партизанские отряды вырастали до бригад, отряды и бригады входили в соединения. Но соединение контролировало десяток и более районов, по которым и были разбросаны отряды. В крупных операциях они действовали сообща. Потом даже со штабами армий и фронтов эти операции согласовывались.

Но на так называемом низовом уровне особенность партизан и отдельных отрядов заключалась в том, что никто не ждал указаний сверху. Они вступали в бой и выходили из боя там и тогда, где и когда им было выгодно. На то они и партизаны, чтобы никакого шаблона. В этом и сила их тактики.

В США, Великобритании, Германии, Франции изучением способов партизанской войны занимаются специальные исследовательские центры. В российской армии этого нет. Потому и «вляпался» Грачев в Чечне. Воевать регулярным войскам против партизанских отрядов – все равно что вилкой суп есть.

Я всегда спрашиваю, можно ли уничтожить блох в квартире большой дубиной. Всю утварь переколотишь в доме и только. Еще Вальтер Скотт писал в 1837 году о мобильности партизан: «Преследовать их – значило бы гоняться за ветром, а окружить их было бы подобно тому, что удерживать воду в решете».

ДРУГАЯ ВОЙНА

Партизанская война имеет свою логику, а эта логика – свое развитие. Зима 1941–1942-го, первая военная зима, была самой трудной для партизан. Она грозила нам тем, что станут проходимыми места, где мы находили укрытие, а каждый след, оставленный на снегу, приведет к лагерю карательную экспедицию. Значит, придется максимально удаляться от населенных пунктов, которые давали нам хлеб насущный, терять связи.

Кроме того, зима выдалась чрезвычайно суровой. Нас, похоже, испытывала не только война, но и сама природа. А мы не имели ни подготовленных баз, ни запасов продовольствия. Ночевать временами приходилось прямо в снегу. Вытаптывали в сугробе траншею и укладывались в нее плотными рядами. К утру из сугробов валил пар, но простуженных или обмороженных не было.

Долго так испытывать судьбу было нельзя. Потому часть партизан склонялась к тому, чтобы на зиму разойтись по знакомым и родственникам. Припрятав оружие, переждать холода, а весной собраться и начать боевые действия заново. На это согласны были многие партизаны из местных жителей.

Другие считали, что надо запастись продовольствием, зашиться в глухомань и тихо сидеть до весны, иначе оккупанты и полиция выследят нас. Не стану скрывать, что некоторые так и поступили.

Случались подобные разговоры и в нашем отряде. Особенно распространены были они среди партизан житковичского отряда, примкнувшего к нам осенью. Это были, в основном, председатели колхозов, председатели сельсоветов. Военного опыта им еще предстояло набираться, но они хорошо знали здешние леса. Часть из них все-таки отделилась от нас.

Корж их особо не задерживал. Они принадлежали не только к другому району, но и к другой области, тогда она называлась Полесской. Мы на них случайно наткнулись потом, во время февральского рейда по Минской и Полесской областям. И снова приняли к себе. Эти люди впоследствии неплохо воевали. Некоторые стали командирами отрядов, один возглавил бригаду.

И все-таки скажу, что та зима стала переломной, притом во многих смыслах. Она была началом перехода уже к другой партизанской войне. Более того, с уверенностью утверждаю, что решающую роль в этом на Минщине, а потом и на Пинщине сыграл наш отряд, в первую очередь его командир Василий

Захарович Корж.

Он не был «хнытиком». Он думал, делал выводы и действовал. Неустанно работала отрядная разведка. Почти в каждой записи его партизанского дневника есть пометка: «Ведем разведку во все четыре стороны». Шестым или десятым чувством Корж понимал, что мы не одни, не должны быть одни. И оказался прав.

Василий Захарович был уверен, что кратчайший путь к погибели – это как раз бездействие. И не только потому, что бездействующий отряд начнет разлагаться изнутри, как он повторял, превращаться в банду. И не потому, что рано или поздно зашившихся в укромное место партизан могут выследить. А в первую очередь потому, что такая «тактика» посеет неверие в партизан у здешнего населения и лишит их поддержки.

Он пришел к выводу, что в условиях зимы партизанские отряды надо сделать более мобильными, более маневренными, посадив их на коней и на санные подводы.

– Мы не тараканы, чтобы сидеть в щели, – повторял он. – Пусть у немцев танки и артиллерия. Посмотрим, как они угонятся за нами по лесам и болотам, которые мы знаем, а они – нет.

Нельзя было растерять и того морального подъема, который поселился в нас после разгрома немцев под Москвой. А в декабре 1941 года был огромный подъем, равного которому мне трудно припомнить, перебирая в памяти всю войну.

После перехода в Любанский район Минской области мы обосновались сначала в деревне Нежин, а затем в Загалье. «Комаровцы» заняли большую часть деревни. Штаб разместился в школе, в центре деревни. А рядом расположился отряд Николая Николаевича Розова.

Вышел из лесных землянок и стал на постой в соседней деревне Старосеки партизанский отряд Александра Ивановича Далидовича. Совсем недалеко от нас в деревне Славковичи разместились партизаны «Жорки» – Григория Столярова. Разбитные это были ребята, между прочим. Пришлось их к порядку приводить. В соседнем Октябрьском районе, как донесла разведка, действовали отряды Ф.И. Павловского.

Уже тогда, в январе 1942 года, В.З. Корж стал обдумывать новую тактику и спланировал первый, по-настоящему крупный партизанский рейд силами нескольких отрядов.

А пока он разделил свой отряд на три группы по 60 – 70 человек и направил их в Старобинский, Житковичский, Любанский районы. Сам во главе четырех десятков партизан двинулся в Стародорожский район. 9 января «комаровцы» разгромили полицейский гарнизон в Кривоносах, 11-го – в

Рухово, 12-го – в Пасеке, 13-го – в Прусах.

На базу в Загалье вернулись 14 января. Пришли с богатыми трофеями – оружием, патронами, другим военным имуществом, конфискованными лошадями. Отряд пересел «на коней». Это не была кавалерия в прямом смысле. На санях располагались три-четыре партизана. Но такая колонна становилась куда более подвижной по сравнению с пешей.

Половину отряда во главе с комиссаром Никитой Бондаровцом 12 февраля Корж направил в Октябрьский район Полесской области (ныне Гомельская) в деревни Барбарово, Бобровичи, Косаричи. Помогли партизанам Павловского, которые вели тяжелые бои с карателями. В первом же бою они уничтожили семь фашистов и захватили обоз с награбленным хлебом. Партизанам достался не только хлеб, но и лошади с упряжью.

В то самое время произошло еще одно событие, о котором нельзя не рассказать. В.З. Корж узнал от разведчиков, а те – от местного населения, что недалеко, в урочище Зыслав, размещается Минский подпольный обком партии во главе с Василием Ивановичем Козловым.

Теперь имя Героя Советского Союза В.И. Козлова носит не только улица в центре Минска, но и улицы во многих городах. На доме, где он жил в столице, установлена мемориальная доска. В Солигорске В.И. Козлову поставлен памятник.

Этот человек действительно многое сделал для развертывания партизанского движения, особенно по линии партийно-политического руководства этим движением. После войны он долгое время был председателем Верховного Совета БССР и заместителем председателя Верховного Совета СССР.

А тогда Василий Иванович очень страдал. Болела печень. Мучился и А. Бондарь, член обкома, будущий прокурор республики, находившийся в его группе. У него не заживала простреленная нога.

Был с ними Иосиф Бельский – впоследствии заместитель командира Минского соединения, тоже будущий Герой Советского Союза. После того как их предал один из оставшихся с ними в тылу и навел на них немцев с полицией, после понесенных потерь, гибели пограничника Петренко, командира отряда, в котором базировался обком партии, они вынуждены были скрываться в труднодоступном месте.

За ними Корж послал целую роту. Теперь можно откровенно сказать, что все они пребывали в довольно плачевном состоянии: переболевшие, оголодавшие, заросшие многодневной щетиной. Наши партизаны – кто втихую, а кто и откровенно – называли их

«апостолами» за длинные, как у священников, бороды. Потом помогали отмываться в банях, стригли, брили. Лечить Козлова и Бондаря пришлось мне.

В «отряде Комарова», как я уже говорил, с самого начала был свой «доктор». Им стал руководитель одной из пинских областных хозяйственных организаций Гусев, служивший в 1930-е годы санинструктором кавалерийского эскадрона в Красной Армии. У него в вещмешке был весь выделенный нам запас таблеток, бинтов, шприц, несколько ампул обезболивающих средств. Так сказать, госпиталь за плечами.

Первый раненый в отряде появился 5 сентября 1941 года. Это был Григорий Карасев. Ранение серьезное, сквозное, пуля прошла через грудь. К счастью, не задела сердце. Выхаживали раненого фактически в походах. Иногда удавалось раздобыть подводу, чаще несли на руках. Однажды Гусев решил упорядочить свою «походную аптеку». Я помог ему разобраться в записях на латыни. Разговорились.

– Откуда знаешь латынь? – спросил он.

– Два года учился в Гомельском медицинском техникуме.

– Тогда помогай лечить Карасева.

В октябре Гусев вместе с группой Положенцева засобирался за линию фронта. Корж не хотел его отпускать. Сразу отрезал:

– Ни «доктора» Гусева, ни Шаю Берковича, который имел дело с радиоприемником, не отдам.

Но Гусев буквально взмолился и привел веский аргумент:

– Василий Иванович, я всего лишь санинструктор, а Эдуард – почти доктор. Он мне не столько помогает, сколько учит, как лечить.

Одним словом, убедил Коржа. Тот позвал меня в свой командирский шалаш и спросил:

– Ты в самом деле учился в медицинском техникуме? Почему не закончил учебу?

Я ответил, что душа не лежала к этому делу. Корж сразу же и всыпал мне:

– Ах ты, паршивец, душа у него не лежала! Знаешь, как нужны были бы теперь твои знания. Принимай сумку с лекарствами, будешь доктором.

Я отчаянно возражал, доказывал, что в разведке принесу больше пользы. Тогда Корж принял не половинчатое, а, я бы сказал, «сдвоенное» решение: будешь разведчиком, но будешь и доктором. Так я им и стал. В помощь мне был выделен пулеметчик Лифантьев, тоже по совместительству.

За осень и зиму я вылечил больше десятка раненых партизан в своем отряде и отряде Розова. Принимал больных из местного

населения. Как только мы входили в деревню, появлялись желающие попасть «на прием к доктору». Из соседних деревень привозили больных на санях, на подводах. И я принимал. В белом халате, со стетоскопом, как положено.

Помогал, хотя теперь думаю, что помогало, возможно, не только мое лечение, но и самовнушение больного: ведь он побывал у доктора. Правда, я и таблетки выдавал, если были. А медикаменты нам из немецких гарнизонов приносили разные, какие удавалось достать.

Если при разгроме гарнизона обнаруживали аптеку, забирали все подряд. И только в феврале 1942 года в наш отряд пришел профессиональный фельдшер из деревни Долгое Федор Хролович. Тот самый, который потом убеждал всех в антиревматической пользе крапивных ожогов.

Пришлось тогда устроить небольшой спектакль – провести его по улице деревни под вооруженной охраной. Мол, партизаны забрали силой. Семья-то оставалась в селе. После прихода Федора я снова полностью вернулся в разведку, а Лифантьев – к пулеметному делу.

Осенью 1942 года появился у нас вырвавшийся из лагеря военнопленных военврач третьего ранга Николай Воронович. Сначала он ни за что не хотел расставаться с ручным пулеметом, но потом все же сдал его и организовал настоящую санитарную службу Пинского партизанского соединения. Затем пришли врачи Крук, Швец, Тарасов, Буханенко. Эти люди заслуживают того, чтобы о них написали книгу.

До этого же «доктором» был я. Вот почему тогда, вернувшись в лагерь после блужданий, связанных с полицейским гарнизоном в Махновичах, я написал записку: «Айболит ушел к летчику Громову». «Айболит» – это я. И той зимой Козлова и Бондаря лечил я. Козлову делал обезболивающие уколы. Притом не соглашался делать их каждый день. Во-первых, соответствующие ампулы были наперечет. Во-вторых, объяснял я Василию Ивановичу, к морфию организм привыкает.

Особенно тяжело приходилось Алексею Бондарю. Рана ноги, полученная у Красного Озера, не хотела заживать. А из лекарств у меня риванол, перекись водорода, йод. Как очистить рану от скопившегося гноя? К тому же в ней было множество мелких осколков. Но Бондарь терпел и меня подбадривал:

– Смелее, Эдуард, вытерплю.

И терпел, сжав зубы.

После встречи с Минским обкомом В.З. Корж не расставался с В.И. Козловым несколько дней. Они подолгу беседовали. Поделился Василий Захарович с Василием Ивановичем и своим

замыслом провести рейд по Любанскому, Старобинскому, Краснослободскому, Ленинскому районам.

Впоследствии мы захватили этим рейдом Слуцкий и Ганцевичский районы. Козлов сразу же поддержал идею и сам принял участие в рейде. Он обычно ехал с партизанами в середине колонны на санях. В действия Коржа, который командовал рейдом, а такое решение было принято на встрече командиров, не вмешивался.

Тот поход, начавшийся 20 февраля 1942 года, стал очень удачным. Один за другим мы громили полицейские участки и целые гарнизоны. 21 февраля налетели на гарнизон в Кузьмичах, разогнали волостную управу, а бургомистра казнили в назидание другим предателям.

Вот пометки в дневнике Коржа:

«6 марта 1942 года. Разгром долговской полиции. Убиты 11 полицаев, взято 25 винтовок.

7 марта 1942 года. Разгромлена Копацевичская волость, разогнана полиция, освобождены два арестованных.

9 марта 1942 года. Разогнали полицаев в деревне Величковичи. Стояли два дня, отдыхали люди и лошади. Отбили налет немцев, которые попытались выбить нас из деревни. Убили несколько гитлеровцев.

18 марта 1942 года. Разгром сковшинской полиции. Убиты два, остальные удрали. Взято семь винтовок».

Во время разгрома гарнизона в Долгом применили тот же метод с переодеванием, что и в ноябре 1941 года в Красном Озере. Два десятка партизан, нацепив повязки «шуцполицаев», на подводах двинулись к зданию школы, где квартировал гарнизон. Командир группы зычным голосом назвал пароль и приказал полицаям без оружия собраться в большом классе. Мол, «пан комендант» будет говорить о задачах по борьбе с партизанами.

Пока шли эти разговоры, я с товарищами захватил полицейское вооружение, стоявшее в «козлах». Те слишком поздно поняли, что их одурачили. Одиннадцать человек попытались оказать сопротивление и вырваться. Все они были уничтожены.

К сожалению, во время того рейда ушел от возмездия Логвин, начальник полиции в Величковичах. Местные жители рассказывали, что он не мог сесть завтракать, если не застрелит еврея или пленного красноармейца.

Но когда группа партизан окружила дом садиста, в нем обнаружили только семь или восемь голодных и оборванных детей. Логвин так берег свою жизнь, что бросил на произвол судьбы даже семью. Доложили Коржу и комиссару Бондаровцу. Те

приказали оставить детям продуктов и уходить. Вот такая история.

Громили гарнизоны и другие отряды. Очень важно и то, что активизировались и те небольшие партизанские группы, которые пережидали зиму. В первый день апреля мы разгромили гарнизон на железнодорожной станции Постолы, взяли станковый и ручной пулеметы, много винтовок и боезапас. Крепла вера в победу не только у нас, но и у населения.

Проведение митинга, собрания в каждой деревне стало правилом. «Разговор с народом» – эта пометка постоянно появляется в записях Василия Захаровича. Одно то, что из села в село, из района в район с боями двигались партизаны на нескольких сотнях санных подвод, производило неизгладимое впечатление на население.

Мы уходили, а за нами тянулась легенда, что партизан очень много, по фашистским тылам движется регулярная советская воинская часть, чуть ли не дивизия.

Наши операции все меньше становились похожи на короткие вылазки. Они наносили большой урон противнику. Корж держал связь со всеми отрядами, фактически координировал их деятельность. Он сам вошел в руководящую обкомовскую группу Козлова. Создавались новые отряды. Подтягивались окруженцы.

Раньше всех со своей группой подошел генерал-майор М.П. Константинов. В начале войны он командовал шестой кавалерийской дивизией. Был тяжело ранен. Оправившись от раны, ушел в лес с группой своих бойцов. Вскоре стал командиром отряда, затем возглавил всю военно-оперативную работу в Минском партизанском соединении.

С сентября 1942 года – опять на фронте, командовал кавалерийским корпусом, конно-механизированной группой, участвовал в Берлинской операции. Стал генерал-полковником и Героем Советского Союза. В апреле 1942 года В.З. Корж передал М.П. Константинову свои военно-координационные функции в Минском партизанском соединении.

Особенно хорошо видно изменение характера наших операций, когда листаешь дневник Коржа, относящийся к весне и лету 1942 года:

«9 мая 1942 года. Уничтожено два моста. Разгромлена волость в м. Погост.

18 мая 1942 года. Уничтожено два моста не реке Случь.

21 мая 1942 года. Сожжен мост на реке Морочь.

30 мая 1942 года. Заложены два заряда на железной дороге. Движение остановлено на сутки.

5 июня 1942 года. Группа во главе с комиссаром разбила

грузовик, следовавший из Слуцка. Уничтожено 11 немцев.

8 июня 1942 года. Произведено крушение воинского эшелона около Житковичей. Ручным способом развинтили рельсы. По сообщениям местного населения и разведки, убито и ранено более 200 немцев.

30 июня 1942 года. Расшит путь. Организовано крушение бронепоезда.

3 июля 1942 года. Расшит путь между Житковичами и Дедовкой, крушение поезда в 6 часов утра. Количество убитых и раненых неизвестно».

В большинстве этих операций участвовал и я. В том числе в подготовке диверсий против бронепоезда и военного эшелона. Этот бронепоезд и еще девять эшелонов, как принято теперь говорить, официально записаны и на мой партизанский счет. Чтобы уничтожить бронепоезд во фронтовых условиях, потребовались бы большая воинская часть, артиллерия, авиация.

Летом 1942 года мы снова действовали на Пинщине, куда ушли в апреле, чтобы уже здесь разжигать пламя партизанской борьбы. Но для этого была еще одна причина. Теперь о ней можно рассказать.

Между В.З. Коржом и В. И. Козловым произошла размолвка. В ее основе, на мой взгляд, лежал разный подход к руководству партизанским движением. В этой связи мне вспоминается шутка более поздних лет, которая ходила среди офицеров Советской Армии. Она отражала некоторое противоречие между командиром подразделения и политработником – его замполитом: «Командир говорит «делай, как я», а замполит – «делай, как я сказал».

Корж старался не только вырабатывать, принимать решения, но и возглавлять их выполнение, постоянно быть с личным составом, в нужный момент первым подниматься в атаку. При этом никогда не забывал о политической линии партии, о роли коммунистов и комсомольцев.

Козлов, будучи секретарем подпольного обкома, надо думать, больше полагался на сугубо политические методы руководства этим движением, на директивы и указания. Считал, что во главе всего должен стоять обком, а значит, он, В.И. Козлов.

Вот как Корж вспоминал о своем разногласии с Козловым в докладной записке штабу партизанского движения: «При встрече и разговоре я ему (В.И. Козлову. – *Э.Н.*) советовал, что тебе не находиться в отряде нельзя, и вы делаете большую глупость, что скрываетесь от отряда, т.е, по-вашему, законспирируетесь. Тебе надо стать комиссаром отряда и развивать дальше партизанские дела… Он моим советом пренебрег, посчитал, что он – большой

человек, и ему указывать и советовать нельзя, я это прочитал тогда у него на лице. Когда у нас было уже два отряда, расположенных недалеко друг от друга, и была теснейшая связь между нами, они делают вторую глупость – удаляются от отряда на 25 километров, забираются в болото около Князь-озера».

Так столкнулись два характера. Козлов хотел подчинить Коржа. А вместе с ним и его партизанский отряд, который уже стал серьезной боевой единицей. Но Корж, никогда и нигде не отсиживавшийся, не терявший присутствия духа, посмотрел на это все по-другому: «Я тебя спас, а теперь ты собрался мною командовать? »

От Козлова в Центр пошло сообщение о неподчинении Коржа обкому партии, о проявлении анархических, махновских замашек. Много лет спустя я посетил в больнице Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко, который в годы войны возглавлял Центральный штаб партизанского движения, и спросил:

– Почему к Коржу в Москве не всегда относились справедливо, не всегда вовремя давали оценку его мужеству и заслугам?

Пономаренко был крупной личностью, помимо прочего, отличался большой самокритичностью и беспощадностью оценок по отношению к самому себе. И на сей раз он ответил весьма откровенно:

– Ты бы почитал, что писали в наш штаб известные тебе товарищи. Выставляли Василия Захаровича эдаким батькой Махно. Когда Корж был в Москве в 1943 году, даже ставился вопрос о том, чтобы мы не разрешили ему вернуться назад в тыл, к своему соединению. На это мы не пошли, но моя вина, что поверил наветам в какой-то степени. Понадобилось время, чтобы рассмотреть, кто такой Корж на самом деле. Сожалею, что не сразу разобрался в этих личностных хитросплетениях.

Не исключено, что на отношение к Коржу в Центральном штабе партизанского движения повлияло и еще одно обстоятельство. Сразу после возвращения из Испании он был арестован и несколько месяцев провел в тюрьме. Слава Богу, потом выпустили, вернули ордена Красного Знамени и Красной Звезды, направили в санаторий, затем определили директором зерносовхоза в Краснодарском крае. А после освобождения западной Белоруссии Василий Захарович был направлен на работу в Пинск.

К сожалению, та размолвка двух партизанских руководителей омрачала их отношения и после войны. Доходило до того, что они не хотели признавать заслуг друг друга. В. И. Козлов был на вершине власти в республике, и В.З. Коржа конъюнктурщики

замалчивали, принижали. Особенно обострились противоречия между ними после выхода из печати в 1952 году книги В.И.Козлова «Люди особого склада».

В принципе, Василий Иванович описывал события сугубо в русле идеологических установок того времени: все что ни делалось, делалось под руководством партийных комитетов. Но Корж исходил из того, что партия – это не только райкомы, обкомы, ЦК, а в первую очередь коммунисты, умеющие решать сложные задачи в любых условиях. Он никогда не покушался на чужие заслуги, но и не терпел, когда кто-то «присваивал» сделанное им.

В.З. Корж написал письмо первому секретарю ЦК КПБ Н.С. Патоличеву, а также самому В.И. Козлову и задал Василию Ивановичу вопрос в лоб: «Неужели Вы думаете, что хуже высматривала бы правда о борьбе белорусских партизан с немецко-фашистскими захватчиками, в том числе Вы, если бы Вы описали ее правдиво?» Коржа задело, что Козлов в своей книге его упомянул лишь один раз и то вскользь: «Приход Коржа на Старобинщину имел большое значение».

И он задал Козлову вопрос: «Что ж это он у Вас (Корж. – *Э.Н.*) дальше попадает на задворки?..» Напомнил он в том письме, что несправедливо замалчивается в книге и роль генерала Константинова. И в своей манере говорить все начистоту сделал вывод: «Вы душевно обижаете не только меня, а Вы обижаете тех боевых партизан, членов партии, комсомольцев и беспартийных, которыми я руководил…»

Мы, партизаны, переживали, пытались как-то примирить их. В 1950 году, когда я работал помощником первого секретаря Пинского обкома Р.Н. Мачульского, мы не раз, притом откровенно, как это могут только партизаны, обсуждали проблему Козлов—Корж.

Я доказывал, что надо найти компромисс. В конце концов надо убедить их сделать следующее:

В.З. Коржу признать выдающуюся роль В.И. Козлова и возглавляемого им Минского подпольного обкома партии, который был создан в июле 1941 года, действовал всю войну и внес большой вклад в развитие партизанского движения.

В.И. Козлову признать за В.З Коржом его выдающуюся роль в партизанском движении, особенно в первые дни и месяцы войны, его личное мужество и героизм.

Зная о дружеских отношениях Мачульского и Козлова, я убеждал: «Перестаньте враждовать, не смешите людей, поберегите нервы». Кажется, мои молитвы дошли до Бога. В.И. Козлов в 1963 году сказал мне: «Ты был принципиальным во

время войны, и я рад, что ты и после войны остался таким же». Для меня это была высокая похвала.

А тогда, весной 1942 года, Корж забрал свой отряд и ушел на Пинщину. Правда, в этом случае получилось, как в известной поговорке, которая гласит, что не бывает худа без добра.

Осенью 42-го было организовано Пинское партизанское соединение. В него кроме нашего отряда вошли отряды имени Щорса, имени Кирова, имени Чапаева, имени Суворова, имени Лазо, «За Советскую Белоруссию», имени Шиша, а также отряды В.А. Васильева, А. И. Домбровского.

Уже на момент создания соединения в нем было почти 1900 партизан. Василий Захарович командовал соединением до самого возвращения Красной Армии в 1944 году.

Прошло совсем немного времени, и регион на стыке Минской, Пинской и Полесской областей стал внушительной партизанской зоной. Это была первая в Белоруссии партизанская зона зимой 1941–1942 года. Простиралась она на десятки тысяч квадратных километров. Партизанские соединения трех областей обеспечивали ее жизнедеятельность и боеспособность. Она также стала надежной базой для развития партизанского движения в южной, юго-западной и западной Белоруссии.

В этой партизанской зоне находили укрытие и помощь не только отряды белорусских партизан. Сюда из Украины приходили на отдых соединения Ковпака, Сабурова, Бегмы. В 1942–1943 годах забрасывали самолетами разведывательно-диверсионные отряды чекистов и военных разведчиков.

Без преувеличения скажу, что если бы не было такой зоны, спецотряды, бойцы которых не знакомы с местностью и не имели связей среди местного населения, просто не смогли бы действовать.

Никакие спецназы не могут того, на что способны так называемые «домашние партизаны», которые везде имеют свои глаза, уши и припрятанное оружие. Чтобы не быть голословным, сошлюсь на П.А. Судоплатова.

В книге «Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941» он написал: «В самом начале июля 1941 года был отдан приказ наркома обороны о выброске на парашютах несколькими эшелонами в тыл врага 204-й воздушно-десантной бригады в районе Любани, Волосовичей в Белоруссии для изоляции и уничтожения подвижных соединений противника.

Это свидетельствует о том, что уже в первые дни войны мы пытались путем диверсий нанести урон тылу немцев, в частности, уничтожить склады с горючим, инфраструктуру снабжения моторизованных группировок, чтобы облегчить положение нашим

войскам, находящимся в районе Бобруйска, где складывалась очень напряженная обстановка.

К сожалению, эти действия не увенчались успехом. Для нас это был наглядный урок, насколько необходимо при десантировании специальных групп в тыл противника подготовить условия, обеспечивающие их безопасность и боеспособность».

Потом все эти условия для специальных отрядов из-за линии фронта создавали мы, местные партизаны. Встречали их на своих партизанских аэродромах, расквартировывали, обеспечивали нужной информацией, местными разведчиками, проводниками, когда была необходимость, укрепляли своими бойцами. Через нашу партизанскую зону шли кадры, вооружение, боеприпасы для Брестского и даже Белостокского партизанских соединений.

Так, в марте 1943 года из Москвы прибыл секретарь Брестского подпольного обкома комсомола Федор Ромма с группой товарищей.

Приземлились они на Любанщине. К.Т. Мазуров и М.В. Зимянин поручили мне помочь товарищам добраться до цели. Более сотни километров прошли мы лесными тропами до штаба брестских партизан. Те встретили прибывших товарищей по-братски.

В конце апреля прибыл С.И.Сикорский с группой, которому предстояло возглавить Брестское партизанское соединение и Брестский подпольный обком партии. Я их вел с Любанщины до Хоростова. Сергей Иванович позднее признался, что поглядывал тогда на меня с опаской. Мальчишка, как он проведет по немецким тылам? Но я провел.

А с базы нашего Пинского соединения вместе с Брестским подпольным обкомом дальше на запад отправился и отряд под командованием П.В. Пронягина. Еще через некоторое время прибыл Белостокский подпольный обком комсомола во главе с Т.Н. Стрижаком. И опять мне поручили привести их с Любанщины на Пинщину.

Без нашей помощи прибывавшим из Москвы товарищам было бы куда труднее. И не только потому, что они остались бы без местных проводников и разведданных из гарнизонов. Очень важна была психологическая устойчивость, которую проявляли «домашние партизаны». Мы ее уже приобрели.

В 1992 году я разговорился с одним из ветеранов, который был заброшен в немецкий тыл в составе спецотряда, Иваном Бановым.

Он признался: «Когда летели в тыл, каждый думал, куда попадем, что будет с нами там, где вокруг враги. А когда

десантировались и встретились с Коржом и его партизанами, сразу успокоились.

Корж ходил неспешно, уверенной походкой. Так ходит хозяин по своей земле. Так же уверенно и деловито вели себя его партизаны. Да разве побегут такие?»

Когда прибывшие из-за линии фронта командиры спрашивали у Коржа, как удалось выжить в самое трудное время, он давал короткий, но исчерпывающий ответ: «Не боялись хлопцы немцев. И обстрелялись вовремя».

Что касается моей молодости, то я, честно говоря, и сам стеснялся своего мальчишеского вида. Помню, первой военной зимой остановились мы в деревне на ночлег.

Меня с другими бойцами разместили в доме одной сердобольной женщины. Она меня сразу стала опекать, как сына. Одежду заштопала, молочком все время угощала и приговаривала, что ее сын тоже на фронте, куда таким молодым воевать, им бы еще с мамкой дома сидеть.

А когда узнала, что нет уже у меня ни отца, ни матери, совсем расплакалась. Бойцы после этого на каждом шагу отпускали шуточки в мой адрес, напоминая о моей молодости в ущерб моему самолюбию. Но к весне 1943 года я уже стал вполне «стреляным воробьем».

Нам всю войну помогала сплоченность. Мы же тогда административных границ не соблюдали, не делили друг друга на пинчан, минчан, брестчан, ровенчан, волынян.

Кстати, тот факт, что в нашу зону приходили и украинские партизанские формирования, в своих целях пытались использовать гитлеровцы. В белорусских архивах до сих пор хранятся немецкие листовки, содержание которых направлено на то, чтобы посеять между нами вражду.

Обращаясь к белорусским партизанам, немцы говорили примерно следующее: «Они приходят к вам привести себя в порядок, отдохнуть, потом уходят. А когда мы начинаем свое наступление на вас, вы остаетесь в блокаде одни». Не подействовало. Нас не разделяли в борьбе с врагом никакие границы. В наших отрядах грузин не враждовал ни с осетином, ни с абхазцем, ни с армянином. Не было конфликтов на национальной почве, как теперь принято говорить. Мы чувствовали себя единым народом.

Я стараюсь не описывать больших боев. Книг, а также фильмов, полных стрельбы, атак, единоборств, создано много. Своей задачей я поставил раскрыть логику и пружины, благодаря которым искра, впервые вспыхнувшая у Рябого моста, разожгла пламя, поглотившее сотни тысяч оккупантов и их приспешников.

Но для одного боя сделаю исключение. Потому что это был уже не бой, а сражение, длившееся 42 дня. Я расскажу о нем для того, чтобы читатель мог представить возросшие возможности народных мстителей.

Это была оборона Днепровско-Бугского канала, которая одновременно стала битвой за обладание теперь уже немецкой речной военной флотилией, которая тоже базировалась в Пинске.

В связи с увеличением количества диверсий партизан на железных дорогах и растущими перебоями в железнодорожных перевозках немецкие оккупанты в 1942 году активно использовали водные пути – Днепр, Припять, Днепровско-Бугский канал, Буг, Вислу.

Днепровско-Бугский канал с начала навигации 1942 года стал играть большую роль в планах транспортировки грузов противника как с запада на восток, так и с востока на запад.

В 1943 году Центральный штаб партизанского движения выдал директиву командиру Пинского партизанского соединения В.З. Коржу вывести из строя Днепровско-Бугский канал.

Корж поручил выполнить эту задачу самой боеспособной партизанской бригаде имени Молотова. В это время в ней насчитывалось 10 отрядов, около 2800 бойцов. На ее счету были разгром крупных гарнизонов в райцентрах Ленино, Любешове, на железнодорожной станции Синкевичи, десятки боев, более 60 пущенных под откос воинских эшелонов.

Комбригом был Михаил Иванович Герасимов, старший сержант (в конце 1943 года – подполковник), талантливый командир, незаурядного личного мужества человек. Под стать ему и комиссар бригады, опытный партизан Федор Семенович Куньков.

Я у него был помощником по комсомолу, как тогда называли, «комсомольским комиссаром». Начальником штаба бригады был лейтенант, летчик Дмитрий Карпович Удовиков. В первый день войны он сбил фашистский самолет, а затем был сбит сам и раненный попал в плен. Однако ему удалось бежать. Дальнейшая его военная судьба связана с партизанами.

В августе 1943 года из бригады имени Молотова выделили Пинскую партизанскую бригаду. Комбригом назначили Ивана Григорьевича Шубитидзе, комиссаром – Архипа Зиновьевича Протасеню, начальником штаба – Георгия Аксентьевича Дороша.

За Днепровско-Бугским каналом образовалась партизанская зона длиной 70–80 и глубиной 50–60 километров. Здесь партизаны были хозяевами положения. В селах действовали сельсоветы.

Влияние партизан распространялось далеко за пределы этой

«партизанской республики». В некоторых деревнях за Днепробугом, как мы его называли, над зданием сельсовета привычным был красный флаг. Одной них деревень была деревня Колено в нынешнем Ивановском районе.

За три года фашистской оккупации гитлеровцы побывали здесь только раз во время жестокой блокады и последующей карательной экспедиции. Но дальше этой деревни они двинуться не смогли. У местных жителей до сих пор в ходу поговорка, связанная с теми событиями.

Дело в том, что недалеко от Колена располагалась небольшая деревня Волосани, а еще немного дальше – деревня Цыцки. Почему они были так названы, неизвестно. Но последних двух деревень немцы так и не достигли. Вот и шутят местные сельчане, что оккупанты за всю войну «добрались только до Колена».

Выполняя директиву командования, летом и осенью 1943 года партизанские отряды имени С. Лазо, Н. Шиша, А. Суворова, М. Калинина, Т. Костюшко разрушили важнейшие шлюзы на канале возле деревень Дубое, Овзичи, Ляховичи, Переруб, Радогощь.

К январю 1944 года были выведены из строя десять шлюзов, большинство из двенадцати плотин и водоспусков, а также канал, подпитывавший Днепробуг из Белого озера в его западной части.

Было уничтожено 110 километров линий связи, без которой тоже невозможна навигация. Водная артерия длиной 196 километров перестала быть судоходной. Кроме того, партизаны спилили вековые деревья и перекрыли ими канал.

Летом и особенно осенью 1943 года оккупанты несколько раз пытались захватить деревни вдоль канала. Особенно жаркие бои шли у деревень Одрижин, Перекрестье, Конницы, Мохро, Кублик, Белин, Заречка, Ляховичи. Партизаны дрались мужественно. Большой смелостью и удалью отличался командир отряда, бывший моряк Иван Григорьевич Конотопов.

Оккупанты бросили против партизан 23-ю пехотную и 8-ю мадьярскую дивизии, полицейские подразделения. И в ноябре—декабре 1943 года начались непрерывные бои за канал.

Партизаны отбивали атаки по фронту длиной 60 километров. На своих позициях они построили долговременную линию обороны, не только вырыли окопы и траншеи, но и оборудовали дзоты.

Осенью 1943 года 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты стремительно продвигались на Запад. Ближе других к партизанской зоне была 47-я армия, входившая в состав 1-го Украинского, а затем 1-го Белорусского фронта. Пинские партизанские бригады прикрывали войска армии с севера, со

стороны канала.

Оккупанты, в свою очередь, стремились во что бы то ни стало разгромить партизан в зоне Днепробуга. Командующий немецкой группировкой генерал-фельдмаршал Эрнст Буш приказал отбросить нас от канала и восстановить шлюзы.

И вот 21 февраля 1944 года началось наступление по фронту более 60 километров. На левом фланге оборону держала Пинская бригада, на правом – партизаны южной зоны Брестского соединения. В центре находилась бригада имени Молотова.

Трое суток не стихал бой. Противник был отбит, понеся большие потери. Трудно выделить наиболее храбро сражавшихся партизан.

На участке Ляховичи – Заречка была атакована рота Георгия Давидюка из отряда имени Н. Шиша. Командир взвода Борис Шеляков, стреляя из крупнокалиберного авиационного пулемета, сдерживал наступавших мадьяр. Леонид Ипполитов, Петр Хвесюк, Андрей Угляница, Василий Бондарук, Николай Лавренюк, Степан Козловский, Григорий и Алексей Бруханы отбивали вторую атаку.

В третью атаку противник двинул танковый взвод. Георгий Давидюк приказал приготовить связки гранат. Один танк был подбит.

На правом фланге роты бой вел взвод Ивана Лучко. Из «максима» врага поливали огнем Василий Ипатов и Василий Петряков. Искусно действовал пулеметчик Степан Козловский. Вражеская пуля оборвала его жизнь. Командир взвода Иван Лучко, подхватив пулемет, продолжал бой. Дважды раненный Иван скончался на руках партизанки Любы Литвинчук, которая тоже стреляла из десятизарядной винтовки.

Командира взвода заменил Василий Дерябин. Храбро дрались автоматчики Кобзева. Неутомимым был Ной Яшвили. Подняв в контратаку партизан, он был ранен в ногу. Отдельные участки канала несколько раз переходили из рук в руки.

Бесстрашно действовали партизанки Валентина Агапова, Ольга Тимашук, Тайса Борзова, Мария Колесникова, Юля Кокшина, Софья Смирнова. Они вывели из боя 20 раненых партизан, вынесли 9 убитых.

Правее роты Давидюка действовал отряд имени Петра Паталаха. Дзот, в котором находился командир отряда Савелий Степанович Соломко, вел напряженный бой, не давая противнику прорваться к каналу. Тогда мадьяры подтянули пушку и прямой наводкой разбили дзот.

Погибли Савелий Соломко, пулеметчик Николай Шаштаев, контузило Федора Каримова. Ранило командира роты Георгия Давидюка. Доктор Моник Авиковский оперировал его в землянке

без наркоза: «Стакан спирта внутрь и крепко стисни зубы…»

Терпел командир. После операции он продолжал руководить боем. Кстати, прочитайте еще раз названные мною фамилии, и сами поймете, насколько интернациональными были партизанские ряды.

На правом фланге, на участке Кужеличин—Пинск, сражалась Пинская бригада. Против отрядов имени Орджоникидзе и имени Костюшко противник бросил три полка пехоты и артиллерию. Силы были неравными.

Партизаны вначале отступили, а затем отбросили фашистов за канал и восстановили позиции.

Тяжелые бои вели отряды имени Немытова и имени Чапаева у деревни Конницы. Отряд имени Сталина под командованием Ивана Конотопова сражался у деревни Житновичи. Противник наносил удары с помощью артиллерии и авиации. Пинская бригада вынуждена была с боями отступить к линии фронта на юго-восток. Правый фланг оголился.

Комбриг Герасимов и комиссар Куньков в этих условиях приняли решение наносить внезапные удары по тылам, постоянно изматывать противника.

Полсотни партизан отряда имени Н. Шиша под командованием Сергея Иванова ночью проникли в гарнизон деревни Карповичи и внезапно атаковали врага. Два взвода отряда имени Лазо напали на обоз противника у деревни Рагодощь.

В один из дней бойцы отряда имени Суворова у деревни Одрижин во время передышки между боями устроили «концерт» на южной стороне канала. Партизан Халин и двое его друзей укрылись в яме и под баян затянули «Катюшу», «Ревела буря», «В чистом поле под ракитой».

Перестрелка прекратилась. С северной стороны канала, наверное, власовец крикнул: «Что, перед смертью поете?» Халин ответил: «Да, только перед вашей».

Фашисты открыли ураганный огонь. А в это время, замаскировавшиеся партизаны ударили из противотанковой пушки и пулеметов. Подбили танк, убитых и раненых гитлеровцев не считали. 6 марта в районе деревень Баландичи и Одрижин после артподготовки противник бросил в бой конницу. Целый день длился бой, но партизаны устояли.

Весь март шли бои на Днепровско-Бугском канале. Немецкое командование вынуждено было бросить против нас свежие силы. 21–23 марта фашисты выгрузили из эшелонов в Снитово, Иваново, Нагорье 113-ю дивизию СС и 57-й кавалерийский полк власовцев.

Комбриг Герасимов подтянул к каналу последние резервы, и 26 марта бои приняли особо ожесточенный характер. Против отрядов имени Лазо и имени Шиша в районе деревень Глинное и Смольники гитлеровцы применили артиллерию. Партизаны отвечали из трофейных пушек и батальонных минометов. Выручали заранее подготовленные оборонительные сооружения. Дрались остервенело.

На тридцать седьмой день обороны противник обрушил на нас самый сильный удар, пытаясь прорваться через Днепровско-Бугский канал и окружить партизан. Оборона сузилась до 40 километров. Надо было отступать. Комбриг отдал приказ отходить на вторую линию обороны.

Около семи часов партизаны удерживали переправу на канале. Дзот немцы расстреляли прямой наводкой. Командир взвода Владимир Делун, раненный, выполз из дзота и, когда приблизились фашисты, взорвал себя гранатой, похоронив вместе с собой и несколько гитлеровцев.

Ценой жизни Владимира Делуна, Александра Москаленко, Антона Романюка, Андрея Горегляда, Ивана Шило, Семена Гучаева, Александра Радостова, Фатын Нурдиева наши отряды отошли к линии фронта.

Я подробно описал это сражение, чтобы показать, что партизанам приходилось быть готовыми к тому, чтобы вести разные бои. Были засады, дерзкие налеты с переодеванием и прочими хитростями.

Но были и бои фронтового типа, когда нужно было закопаться в землю и сказать себе: «Здесь твой последний рубеж, ни шагу назад». У нас получалось все.

31 марта 1944 года обе партизанские бригады были выведены в расположение наших войск. Вместе с ними было выведено 15 тысяч местных жителей. Командование 47-й армии определило участок обороны фронта, и партизаны бились вместе с регулярными частями. В тылу врага продолжали сражаться бригады Васильева, Антоновича, Савицкого, Ширина.

На север от Днепровско-Бугского канала осталось 70 человек – разведчики, члены подпольных Дрогичинского, Ивановского, Жабчицкого, Пинского райкомов комсомола. Штаб Пинского соединения подчинил их мне, и свой последний партизанский бой мы дали 16 июля 1944 года у деревни Поречье. Это совсем близко от того места, где мы вели первый бой у Рябого моста через речку Ясельда в 1941 году.

Партизаны перерезали дорогу Пинск—Мотоль – Брест. Взяли в плен около 300 вражеских солдат, две артиллерийские батареи, обоз с боеприпасами и воинским имуществом. А главное, не дали

сжечь села Поречье, Тобулки, Мерчицы, Молодово, Мотоль. За этот бой командир армейского полка обещал представить партизан к орденам Славы, но, наверное, запамятовал.

Главным итогом боев на линии Днепровско-Бугского канала стало то, что в Пинске было заперто, а потом захвачено Красной Армией 185 судов немецкой речной флотилии, собранных ими со всего бассейна Днепра и Припяти. Лишь единицы из них (небольшие по габаритам) гитлеровцам удалось погрузить на железнодорожные платформы и переправить в бассейн Вислы.

Впоследствии те суда дрались с нашими наступающими частями, курсируя по Шпрее и берлинским каналам. Но только единицы. Остальные стали добычей наступавшей Красной Армии еще во время освобождения Пинска.

За освобождение Пинска сотни бойцов и офицеров были удостоены государственных наград, а 163 человека, в том числе десять моряков Днепровской флотилии, получили звание Героев Советского Союза.

Партизанского комбрига Михаила Герасимова тоже представляли к званию Героя Советского Союза, но бдительные штабисты не пропустили представление, потому что его отец, крестьянин из Новгородчины, был репрессирован в 30-е годы.

В 1965 году, в канун 20-й годовщины Победы, молодежь Дрогичинского района Брестский области своими силами построила памятник на месте тех героических боев. А в моей памяти навсегда останутся названия белорусских деревень и хуторов, урочищ, речек, бродов, болот и лесов.

Без них невозможно представить себя самого, как москвичу нельзя представить себя без таких понятий, как Ордынка, Варварка, Останкино, Остоженка… Там мои девятнадцать лет. И двадцать. И двадцать один. И не только. В тех краях после войны я работал еще полтора десятка лет.

В Пинском соединении в 1944 году было семь бригад: имени Буденного, имени Молотова, Пинская, имени Ленина, имени Кирова, имени Куйбышева, «Советская Белоруссия» и отдельные партизанские отряды. В них насчитывалось восемь с половиной тысяч бойцов. И еще пятнадцать тысяч человек партизанского резерва. Было бы оружие – их тоже можно было бы поставить в наши ряды.

За три года (1119 дней в тылу врага) партизаны Пинщины уничтожили 26 616 фашистов и их приспешников, разгромили более 60 крупных гитлеровских и полицейских гарнизонов, пять железнодорожных станций и десять находившихся на них эшелонов с боевой техникой и боеприпасами.

Кроме того, они пустили под откос 468 эшелонов с живой

силой и техникой врага, обстреляли 219 воинских эшелонов и взорвали 23 116 железнодорожных рельсов. В результате диверсий было уничтожено 695 паровозов, 4587 вагонов и платформ, 65 цистерн, 770 автомобилей, 86 танков и бронемашин, 29 орудий, 519 километров линий связи, 62 железнодорожных моста, два железнодорожных депо, 985 мостов на шоссейных и грунтовых дорогах.

Если взглянуть на все это другими глазами, то сколько понадобилось бы фронтовых сил, чтобы получить такой результат, – самолетов, орудий, танков, «катюш», снарядов, патронов, человеческих жизней.

ХЛЕБ – ИМЯ ОБЪЕДИНЯЮЩЕЕ

Говоря о хлебе, т.е. о продовольственном обеспечении партизан, не могу не вернуться к началу войны. Хлеб – всему голова во всех обстоятельствах. Почему в первые месяцы страдали партизаны желудками? Потому что не хватало хлеба.

Питались в основном дичью, а также грибами, ягодами. Писал об этом Василий Захарович Корж в своем дневнике. И с горечью добавлял: «Были бы продукты – было бы на семьдесят процентов больше боевой работы».

Партизану, как я уже говорил, не выдаст старшина ни новых сапог, ни гимнастерки, не приедет походная кухня с горячей едой. Не подвезут боеприпасы. Обо всем необходимом, в первую очередь о «хлебе насущном», приходилось заботиться самим. На разных этапах войны по-разному.

Начальный период – 1941 год – это, в основном, добровольная помощь сельского населения. Крестьяне – наши бескорыстные кормильцы. Дали тебе краюху хлеба, покормили – скажи спасибо. У Коржа было железное правило:

– Никогда не обижай мужика. Не бери ничего силой. Обидишь человека, он тебе обиду не забудет, достанет на земле и под землей. Мы воюем за народ. Ради него идем на смерть. Мы защитники народа.

В первые недели и месяцы партизаны платили деньгами (пока были) или писали расписки: «У гражданина Добролета для нужд Красной Армии забрали кабанчика. Оплате подлежит после войны».

Был такой случай. В пятидесятые годы пришла крестьянка в Дрогичинский райисполком с такой распиской и говорит: «В войну забрали поросенка, обещали заплатить. Не даете денег – хоть медальку какую-нибудь дайте».

Когда в 1945, 1946 годах гнали скот из Германии, то какую-то часть отдали крестьянам сожженных деревень на Полесье, чтобы компенсировать потери военных лет. В связи с этим на белорусское руководство пожаловались Сталину. Тот спросил у секретаря ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко:

– Было такое?

– Было, товарищ Сталин. Отдали скот крестьянам.

– Ну и правильно сделали. Но самозахвата больше не допускайте.

Конечно, крестьяне помогали нам, кормили. Но одно дело накормить 30 – 40 человек, а другое дело – сотни, тысячи.

Зимой 1941 – 1942 годов мы обеспечивали себя зерном и

мясом за счет запасов в колхозах и совхозах. Немецкая оккупационная администрация запрещала их распускать. Так ей было легче централизованно забирать хлеб, накопленный в амбарах, а также скот на общественных фермах.

Командир отряда Василий Корж и комиссар Никита Бондаровец зимой 1941 – 1942 годов постоянно посылали группы партизан в отдаленные села. Те забирали несколько десятков мешков зерна, десяток голов скота, и отряд был обеспечен хлебом и мясом. Остальное продовольствие и скот раздавали колхозникам.

В 1941–1943 годах немцы создавали сельхозимения для «новых помещиков». Здесь уж партизаны не стеснялись. Экспроприации подлежали скот, лошади, седла, зерно, соль и прочее.

Хорошим подспорьем были спиртозаводы, куда свозились зерно, картофель, скот для откорма. Оккупанты организовали там вооруженную охрану. Это было на руку партизанам. Охрану разоружали – оружие и патроны были у нас в дефиците, скот, находившийся на откорме, угоняли в партизанскую зону. Часть предназначалась для партизанского котла, а что-то отдавали вдовам, семьям фронтовиков. Не лишними были и бочки спирта. Что-то шло медикам. Иногда выдавали и нам «для сугреву». Но пьянство в отрядах пресекалось.

Если захватывали вражеский гарнизон в райцентре (города и городские поселки Любешов, Красная Слобода, Старобин, Ленин), то обязательно старались забрать со складов продовольствие (зерно, сало, масло), подготовленное для вывоза в Германию.

В ноябре 1942 года партизаны отряда имени Кирова, действовавшего в Ивановском районе, захватили поезд. Он двигался со стороны Волыни по узкоколейной дороге, которая вела к железнодорожной трассе Брест – Гомель. Операция проходила у границы нынешней Украины и Беларуси, между Любешовом (ныне райцентр в Волынской области) и Камень-Каширским.

Руководил операцией Александр Иванович Самуйлик, который до войны работал председателем сельсовета в деревне Мохро Ивановского района – на самой границе с Украиной.

Налет на поезд, кстати, приурочили к 25-й годовщине Октябрьской революции. Был у нас обычай отмечать революционные праздники громкими делами. Поэтому загодя изготовили красный флаг и два транспаранта антифашистского содержания.

Действовали партизаны очень дерзко, среди бела дня. На подобную наглость, похоже, не рассчитывали ни фашисты, ни

полицаи. На маленькой станции Сваротное (это еще Украина) навстречу поезду вышел партизан с красным флажком. Увидев понятный ему сигнал, машинист остановил состав. Из вагонов выскочила охрана, по которой был открыт шквальный огонь.

Партизаны укрепили на паровозе красный флаг и транспаранты, повредили на станции связь и двинулись по ветке, ведущей в сторону белорусского райцентра Иваново. Из пулеметов расстреливали охранные посты на полустанках. Около сел тормозили и раздавали мешки с зерном, ящики с маслом и мясом. Не забыли, конечно, и об отрядных нуждах. Затем разогнали поезд и сбросили его со взорванного моста в Днепровско-Бугский канал.

В партизанских зонах действовали партизанские комендатуры. Без их разрешения никто не имел права заготавливать в селе продукты. Мера была вынужденная, но необходимая. Отрядов стало много. Один приходит – забирает, другой за ним идет – тоже забирает.

Особенно трудно было бороться с самовластием рейдовых отрядов: пришел, забрал и ушел. А все обиды крестьян доставались местным партизанам. Корж с этим боролся как мог. Для него было важно сохранить добрые отношения с населением. В Ленинском, Ивановском, Лунинецком районах действовали сельсоветы. Это была народная власть.

Никакого самоуправства Василий Захарович не допускал. Проявления такого рода пресекались самым жестким образом. В 1942 году он расстрелял перед строем старшего лейтенанта за то, что тот разорил ульи на пасеке у крестьянина в деревне Гречановичи.

Мы тогда возвращались из Телеханского района к месту своей постоянной дислокации у Хоростова. Шли по местам, где гитлеровцы провели карательную операцию. Все деревни были сожжены. Питаться нечем, люди измотаны.

А на хуторе у деревни Гречановичи на дубах были привязаны колоды-ульи. Вот один из партизан и взобрался на дерево, разорил улей, чтобы забрать мед. Хозяин хутора подошел к Коржу и сказал:

– Что же это делается! Немцы жгли и грабили, а теперь вы грабите?

Корж построил отряд и спросил крестьянина:

– Можешь опознать того, кто это сделал?

Тот через некоторое время указал:

– Этот!

Тогда Корж скомандовал:

– Три шага вперед. Ты мой приказ знаешь: ничего

самовольно у жителей не брать. Ты погубил не пчел, а доверие к нам, партизанам. Именем советской власти приказываю расстрелять за мародерство.

Жаль было старшего лейтенанта. Но таким был суровый закон той войны.

В правильности своего решения, продиктованного высокими политическими и моральными соображениями, Корж не сомневался ни на секунду. Потом он написал в своем отчете БШПД: «…В нашем отряде было самое правильное взаимодействие с населением, а это одна из основ для дальнейшего развития партизанского движения. И кто из руководителей – малых и больших – этого не знает, тот успеха в работе партизанского движения иметь не будет».

Знаю, что жесткие решения по отношению к мародерам принимались во всех отрядах, бригадах и соединениях. Из архивных данных теперь известно, что, например, в Барановичском соединении за мародерство было расстреляно восемь человек.

Передо мной копии отчетов о действиях нашей бригады имени Молотова, написанные осенью 1943 года. Они подписаны командиром бригады М. Герасимовым и комиссаром Ф.Куньковым. Там сказано, что в Ивановском районе в деревне Одрижин один из партизан отряда имени Лазо, будучи в нетрезвом состоянии, застрелил девушку. По решению партизанского суда он был расстрелян на виду у местных жителей.

Беседы на эту тему были проведены во всех без исключения отрядах соединения. Боец отряда имени Кутузова взял у местного крестьянина несколько вещей. За это он был разоружен и переведен в хозяйственный взвод. Вещи крестьянину возвращены.

В том же отчете командира и комиссара бригады имени Молотова содержится еще один очень важный вывод: в результате усилившейся политической работы снизились нарушения дисциплины среди бойцов, а главное – численно увеличились все партизанские отряды за счет притока новых людей из местных жителей.

Доверие к народным мстителям возрастало. А потому «по решению Ивановского РК КП(б)Б от 30 июля 1943 года и штаба бригады было проведено разукрупнение отрядов. Из отряда имени Суворова выделен отряд имени Орджоникидзе, из отряда имени Лазо – отряд имени Сталина, из отряда имени Шиша – отряд имени Калинина. Организован новый партизанский отряд имени Немытова, 1 августа организован новый польский отряд имени Костюшко».

А вот еще важная фраза из отчета: «…73 деревни полностью освоены партизанами. Во многих выбраны представители советской власти. Скоро будет год, как немцы на этой территории не были ни разу». Речь идет о деревнях Ивановского, Дрогичинского районов Белоруссии и Любешовского района Украины, на стыке которых действовали бригада и ее отряды.

На войне бывало всякое, но мы не руководствовались правилом «война все спишет». Однако не следует забывать о том, что в лесах действовало немало групп «под видом партизан». Их создавали немцы и украинские националисты, чтобы создать о нас отрицательное впечатление.

Наткнувшись на одну из таких групп, 30 декабря 1942 года погиб секретарь Пинского подпольного обкома комсомола Шая Беркович, которого мы очень уважали, а между собой звали по-русски Сашей. Тогда же поплатился жизнью и депутат Верховного Совета БССР В. Немытов.

Распознать лжепартизан в самом деле было непросто: идут навстречу люди в красноармейской форме, с красными звездочками и красными лентами на шапках, поют «Катюшу». Потому и потеряли бдительность наши ребята.

Настоящие партизаны строили свои отношения с населением на принципах взаимопонимания и взаимопомощи. Вот выписки из отчета Пинского подпольного обкома партии о работе с 1 июня по 1 сентября 1943 года. Привожу дословно:

«Партизанские отряды оказывают помощь пострадавшим крестьянам. Например, бригада имени Кирова выдала крестьянам 26 коров, 125 пудов хлеба, 9 пудов соли. Во всех отрядах построены конные мельницы, которыми пользуется население. Отряд имени Чкалова бригады «Советская Белоруссия» отстроил и пустил в ход паровую мельницу для окрестных деревень. Во время уборки урожая партизанские отряды выделяли группы вооруженных бойцов для помощи крестьянам и охраны».

Хочу подчеркнуть, что эта помощь была хорошо спланирована и контролировалась партийными комитетами и командованием отрядов, бригад. Весной 1943 года партизаны получили радиограмму из БШПД. ЦК партии ставил необычную задачу: помочь крестьянам провести весенний сев. Помогали в первую очередь безлошадным, вдовам, семьям фронтовиков и партизан.

Вот сводка «о весенне-посевной кампании отряда имени Димитрова» на 28 мая 1944 года. Засеяно 40,6 гектара. На счету отряда имени Кирова на 25 мая – 2 гектара картофеля, 2,3 – овса, 2,5 – ячменя, 6,6 – картофеля, 3,9 – гречихи, 1,2 гектара проса.

В сводке отряда имени Гастелло перечисляются даже посевы

овощных культур: моркови, свеклы, огурцов, тыквы. Цифры названы конкретные и, смею заверить читателя, точные. Сводки, которые направлялись в подпольные райкомы, подписывали командиры и комиссары отрядов. В ответ «крестьяне жгли мосты, рвали связь, водили группы подрывников, осуществляли 30 процентов разведки».

Вот выписка из отчета А.Е. Клещева:

«Немцы писали, что партизаны живут, как первобытные люди. Но в тылу противника партизаны сумели построить рациональный быт. В каждом отряде была баня, и один раз в десять дней каждый боец в ней мылся и менял белье.

В отрядах были парикмахерские, сапожные и портняжные мастерские, мельницы, кузницы, молотилки, кожевенные мастерские, мастерские для выделки валенок, которые обслуживали и партизан, и население.

В бригаде имени Кирова было организовано колбасное производство, где вырабатывалось несколько тонн сухой колбасы в месяц, которая выдавалась бойцам для далеких походов».

Почти каждая партизанская бригада имела мельницу. В отрядах в 1942 году появились сапожники, портные. Женщины вязали теплые носки, варежки. Без этой помощи людской партизанам было бы сложно выжить.

Выживали все вместе. Надо было не только кормить бойцов партизанских отрядов, но и помогать семейным лагерям. А что такое семейный лагерь? Это старики, женщины, дети, которые укрывались в глухих лесах и болотах от угона в Германию или от истребления. Они были под охраной партизан.

Для некоторых отрядов охрана таких лагерей была главной боевой задачей. Например, в Барановичском партизанском соединении, в Новогрудском и Ивенецком было два еврейских партизанских отряда. Ими командовали Анатолий Давидович Бельский и Семен Натанович Зорин.

Личный состав этих отрядов – 360 вооруженных бойцов-евреев – обеспечивал безопасность еврейских семейных лагерей, в которых спаслись от гитлеровского геноцида полторы тысячи женщин, детей, стариков. Был еврейский партизанский отряд имени Кагановича и в бригаде имени Куйбышева нашего соединения.

В бригаде имени Молотова был польский партизанский отряд имени Костюшко. Второй польский отряд, сформированный в Пинской партизанской бригаде, был направлен в Польшу и там продолжал борьбу.

Как правило, отряды формировались не по национальному признаку. Они были многонациональными. Для назначения

командиром, комиссаром, начальником штаба важны были не национальность, а деловые и волевые качества. Национальностью мы не всегда интересовались. Мы советские, и этого было достаточно.

Хочу обратить внимание еще на один момент. Ни в боевых отрядах, ни в семейных лагерях во время войны не возникало эпидемий. Кирилл Трофимович Мазуров в своих воспоминаниях отмечал, что инфекционные заболевания в партизанских формированиях были редкостью.

Многих настигали простуда, авитаминоз, который вызывал так называемую «куриную слепоту», чего не избежал и Мазуров, некоторых донимала язва желудка. Но тиф не был подпущен к нашим стоянкам.

А вот в деревнях, где немецкие власти ликвидировали всякую медпомощь, люди нередко болели тифом поголовно. К их спасению подключались медицинские службы партизанских бригад и отрядов.

Одевались партизаны пестро. Кому-то удавалось раздобыть советскую военную форму, кто-то приспосабливал немецкую, кто-то обходился своей крестьянской, домашней одеждой. Зимой были популярны полушубки – кожухи.

Особым шиком считались комсоставовские кожанки с ремнями крест-накрест. На головах – ушанки, кубанки, военные фуражки, кепки, буденовки, танкистские шлемы, даже шляпы. Если позволял головной убор – красная лента наискосок. На ногах – советские, немецкие сапоги, «разнокалиберные» ботинки, другая обувка, сработанная местными мастерами.

Больше всего ценилась советская военная форма, особенно у молодежи. В январе 1942 года, находясь в Стародорожском районе, мы узнали, что с довоенных армейских складов после отступления Красной Армии многое взяли местные жители. И правильно сделали, не оставлять же немцам. Особенно нахватались всякого добра здешние полицаи.

Вот и решили мы, что у полицаев взятое ими надо отобрать, а свои люди сами поделятся. Сделали рейды по ряду деревень: Бояничи, Кривоносы, Рухов, Пасека. Полицаев разоружали и отпускали, никого не расстреливали. Но казенную красноармейскую одежду и обувь изымали. Изъяли также лошадей, которых, кстати, оставила отступавшая красноармейская часть, полдюжины свиней, несколько десятков мешков с зерном. Остальное раздали крестьянам.

Вернулись с обозом. Вот тогда хлопцы надели новое солдатское белье, шинели, шапки-ушанки со звездочками. Войско стало другим. И не только по внешнему виду. Внутренне все

подтянулись. Военная форма обязывает, выправку придает.

Вызывает как-то Никита Бондаровец совсем молоденького партизана, только что надевшего настоящую шинель. Тот так отрапортовал, что удивился комиссар: «Смотри ты, настоящий солдат! А ведь раньше за ним не замечалось такого». А уж если кому из нас удавалось раздобыть командирскую фуражку да хромовые сапоги – предела форсу не было.

Два лейтенанта из кавалеристов, попавшие в окружение, Петька Казак и Петька Столица, – настоящих фамилий я не помню – даже шашки раздобыли, седла нашли. Лихачами в бою были отчаянными. Дьяволы на конях.

Командиры во всех случаях добивались, чтобы партизаны поддерживали чистоту, имели опрятный, подтянутый вид. Это работало и на дисциплину, и на здоровье бойцов. Да и санитарная служба соединения действовала исправно.

Меня при случае не надо было упрашивать, чтобы применил свои медицинские познания на деле. Последний раз это произошло в июле 1944 года перед самым освобождением в деревне Поречье Пинского района, которая раскинулась вдоль реки Ясельда.

На исходе дня в небе над деревней завязался воздушный бой. Немецкие истребители атаковали эскадрилью советских бомбардировщиков. Один из самолетов вспыхнул и факелом понесся к земле. Но члены экипажа успели выпрыгнуть с парашютами.

Одного из них мы нашли сразу, опередив немцев, которые тоже стремились к месту приземления летчика. Но им достался только кусок парашюта. Остальное забрал партизан Петька-тракторист, рассудив, что парашютный шелк пойдет и на бинты, и на пошив белья.

Летчик был почти в бессознательном состоянии из-за ожогов, но сказал, что надо искать остальных. Вскоре мы наткнулись еще на один парашют. Под ним лежал сильно обгоревший командир эскадрильи майор Михаил Бельчиков. Особенно пострадали голова, лицо. Вот его-то мне и пришлось лечить. Я тщательно промыл ожоги, раздобыл на хуторе несоленого гусиного сала, смазал их. Потом мы переправили летчиков в лазарет партизанского отряда имени Макаревича, а оттуда они попали в стационарные лечебные учреждения Красной Армии.

Я до сих пор храню письмо, которое написал мне майор Бельчиков 13 ноября 1948 года из Винницы, где он тогда продолжал службу. Вот что он написал мне в Пинск:

«Дорогой Эдик, ты, вероятно, забыл меня, да и вполне понятно, встреча была короткой, а с тех пор прошло более

четырех лет. Но мне ясно помнится ночь на 9 июля 1944 года, встреча с вашей группой партизан, проведенный в лесу день, твоя первая медицинская помощь, гусиное сало, перевязки. Мучителен был для меня путь до лагеря. Чувствовал себя очень плохо.

До сих пор вспоминаю и благодарю за такую смелую заботу. А ведь получилось лучше лучшего… Ноги и руки зажили, а вот глаза долго не видели. Глаза лечил в Москве. С твоей легкой руки все пошло хорошо, хожу – не хромаю, правым глазом вижу отлично, левый глаз видит мало – 35 процентов. Лицо зажило, девушки говорят, что вечером я даже красивый хлопец. По зрению от летной работы отстранили, работаю в штабе.

Миша Диденко, мой радист, вероятно, помнишь, у него были сильные ожоги рук, выздоровел, отслужил свой срок и демобилизовался. Власов, воздушный стрелок, также закончил службу и демобилизовался…».

Потом были еще письма от майора Бельчикова. Он вспоминал и благодарил тех сельских девушек, которые прямо в лес принесли для пострадавших летчиков подушки и одеяла, благодарил нас, через озеро доставивших его с товарищами в партизанский госпиталь. Очень переживал, что из-за ожогов и временной потери зрения не видел наших лиц.

В письме, которое он прислал мне в феврале 1949 года, есть такая фраза: «Ужасно плохо, что я не мог видеть тебя. Пускай бы в 4 – 5 раз больше обгорело тело, но глаза оставались».

Мне эти письма очень дороги.

МЫ БЫЛИ С НАРОДОМ, ПОТОМУ У НАС ВСЕ ПОЛУЧАЛОСЬ

Уверен, именно потому, что мы правильно построили свои отношения с местным населением, наша борьба стала всенародной. А в том, что она была всенародной, я не сомневаюсь ни на минуту. Уже в 1942-м, а особенно в 1943–1944 годах мы знали, что у нас есть надежный тыл. И этим тылом были не только жители территорий, контролируемых партизанами.

Мы знали, что можем рассчитывать на поддержку даже в тех местах, где стояли крупные вражеские гарнизоны. Не скрою, это добавляло нам уверенности, позволяло действовать неожиданно и дерзко. Иногда приходилось попросту ругать бойцов за излишний риск.

В начале декабря 1943 года я ушел с небольшой группой разведчиков за линию железной дороги Брест – Гомель. Надо было помочь Ивановскому, Дрогичинскому, Жабчицкому, Логишинскому и Телеханскому райкомам комсомола. А больше всего – Пинскому подпольному горкому комсомола. Со мной были братья Хвесюки – Павел и Володя, а также Николай Чалей, Станислав Жарин, Георгий Гук, Петр Филиппов.

Проникнуть в Пинск легче было с западной стороны города. Чалей и Жарин брали повозку и ехали туда под видом крестьян, смешавшись с настоящими крестьянами. Бывало, они злоупотребляли излишней смелостью, на мой взгляд, допускали браваду. Выговаривал им.

Они мне отвечали, что рискуют только собой. Как же только собой, пояснял я, если в случае вашей гибели мы потеряем связи и перестанем получать ценные данные.

Попадали ребята, бывало, и в трагикомические ситуации. Однажды решили заночевать в Пинске у знакомого. А ранним утром в дом заявилась группа немцев.

Чалей и Жарин успели забраться на чердак. Приготовились к бою. Немцы осмотрели дом и расположились в нем. Тянутся часы, а они не уходят. Похоже, это была засада. Фашисты в самом деле кого-то ждали и ушли только на следующее утро.

Можно представить себе положение разведчиков. Ночью они могли бы уничтожить гитлеровцев, но пострадала бы семья хозяев. Да и самим разведчикам в любом случае вряд ли удалось бы уйти из города. Потому они ждали, стараясь себя не выдать. Но не выдали их и хозяева.

В результате разведчики принесли важные сведения, в том

числе о местонахождении бронепоезда командующего группой «Центр» генерал-фельдмаршала Буша.

Не боясь некоторой высокопарности, скажу так: у партизан все получилось потому, что за нас был народ, а мы сами были частью этого народа. И пусть понапрасну не напрягаются любители запустить булыжником в нашу сторону.

Белорусская писательница, пребывающая больше на Западе, чем дома, Светлана Алексиевич договорилась до того, что обозвала белорусских партизан бандитами. Путь это останется на ее совести. Но такими словами она оскорбляет не нас. Она себя выставляет в глупом свете, потому что бандитами приказал нас называть Гитлер. Она просто повторяет слова этого человеконенавистника.

Если бы Алексиевич подумала немного, прежде чем выводить на бумаге подобные строки, то задалась бы вопросом: что же это были за бандиты, если их поддерживало абсолютное большинство народа, а тех, кто пошел на услужение к оккупантам, люди до сих пор называют «бобиками». Уже нет ни Советского Союза, ни коммунизма, ни Сталина, а разве есть случаи, когда потомки бывших полицейских хвастаются тем, что их отцы или деды служили в немецкой полиции и устанавливали «новый порядок»? То-то же. Здесь главный ответ!

Временами приходится поражаться бездумному кощунству некоторых заявлений. Еще в начале 1990-х годов из уст одного народного депутата СССР довелось услышать: если бы нас победили немцы – жили бы мы, как немцы.

Смею утверждать, что не жили бы. Вчитайтесь в слова Гитлера, сказанные вскоре после нападения на СССР: «Эти народы имеют одно-единственное оправдание своего существования – быть полезными для нас в экономическом отношении».

А вот еще: «Лучше всего для нас было бы, если бы они вообще объяснялись на пальцах. К сожалению, это невозможно. Поэтому все максимально ограничить! Никаких печатных изданий. Самые простые радиопередачи. Надо отучить их мыслить. Никакого обязательного школьного образования…».

Ему вторил Гиммлер: «В этих областях мы должны сознательно проводить политику сокращения населения… Всячески способствовать расширению сети абортариев… Сократить до минимума подготовку врачей…».

У меня иногда складывается впечатление, что чем меньше человек знает о том времени, тем больше позволяет себе безответственности в суждениях. Взять хотя бы тему окруженцев и военнопленных. Послушать и почитать некоторых, так всех их впоследствии постигла одна участь – сибирские лагеря. Уже

полтора десятка лет настойчиво муссируется этот миф. Так ли было на самом деле?

В 1941 и 1942 годах в плен попали миллионы солдат и командиров. Это была большая трагедия (в 1943–1945 годах в плен попадало ничтожно мало). В лагерях советских военнопленных содержали в нечеловеческих условиях. Миллионы погибали от голода, холода и болезней. Однако многие и там продолжали сражаться.

Михаил Шолохов в «Судьбе солдата» просто и гениально создал образ военнопленного Соколова. Непокоренным ушел в бессмертие генерал Карбышев. На слуху остается и героический подвиг летчика Девятаева, который бежал из плена на немецком самолете.

В русской армии побег из плена всегда считался подвигом и награждался. Девятаеву, пусть и не сразу, но было присвоено звание Героя Советского Союза. Карбышеву тоже.

Да, не все выдержали страшные испытания. Но я знаю, что в Белоруссии десятки тысяч бывших военнопленных и окруженцев успешно воевали в партизанских отрядах.

Многие стали командирами и комиссарами бригад, отрядов, удостоены высших правительственных наград и званий. В нашем Пинском соединении из семи комбригов пять были из бывших военнопленных. Две трети командиров и начальников штабов, командиров рот, взводов – тоже бывшие военнопленные и окруженцы. Никто из них не был репрессирован после войны.

В большинстве своем они и в мирное время проявили себя в качестве хороших руководителей. Например, Михаил Герасимов. Будучи сержантом, попал в плен, бежал. Присоединился к партизанам и хорошо себя проявил. Стал командиром отряда, потом командовал нашей бригадой имени Молотова.

«Худощавый, среднего роста, темноволосый, с живыми серыми глазами, храбрый молодой командир, комсомолец Михаил Герасимов пользовался всеобщим уважением», – напишет о нем К.Т. Мазуров, не забыв его и через много лет.

Мазуров тепло отзывался еще об одном комбриге из окруженцев – Иване Георгиевиче Шубитидзе, командире Пинской партизанской бригады: «Шумный, всегда веселый, командир зажигал своих бойцов неукротимым оптимизмом».

«Ванькой-моряком» называли местные жители командира отряда имени Сталина Ивана Григорьевича Конотопова. Он родился на Ставрополье. Служил в составе Каспийской военной флотилии, потом Черноморского флота.

Во время обороны Крыма в бою под Балаклавой был серьезно ранен и попал в плен. Бежать вместе с группой

единомышленников удалось уже в Польше, откуда пришли в Западную Белоруссию. В Ивановском районе разгромили несколько полицейских участков.

Группа пополнилась за счет местных жителей, затем влилась в отряд имени Лазо, в котором Конотопов стал заместителем командира. Потом он возглавил отряд имени Сталина. Воевал как-то по-особому дерзко и размашисто. «Моряк везде моряк, хоть на море, хоть в партизанах», – говорили о нем.

На военнопленных нельзя смотреть как на однородную массу. Мол, раз попал в плен – значит изменник Родины. Человек оказался в безвыходном положении. Кто-то предпочел плену смерть. Кто-то этого не сделал. Осуждать его? Но он бежал из плена, сражался в партизанах или на фронте и дошел до Берлина.

Чтобы не ссылаться только на свое Пинское соединение, приведу некоторые данные по Барановичскому партизанскому соединению. Оно насчитывало на последнем этапе войны 11 185 бойцов. Из них 2727 – это люди, которые вырвались из немецкого плена. А в целом в рядах белорусских партизан бывшие окруженцы и военнопленные составляли 11 процентов.

Эти данные я взял из справки, подписанной руководителем БШПД П.К. Пономаренко. Зачастую, особенно на первом этапе партизанской борьбы, именно к ним присоединялись патриоты из местных жителей. Ведь у военных оставалось какое-то оружие, был боевой опыт.

Но основную массу народных мстителей все же составили недавние мирные жители, белорусские граждане. В Барановичском соединении простых рабочих и крестьян было более восьми тысяч из одиннадцати. Еще 732 человека – учителя с недавними учащимися. Почти 400 – инженерно-технические работники, врачи. По национальному составу – почти семь тысяч белорусов, две с половиной тысячи русских, около тысячи евреев, полтысячи украинцев, полтораста поляков.

Среди военнослужащих были и такие, которые струсили в бою и подняли руки вверх. Особенно в первые месяцы войны. Кто-то поверил гитлеровцам, что с ним будут вежливо обращаться, а кто-то ненавидел страну и народ и добровольно шел в плен. Добровольная сдача в плен – это предательство товарищей, позор. Малодушные, слабовольные дезертируют из армии и в мирное время. Я могу простить человеку многие проступки, кроме предательства.

Военнопленные есть на любой войне. Для большинства воевавших государств возникала необходимость проверки вернувшихся из плена офицеров и солдат. Почему? Потому что среди них появлялись те, кого успел завербовать противник.

Глава разведки Германии Шеленберг в мемуарах писал: «В лагерях для военнослужащих отбирались тысячи русских, которых после забрасывали на парашютах в глубь русской территории. Их основной задачей наряду с передачей текущей информации было политическое разложение населения и диверсии. …Чтобы поскорее добиться успеха, мы начали набирать добровольцев из числа русских военнопленных прямо в прифронтовой полосе».

Именно это побудило создать в конце 1941 года фильтрационные лагеря для проверки военнопленных. На 1 марта 1944 года проверку через органы «Смерш» (Смерть шпионам) прошли 312 594 военнопленных и окруженца.

После проверки 71,4 процента военнопленных и окруженцев были направлены в Красную Армию, 1,4 процента – в конвойные войска НКВД, 1,8 процента – на работу в промышленность, 0,5 процента – в госпитали на излечение. В штрафбаты попали 2,6 процента проверенных.

Арестованы и направлены в лагеря 3,6 процента (чуть более 10 тысяч). Среди них могли оказаться и те, кто не заслужил такой кары. Но эти цифры противоречат мифу о том, что при Сталине всех сослали в концлагеря на Север. Нельзя отказать в сочувствии тем, кто попал в лагеря случайно, кто не заслужил такого наказания. Но и не надо лить слезы по поводу пособников оккупантов, предателей. Были такие. Они вообще не заслуживают памяти, потому что не могут украсить историю народа. Ее делают и украшают другие люди.

В этой связи хочу процитировать один уникальный документ:

«Государь император в вознаграждение подвигов крестьянки Витебской губернии помещика Глазки Федоры Мироновой, которая в незабвенную войну 1812 года, будучи неоднократно посланной в Полоцк для узнания о положении находившихся там неприятелей, нимало не страшилась жертвовать самою жизнью, руководствуясь единым усердием и любовью к Отечеству, шла на все опасности, грозившие ей смертью, и доставляла оттоль верные и весьма полезные для корпуса генерала от кавалерии графа Виттгештейна сведения, всемилостивейше пожаловать ей соизволил пятьсот рублей денег и серебряную на анненской ленте медаль с надписью «За полезное», которую дозволяется ей носить. Военный министр Коновницын. Февраля 4 дня 1816 года».

Для любопытствующих скажу, что пятьсот рублей по тем временам – весьма большие деньги, особенно для крестьянки. Надо полагать, очень важными были сведения, доставленные Федорой Мироновой, если ее отметил сам император. Можно не сомневаться, что помещик Глазка, у которого она была

крепостной, даже завидовал этой простой белорусской женщине, награжденной государем.

Перечитывая этот документ, я каждый раз думаю о том, что наше время было отмечено массовой самоотверженностью женщин. Около 800 тысяч их во время войны служили в армии, многие тысячи были в партизанах, в подпольных организациях.

Вся огромная страна знала о Зое Космодемьянской, о девушках-молодогвардейцах, о героинях летчицах. Белорусские патриотки Елена Мазаник, Мария Осипова, Надежда Троян привели в исполнение приговор гитлеровскому наместнику в Белоруссии гауляйтеру Вильгельму Кубе. Но были и тысячи других, подвиг которых менее известен, однако тоже очень значим.

В деревне Лясковичи Ивановского района до войны жила красивая, спокойная девушка Серафима Александровна Бигоза, после войны – Хмелевская. Ее боевым наградам, особенно ордену Красного Знамени, позавидовал бы любой мужчина.

Все знают, что таких орденов, тем более столь престижных, просто так не дают. Юноши и девушки комсомольской организации, которой руководила, Серафима Бигоза, подрывали станционные водокачки и другие объекты, снабжали партизан ценными сведениями. Но в данном случае хочу сказать еще об одном.

На войне было не только героическое и трагическое. Была и повседневная жизнь. Даже мужчинам нелегко сражаться и жить в тылу врага. Во сто крат тяжелее женщинам. В партизанском отряде большинство – мужчины. В бой идут они. Ходили, правда, и женщины, хотя и не всегда, и слава Богу, что не всегда. А уход за ранеными и больными – работа женщин. Готовили обед в общих котлах женщины.

Одна-две женщины среди партизан – это уже многое значило. Они скрашивали быт. В их присутствии матом не ругнешься. Не будешь ходить неряхой. Не будешь делать многого другого. Женщина – сдерживающее начало – не дает озвереть мужикам на войне. Женщины – фактор сильного морально-психологического воздействия на солдат, партизан.

Отношение к женщинам у партизан было уважительное. Старались их уберечь, облегчить трудную жизнь. Физиология женщин требует особых бытовых условий. Где их возьмешь в лесу, в болотах, на островке болотном? Мы, молодые парни, как-то не задумывались над этим. А они все для себя устраивали. Я даже через шестьдесят лет после войны не могу описать детали женского быта.

Для нас все оставалось тайной. Было у нас какое-то

целомудрие, которое не позволяло интересоваться многим сверх меры, в отличие от циников XXI века. Именно целомудрие. Помнится, после удачной операции у Поварчиц, перед Новым, 1942 годом было голодно в лагере. Даже раненого Карасева нечем было покормить. И мы с Верой Некрашевич пошли в ближайший поселок разжиться едой. В обратный путь тронулись уже поздним вечером. Повалил снег, стежки замело, и мы сбились с пути.

Блуждать в таком случае по лесу бесполезно, и мы заночевали под разлапистой елью. Лежали спина к спине, только бы теплее было. Никаких других помыслов и в голову не приходило. Это уже лет через сорок после войны при встречах с товарищами, бывало, раздавались шутки: «Молодо-зелено, не могли сообразить, как согреться!» А мы и в самом деле не могли соображать иначе. Мы по-доброму относились друг к другу. К девушкам, женщинам – предельно бережно.

Случалась и любовь на войне. Полюбили друг друга – куда денешься? Становились мужем и женой. Мои друзья – комбриг Михаил Герасимов, начальник штаба бригады Дмитрий Удовиков, командиры отрядов Николай Попов, Иван Конотопов, Михаил Каштанов – нашли себе спутниц жизни в партизанах. Женились без регистрации в ЗАГСе, причем на всю жизнь. И браки были прочными, долговечными.

В 1943 году командование бригад издало официальные приказы: считать таких-то (фамилии, имена, отчества) мужем и женой. После освобождения от немецко-фашистских захватчиков по этим бумагам нужные документы оформляли в ЗАГСах. Но это было потом. А тогда партизанские браки, браки по любви, не нуждались в формальных бумагах. Они были сильнее любого свидетельства ЗАГСа и печати райисполкома, потому уважались в партизанской среде.

Бывала любовь и на стороне. В деревне или на хуторе девчата молодые, и партизаны не старики. Жизнь диктовала свое. А вот за насилие – расстрел перед строем товарищей. Но такое было очень редко.

Однако война ведь не только убивала человека, живущего на земле. Сколько не родилось, не появилось на свет новых жизней! Если посчитать в целом по всему государству, то это десятки миллионов. И в XXI веке человечество пожинает плоды той войны. Нет большего укора войне, чем не появившиеся на свет новые человеки.

Обязательно нужно сказать о детях в партизанских отрядах. И не только о маленьких солдатах большой войны. Юные Герои Советского Союза Саша Чекалин, Марат Казей, Валя Котик, Леня Голиков… Они известны, им поставлены памятники.

А сколько было тысяч маленьких партизан, не получивших такой громкой известности! Они фактически были в каждом отряде, в том числе и в нашем соединении. Алексею Коту из Пинщины, когда началась война, было всего тринадцать лет. Мы его звали «Алеша Малый», поскольку, как и я, он ростом не вышел. Да и возрастом к тому времени – тоже. А за три года боев и походов парнишка стал закаленным бойцом, получил государственные награды.

Впоследствии Алексей Николаевич был председателем Лунинецкого райисполкома, первым секретарем Ивановского райкома партии. За проявленный в мирное время организаторский талант удостоен ордена Ленина. Николай Владимирович Голуб потом возглавил Дрогичинский райком партии. Сергей Николаевич Маркевич долгое время работал председателем колхоза в Ивановском районе.

Но до этого еще надо было дожить. Кто мог гарантировать, что Сережа Маркевич вернется с операции, когда вывесили красный флаг в полицейском гарнизоне в большой полесской деревне Мотоль!

Коле Гойшику было дано задание подорвать эшелон. С задания он не вернулся. Увидев, что эшелон близко, и поняв, что не успеет поставить заряд, он с миной в руках бросился под поезд и пустил его под откос.

И после этого теперь у кого-то поворачивается язык бросить в их адрес мерзкое слово! Даже о Марате Казее, который по праву является национальным героем Беларуси и которому поставлен памятник в сквере у Оперного театра в центре Минска. Этот пятнадцатилетний мальчик, попав в безвыходное положение, не струсил, уложил из своего автомата полтора десятка фашистов и полицаев. Когда кончились патроны, он подпустил их совсем близко и взорвал последнюю гранату.

Лет через двадцать после войны в Минске проходил суд над одним из гитлеровских прихлебателей. Даже тогда бывший полицай не сдержался и стал возмущаться, вспоминая Марата Казея: «Такой упрямый. Одной ногой стоит в могиле, а взорвал гранату и убил еще несколько наших».

Я хочу сказать и о тех детях, которые не стреляли, не бросали гранат, не подносили патроны на поле боя. Они тоже переносили все тяготы партизанской жизни: холод, голод, бомбежки, артобстрелы. Взрослому тяжело, а каково ребенку в семь-восемь лет! У многих погибли родители, еще в те годы было надорвано здоровье.

Сегодня они, маленькие солдаты большой войны, уже сами старики, пенсионеры. А сказывается это на их пенсии? Сыны

полков и юнги признаны участниками Великой Отечественной войны.

Дети блокадного Ленинграда, малолетние узники концлагерей защищены законом и пользуются какими-то льготами. Это справедливо, по совести. А дети, пришедшие вместе с родителями в партизанские отряды, или сироты, родителей которых убили фашисты, остаются ни с чем даже через 60 лет после войны.

Много сделано в Беларуси по защите детей, слов нет. Но нашелся же кто-то, кто внес и «провел» поправку к «Положению о комиссии по делам партизан и подпольщиков»: не рассматривать материалы о признании партизанами детей, родившихся после 1933 года, т.е. тех, кому было 8–10 лет.

Представьте себе такую картину: в партизанский лагерь ворвались каратели. Они разве требовали паспорта и метрики? Родился до 1933 года – расстрел, появился на свет после – останешься в живых… Абсурд. А не абсурдный ли вопрос задавали некоторые чиновники: «Разве они ходили в атаку?»

Не ходили они в атаку, как и сыны полков, как не ходили в атаку повара и писари. Но сыны полков, писари, повара – участники войны. Пользуются соответствующими льготами. А партизанские дети, кому сегодня уже по 70 лет, не могут получить льготные лекарства.

Мне тяжело читать письма детей-партизан. Официально они не признаны таковыми, но я называл их и буду называть партизанами, потому что имею на это право. Например, считаю партизаном Юлия Яковлевича Кучинского. Его отец и мать были врачами. Перед войной отец служил в Белостоке и перевез туда семью. Он был уверен, что, если начнется война, то боевые действия будут проходить на вражеской территории.

Военный хирург Яков Антонович Кучинский погиб в 1941 году. Его жена Юлия стала связной отряда Коржа. Выполняла задания вместе с сыном. В его фуфайке прятала секретные бумаги. Потом мать и сын были в отряде имени Чапаева.

Мальчик помогал ухаживать за ранеными и больными. В походах вместе с партизанами спал на снегу, брел по пояс в ледяной воде во время выхода из блокад. С тех пор у него всю жизнь болят суставы. А его спрашивают, ходил ли в атаку…

В результате военных лишений стал инвалидом Эдуард Янович. Когда выходили из окружения, он бежал вместе со своей сестрой. Они держались за руки. Очередью из немецкого автомата убили сестру, а Эдуард остался жив только потому, что был ниже ростом и пуля сорвала шапку. Но он не считается пострадавшим на войне.

А разве ничего не стоят те немалые суммы советских денег и облигации, которые он, будучи мальчишкой, собирал в деревнях и которые самолетами отправляли на Большую землю в фонд обороны! Пусть бы нынешнее российское правительство хоть толику ему вернуло, написал он в одном из писем и добавил: «Но я не жалуюсь и не пеняю на свою судьбу, ведь я в маму, а она, как вы помните, никогда и ни на что не жаловалась».

Обидно, что мы не смогли защитить их в мирное время. В войну защитили, часто рисковали жизнью ради этого, последним с ними делились. Более того, к мирной жизни их готовили, потому в партизанских отрядах создавали школы.

И каждую добытую тетрадку, каждый лист чистой бумаги, подходящую книжку старались не «пускать на раскурку», а несли в эти школы. Кирилл Трофимович Мазуров в своей книге «Незабываемое» привел данные о том, что в партизанских «зеленых» школах только на территории нынешней Брестской области занимались более 30 тысяч детей.

В глазах этих детей мы видели наказ и напутствие: прогони фашиста! Кто после этого смеет утверждать, что они не внесли вклада в Победу! И пусть никому мои слова о «наказе и напутствии» не покажутся высокопарными.

Отступая в глубь своих зон во время жестоких блокад, мы в первую очередь эвакуировали детей, мирное население. Ценой этой эвакуации часто становилась жизнь партизан, оставленных в заслонах для прикрытия.

В той борьбе участвовали все поколения. В феврале 1943 года гитлеровцы проводили против нашего соединения карательную операцию под названием «Горнунг». В деревне Новины (теперь это Солигорский район) они пытались заставить двух пожилых крестьян показать дорогу к партизанским лагерям.

Это были братья Михаил Самуилович и Иван Самуилович Цуба. Михаил Самуилович отказался, и его сразу же расстреляли. А Иван Самуилович завел фашистов в болотные топи, примыкавшие к реке Лань. И тоже был убит.

Но и каратели назад выбраться не смогли. Часть их погибла в топях, остальных уничтожили партизаны. Братья повторили подвиг Ивана Сусанина. Теперь им установлен памятник. Деревня Новины носит название Дубы.

В той борьбе участвовали все конфессии. У нас в соединении среди пинских партизан были и священнослужители. Настоятель Успенской церкви в деревне Одрижин Ивановского района отец Василий Копычко своими проповедями во время богослужений, которые часто проводил ночью, укреплял веру в победу. Во время службы он знакомил со сводками Совинформбюро, собирал и

передавал в отряд продовольствие, медикаменты. В его доме нередко встречались партизанские связные и даже командиры.

Закончил войну отец Василий в отряде, был отмечен государственными наградами. А еще он всю жизнь берег портсигар, подаренный комиссаром бригады имени Молотова Ф. Куньковым. На портсигаре выгравирована надпись: «Копычко В.Д. За помощь партизанам в борьбе против немецких захватчиков».

И не надо акцентировать внимание на том, что священнику был вручен портсигар, который ему, мягко говоря, был не очень-то нужен. Просто во время войны не так просто было найти нужную для подарка вещь. Главное все-таки заключалось в надписи на портсигаре. Отец Василий после войны долгое время служил настоятелем Свято-Никольского храма в Гомеле, был отмечен высокими церковными наградами.

Протоиерей Александр Романушко летом 1943 года был приглашен на отпевание убитого полицейского. Батюшка поначалу колебался, но потом решил поехать. На кладбище собралось много народу, пришли на похороны и вооруженные полицейские. Облачившись в епитрахиль, батюшка заявил:

– Дорогие братья и сестры! Я понимаю большое горе матери и отца убиенного, но не наших молитв и «со святыми упокой» заслужил своей жизнью во гробе лежащий. Он изменник Родины, убийца невинных детей и стариков. Вместо вечной памяти предаю его анафеме!

Люди стояли словно пораженные громом. Отец Александр обратился к полицейским:

– К вам, заблудшим, моя последняя просьба. Искупите перед Богом и людьми свою вину и обратите свое оружие против тех, кто уничтожает наш народ, кто в могилы закапывает живых людей.

Присутствовавшие на похоронах полицаи не посмели тронуть его. Многих из них священник привел в партизанский отряд. Александр Романушко впоследствии тоже участвовал в боях, ходил в разведку. Был награжден медалью «Партизану Великой Отечественной войны». Два его сына сражались вначале в партизанском отряде, затем на фронте, оба вернулись домой орденоносцами.

Священник Иоанн Лойко во время храмового праздника принародно благословил трех своих сыновей в партизаны. А сам остался со своей паствой и погиб в Хоростово вместе со своими прихожанами. За лечение раненых партизан, за распространение листовок был убит гитлеровцами священник Николай Пыжевич из деревни Старое Село.

Протоиерей Иван Рожанович сам пошел на встречу с

карателями, когда над деревней Сварцевичи нависла угроза уничтожения. Он сказал им, что просит защиты от партизан, коих в деревне несметное количество. Эта уловка удалась. Каратели срочно убрались прочь.

Это примеры из нынешнего Солигорского района Минской области.

Активно помогал партизанам протоиерей Косьма Раина из Пинского района. В условиях оккупации он продолжал говорить в молебнах «о стране нашей, властех и воинстве ея», укрывал раненых, собирал продукты для отрядов, отпевал погибших, расстрелянных, крестил детей.

Два его сына Петр и Павел были отважными партизанскими разведчиками, потом воевали на фронте, были награждены орденами и медалями, а после войны продолжили дело отца – стали священниками. Петр служил в храмах Беларуси, Подмосковья, в Александрии (Египет), в Сан-Франциско (США). А Павел руководил приходским советом в том же храме, где почивает прах его отца, и написал книжку «За веру и Отечество».

Военная судьба свела меня еще с одним прекрасным человеком – ксендзом Франтишеком Купшем. Он жил в деревне Челонец, недалеко от Хоростова, малой родины В.З. Коржа. Пользовался большим уважением у сельчан, много помогал им, в том числе и как человек, знающий медицину. Помогал и нам, партизанам. Мы в свою очередь тоже оберегали его и встречались только конспиративно.

Обращаться к ксендзу можно было только с личного разрешения Коржа. Осенью 1942 года такая потребность возникла у меня. Страшно разболелся зуб. А Купш знал и стоматологическое дело. Мы с ординарцем скрытно подъехали на конях к дому ксендза. Он сразу усадил меня в дантистское кресло, вскрыл больной зуб, заложил мышьяк. Впоследствии мне еще несколько раз приходилось просить помощи. Мы подружились.

Весной 1943 года во время гитлеровских карательных экспедиций Купш ушел к партизанам. В апреле меня вызвали на совещание, которое в штабе Минского партизанского соединения проводили К.Т. Мазуров и М.В. Зимянин. Там я рассказал не только о боевой и политической работе наших отрядов, но и о Франтишеке Купше.

Вскоре в расположение пинских партизан пришел М.В. Зимянин. Поинтересовался Купшем и посоветовал беречь его. А еще через некоторое время за Франтишеком Купшем из Москвы прилетел самолет. Из сообщений по радио мы узнали, что наш добрый знакомый выступал на втором Всеславянском съезде.

Потом он бы л назначен главным капелланом первой дивизии имени Т.Костюшко в Войске Польском, которое было сформировано в СССР и воевало бок о бок с соединениями Красной Армии.

В августе 1944 года я шел по главной улице города Пинска. Навстречу – группа польских офицеров в конфедератках, во главе – полковник. Я не поверил своим глазам. Это был Франтишек Купш. Он сразу меня узнал. Мы обнялись. Вместе пообедали, вспомнили боевых товарищей, помянули погибших. А потом главный капеллан уехал в свою дивизию, которая отправлялась на фронт.

Партизанская война явила такие образцы героизма и самопожертвования, которые смело можно поставить в один ряд с подвигом Александра Матросова. Героический поступок совершил боец нашего соединения Шауло.

Группе партизан, в которой он состоял, было приказано провести диверсию на железной дороге. Поначалу все шло, как принято говорить, по плану. Незаметно подобрались к железнодорожному полотну, заложили под рельс мину. Но прошел эшелон, а мина не взорвалась. Тогда Шауло пополз к насыпи, чтобы проверить заряд. В это время из-за поворота показался другой эшелон. Опытный партизан понял, что он не успеет снова установить мину на путях. Но уходить в лес тоже не стал. На глазах товарищей он своими руками взорвал заряд перед самым паровозом. Военный эшелон пошел под откос.

Хочу добавить, что партизаны предпочитали не сдаваться в плен и не выдавать товарищей. Выходя из боя, мы обязательно старались вынести раненых и убитых. Ведь попавшему в руки немцев партизану грозили пытки и неизбежная мучительная смерть, а убитого полицаи могли опознать, после чего страшная кара обрушивалась на его родственников.

Взаимовыручка в наших рядах была обязательным правилом. Не случайно в Беларуси до сих пор жива поговорка: «Молчит, как партизан на допросе». Так что не стреляйте в партизан из XXI века. Нехорошо. Им и так досталось.

Мне после войны не раз приходилось беседовать с теми, кто прошел и партизанскими, и фронтовыми дорогами. И каждый раз слышал, что в партизанах было куда труднее. На фронте знаешь: враг там, на западе. Партизан должен ожидать его появления с любой стороны и в любой момент.

Чего больше всего боялись партизаны? Смерти? Нет. Я больше всего боялся ранения. Раненным можно попасть в плен. Потому, кроме автомата, всегда носил за поясом пистолет. Восемь патронов в обойме, девятый – в канале ствола. Все-таки на

один выстрел больше. И в мозгу зарубка: последний патрон мой, живым не сдамся.

Мне даже во сне не могло прийти в голову, что попаду в руки врага. Воевал бы с фашистами еще десять тысяч дней, но не сдался бы. С этой мыслью жил и в 1941-м, и в 1944-м. Меня считали смелым. Видимо, потому, что всегда был впереди. Наш комиссар Никита Бондаровец как-то спросил меня:

– Почему ты все рвешься туда, где опаснее? Смерти ищешь?

И я честно ответил:

– Потому что я боюсь быть позади. Сзади не видно противника, не знаешь, как поступать.

Признаться, что было страшно, не так просто. А ведь было. Помню бой за райцентр Ленино. На рассвете проникли в гарнизон. Бесшумно сняли часовых. До вражеских казарм оставалось метров тридцать. Стояла тишина. Даже собаки не лаяли. Какая-то зловещая тишина. А внутри – прямо колотун.

И тут – ракета, первый выстрел, вперед! Полетели гранаты в окна казармы. Вся дрожь исчезла с первым выстрелом. И так не раз. Бой – привычная работа, подготовка к бою – привычное напряжение. Но я заметил, что погибали, как правило, те, кто откровенно боялся смерти. А в разведку ходить с несмелым человеком – одна мука. Посмотришь на напарника, который дрожит как осиновый лист, сам уверенность потерять можешь.

Во время войны мы думали не только о боях. Часто говорили о том, как будем жить после победы. Вспоминается октябрь 1941 года. Немец уже почти иод Москвой. Мы в глубоком тылу врага. Голодно. А у костра – неспешные разговоры о жизни. Рассуждают молодые партизаны: «Когда война кончится, наемся от пуза хлеба, сала, борща». У тех, кому 40–45, другие запросы, особенно если «на должностях» успели побывать.

Положенцев так говорил: «Пойду в ресторан. Закажу борщ московский, ростбиф или цыпленка-табака, икорки, балычка, водочки графинчик, ну, конечно, салатики всякие там, чай с лимончиком…». Мы, молодежь, даже и слыхом не слыхивали, что за еда такая – балык, цыпленок-табака. Никогда не едали подобного.

Мои мечтания были попроще: мне бы винегрета за 17 копеек, супа овсяного за 33 да биточки по-казацки и компот. То, что пробовал хоть раз в два-три дня в годы своего студенчества. Тогда со мной в конце концов согласились все: даже такой студенческий обед был бы в тех условиях объедаловкой. Хотя бы раз в несколько дней.

Но разговоры были не только и не столько о еде, но и о послевоенной жизни. Мы были единодушны в том, что

бюрократов, подхалимов, прочую нечисть вычистим, как плесень.

А Корж слушал и сказал: «После войны будет, как половодье весной. Талая вода поднимет весь мусор. Пожалуй, мусор будет плавать наверху, а все ценное, как золото, будет на дне». Как далеко смотрел, провидец! И с таким пришлось столкнуться. Но разве в этом вина партизан?

Разве есть вина партизан в том, что их скупо награждали? Не о себе говорю. Я, слава Богу, обиженным себя в этом смысле не считаю. Своим первым орденом, самым дорогим для меня, орденом Красного Знамени, я был награжден указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 августа 1942 года. Согласно этому указу только два пинских партизана были удостоены столь высокой награды: Василий Захарович Корж и я.

Я был счастлив этим безмерно и горжусь до сих пор. Правда, получил орден уже после войны, хотя и была попытка вручить мне награду еще во время партизанских действий. Весной 1944 года Василий Иванович Козлов привез из Москвы на Любанщину большое количество орденов и медалей для партизан. Но я в то время был за Днепровско-Бугским каналом, где шли ожесточенные бои.

Тогда группа подчиненных мне партизан нарвалась на засаду и погибла. Прошел слух, что погиб и Нордман. Дошел слух и до штаба соединения, где штабисты, привыкшие все фиксировать, сделали соответствующую пометку против моей фамилии. И по оплошности не убрали ее впоследствии, когда выяснилось, что слух ошибочен.

В сентябре или октябре 1944 года в Минске в театре имени Янки Купалы проходила торжественная церемония награждения партизан. Я тоже сидел в зале и ждал. Но меня не вызвали. После церемонии подошел к президиуму:

– Как же так? Меня наградили еще летом 1942 года…

– Приходи завтра в Дом правительства, там разберемся.

В Доме правительства находился тогда и Верховный Совет БССР. Назавтра я туда и заявился. Мне показали карточку с отметкой: погиб в апреле 1944 года в боях на Днепровско-Бугском канале, поэтому и не включили в список тех, кому вручали награды в театре.

Я своим личным присутствием засвидетельствовал, что не погиб, что стою перед ними. После этого мне отдали мой орден, и я ушел. И ношу его с гордостью. Так что, повторяю, я не обижен.

Но давайте посмотрим на ситуацию в целом. Вы часто встречали партизан с двумя-тремя наградами за партизанские заслуги? То-то же. И это за три года боев и лишений. Даже медаль «Партизану Великой Отечественной войны» – уже высокая

награда. Но ею отмечены только 127 тысяч мстителей из 1 миллиона 400 тысяч партизан. Разве это справедливо? Уже потом, во время годовщин Великой Победы, исправляли положение.

Был в музее на Поклонной горе в Москве. Если исходить из экспозиции музея, то главный герой партизанской борьбы – выросшая из спецотряда бригада «Неуловимые», которой командовал Герой Советского Союза Михаил Семенович Прудников. Не спорю, Прудников – весьма заслуженный человек. Но почему нет в экспозиции Коржа, Ковпака, Шмырева, Козлова, Лобанка, Федорова?!

Без этих людей и того, что они сделали на начальном этапе войны для развертывания партизанского движения, прудниковского спецотряда могло и не быть. Не хожу больше в тот музей. Нельзя фальсифицировать историю. Мы всегда будем воспринимать это как оскорбление памяти.

КОММУНИСТЫ, КОМСОМОЛЬЦЫ, ВПЕРЕД!

Иногда берет и злость, и смех. Нашли тему для дискуссий: что кричали бойцы, поднимаясь в атаку. За Родину, за Сталина или только за Родину? Даже к специалистам соответствующим обратились. А те якобы сказали, что во время атаки и драки человек может кричать только протяжное «А-а-а-а!». Можно подумать, тот, кто такое заключение делал, сам ходил в атаку.

Я так скажу. Слова о Родине и партии мы, конечно, говорили, но, скорее всего, перед боями. Притом искренне говорили, не сомневайтесь. А что кричали в ходе атаки и драки, вряд ли стоит воспроизводить на бумаге даже через столько лет.

Но в атаку первыми поднимались коммунисты и комсомольцы. Нравится это кому-то или нет, а было именно так. И главной пружиной, главной организующей и действующей силой партизанского движения были они.

С созданием на оккупированной территории подпольных обкомов, райкомов партии и райкомов комсомола в 1942 и 1943 годах заметно укрепились дисциплина и порядок в партизанских формированиях.

Партизаны стали с большим пониманием относиться к нуждам населения и более правильно строить отношения с ним. В 1943–1944 годах райкомы партии в качестве местных органов власти стали полновластными хозяевами положения. Их решения были законом для командиров и комиссаров отрядов.

Командир Барановичского партизанского соединения Герой Советского Союза Василий Ефимович Чернышов в своем отчете имел все основания написать, что «с усилением политического руководства партизанским движением решительно активизировалась боевая деятельность, наведен порядок в отрядах, почти полностью искоренены случаи мародерства и другие поступки, порочащие советского партизана».

Особенно плотно партийные комитеты занялись мелкими отрядами и группами, которые зачастую действовали по своему усмотрению. Малочисленные и плохо вооруженные, они не могли рассчитывать на серьезное противодействие немцам и полиции, потому не создавали постоянных баз, а кочевали из леса в лес, из деревни в деревню. С их стороны чаще всего и допускались случаи неправильного отношения к местному населению.

Как отмечал секретарь Брестского подпольного обкома партии З.Ф. Павловский, в подобных группах нередко царили

упаднические настроения: «Все равно придется погибнуть, потому делай, что хочешь».

Обкомы, райкомы сводили такие группы в более мощные боевые единицы, назначали новых командиров и комиссаров, создавали в них партийные и комсомольские организации, подчиняли общей схеме действий и общей дисциплине. Так что если не надо преувеличивать заслуги подпольных райкомов и обкомов партии, то нельзя и приуменьшать их роль в развитии всенародной войны в тылу врага.

Скажу откровенно: в контактах с населением очень важно было найти правильные слова, нужные для каждого конкретного случая. Но не всегда слов было достаточно. Ведь нам приходилось объяснять не только свои поступки. У кого-то забрали часть живности, одолжили лошадь на время, а оказалось, что навсегда…

Нужно было отвечать и на другие вопросы. Почему отступила Красная Армия, если все говорили, что она непобедима и любого врага разобьет на его территории? Почему перед войной многих несправедливо обвинили, осудили? Мы же знаем, что они не были шпионами и вредителями. Это очень болезненные вопросы. Особенно трудно было вести такие беседы на первом этапе войны. Но мы не уклонялись от них.

Как отмечает в своих дневниках В.З. Корж, вступали в дискуссии даже с «самыми языкастыми». Именно то, что мы не уклонялись от трудных разговоров, давало наибольший эффект. В то же время должен сказать, что для нас, партизан Пинского соединения, такие беседы были, пожалуй, более болезненными, чем для других. Мы действовали по обе стороны бывшей советско-польской границы, и сложность заключалась в том, что многие приграничные советские районы пострадали во время репрессий особенно сильно.

Приведу еще одну запись из дневника Коржа:

«7.1Х.41. С утра были в двух деревнях: д. Милев (Милевичи. – *Э.Н.*) и д. Залючица на бывшей границе (СССР и Польши до 1939 г. – *Э.Н.*). Какую жуть наводят эти деревни, ни в одном доме не найдешь мужчину. Только ребятишки и женщины. Когда спросишь, где папа или где муж, получаешь один ответ: «Папу или мужа давно забрали, некоторых – 3 – 5 года». Когда спросишь, за что, получаешь один ответ: «Не знаю за что, он не виноват. Просто злые люди наговорили, а товарищи не разобрались и взяли».

И я пришел к убеждению, что столько противников советской власти не было и не могло быть. А иначе она бы не удержалась и не имела бы таких успехов.

Это действительно «шпиономания» и поверхностная, несерьезная разведка. И всякому дураку дают решать судьбу человека. Этот дурак, воображая больше, чем соображая, не жалея народ, подписывает протокол допроса. И решается судьба целого семейства, т.е. обвиняемый идет в тюрьму, на высылку или на уничтожение, а вся семья, зная, что он не виноват, и не доверяет советской власти. Но, между прочим, знает, что нет больше (лучше. – *Э.Н.)* власти для трудящегося, чем советская, а почему так делается – не понимает.

Вот этот прохвост, горе-руководитель, негодяй, подхалим, гоняясь за дешевым авторитетом, желая состряпать побольше дел и «найти больше врагов», решает судьбу человека. А другая сволочь, сидя где-нибудь в центральном аппарате, утверждает эту бездушную бумажку, и судьба человека решена.

Попробовали бы они завоевать советскую власть, поработать действительно с народом в тылу противника, чтобы узнать, что такое советская власть, кто ее опора и как надо жалеть свой народ – этот ценнейший капитал. Я записал свои соображения и соображения народа в отряде, поскольку все откровенничают (подчеркнуто мною. – *Э.Н.*).

Другой пример, который подтверждает написанное мной. Это мой разговор 2.IX.41 в бывшей Польше (по другую сторону реки Случь, бывшей госграницы. – *Э.Н.)*. Отряд дневал на хуторе, потому что был сильный дождь, холод и есть было нечего. На этом хуторе жили старик восьмидесяти лет и два его сына, уже пожилые. Они нас кормили, конечно, но только потому, что мы были вооружены.

И вот я спросил старика: «Как живется, дедушка?» – «Ой, детки, плохо. При польской власти еще кое-как жили, а при этих большевиках никакой жизни нет. Вот был я за рекой у своих. Там же не осталось ни одного мужчины около границы. Всех побили (арестовали, выселили. – *Э.Н.)*. Разве это власть? Так робит сейчас Гитлер, убивает, расстреливает невинных людей. Это не власть, если она уничтожает ни за что своих людей».

Потрясающая запись по своей глубине, откровенности. Крик души, боль сердца. Я привел эти строки дословно, потому что знаю: многие из обиженных советской властью потом подались в услужение к немцам. Были случаи, когда руками фашистов сводились старые счеты.

Вот еще одна выписка из архивных документов: Жена Кафмана, бывшего жителя Давыд-Городка в нынешнем Сталинском районе, арестованного НКВД, донесла, что братья Фельдманы активно участвовали в работе сельсовета. Фельдманы были расстреляны.

Пусть меня никто не обвинит, что я специально подобрал еврейские фамилии. Просто в городах и особенно местечках Западной Белоруссии еврейское население было многочисленным, нередко преобладало. Подобные случаи были среди разных категорий местных жителей, это печальный факт. Они осложняли и жизнь самому населению, и партизанскую работу, как ее называл Василий Захарович.

Хочу обратить внимание на слова Коржа о том, что «люди в отряде откровенничают». Это на самом деле было так. Подобная откровенность помогала нам становиться единомышленниками, значит, помогала драться. Здесь нет никакого преувеличения.

Эту запись В.З. Коржа я запомнил на всю жизнь и однажды сослался на нее в разговоре с председателем КГБ СССР Ю.В. Андроповым. Я тогда тоже работал в центральном аппарате КГБ. Зашла речь о введении личных лицевых счетов оперативным работникам, чтобы повысить их активность и усердие. Юрий Владимирович тогда спросил, каково мое мнение на сей счет. Я ответит без колебаний:

– Ни в коем случае нельзя этого делать. Будет снова 37-й год.

– Не боишься говорить мне об этом? Ведь я дважды на заседании коллегии комитета выступал в поддержку таких счетов…

– Говорю как коммунист с коммунистом, – сказал я и еще раз подтвердил свое мнение.

Вскоре Ю.В. Андропов отказался от идеи ввести личные лицевые счета оперативным сотрудникам. А если бы в 1967 году он не прислушался к голосу партизана? Не получилось бы так, как описывает в 1941 году В. З. Корж?

Суждения Василия Захаровича пригодились мне не только в том разговоре с Андроповым. Я довольно долго проработал в Комитете государственной безопасности. И не только в его центральном аппарате в Москве. До этого возглавлял управление КГБ по Минской области, затем – управление КГБ по Ставропольскому краю. Потом был председателем КГБ Узбекистана.

Рассматривая тысячи дел по реабилитации осужденных в 1937 – 1939 годах, старался внимательно, бережно относиться к судьбе каждого человека. Даже к его посмертной судьбе. А может, и наоборот – особенно к посмертной. Ведь это уже было нужно детям и внукам пострадавшего. Строжайше следил за соблюдением законности.

И в Минске, и в Ставрополе, и в Узбекистане, и в Москве удалось уберечь от тюрьмы не одну сотню людей. Для меня в I960

– 1980-е годы была важна профилактика правонарушений. Это школа Коржа, в чем не стесняюсь признаться. Его жизненные уроки засели в подкорке на всю жизнь.

А что касается того, боялся ли я откровенничать с всесильным Андроповым… Не скрою, за свою жизнь я не раз убеждался в резонности китайской поговорки, которая гласит, что тот, кто говорит правду, своей смертью не умирает.

После одного из моих горячих выступлений на пленуме ЦК Компартии Белоруссии, когда я, будучи первым секретарем Телеханского райкома партии, резко критиковал главу белорусского правительства, К.Т. Мазуров, работавший тогда первым секретарем ЦК, в перерыве бросил: «Ну не умрет Эдуард своей смертью!» Но в его словах все же мне послышалось скорее одобрение, что не растерял партизан пороху.

Говорить правду, быть откровенным с людьми старался и стараюсь всегда. Я остался без отца в восемь лет. Матери вообще не помню, потому что было мне всего три года, когда она умерла.

Из школьных лет почему-то врезался в память пионервожатый, который со всей серьезностью говорил нам, что «Капитал» Маркса в третьем классе читать еще рановато, но в четвертом надо начинать обязательно. Я, честно говоря, пробовал. Ничего не понял.

Но это то, что касается учебы. А первые житейские уроки я получил в деревне у деда Ивана Лопатенкова и бабушки Арины. Дед твердил: «Никогда не бери чужого, не ври, всегда трудись». Потому для меня высочайшей оценкой стали слова академика Чазова, сказанные в одной из его книг: «Я хорошо знал среду КГБ, в которой было немало честных, порядочных людей. Но даже среди них Нордман, бывший белорусский партизан, выделялся своей прямотой, простотой и честностью. Он был далек от интриг…»

Спасибо Евгению Ивановичу на добром слове. Похоже, выполнил я установку своего деда. В то же время не надо принимать меня за человека, который признавал только два вида мнений: свое – правильное, а остальные – ошибочные, всегда и во всем лез напролом. Но я никогда не молчал и не стоял в стороне, если считал, что молчать и уклоняться нельзя.

Со стороны Андропова я гонений не опасался. Юрий Владимирович был слишком умным человеком для того, чтобы опускаться до мелкой мести. Да и выражение «как коммунист с коммунистом» ко многому обязывало и меня, и его. Оно, смею утверждать, было во многом сродни призыву: «Коммунисты, вперед!» Оно означало: говорю так, как есть, как вижу, потому что я – коммунист. Это кто-то другой может промолчать.

Теперь эти слова затрепали. Возможно, пересуды о партийных привилегиях всем заморочили голову. А я вступил в партию в 1942 году в глубоком немецком тылу. Это было 6 ноября, в канун главного революционного праздника. Собрание проходило на поляне. Меня рекомендовали наш командир Корж, партизаны Карасев и Ширин, последний потом стал комбригом. Я, как и положено, рассказал свою биографию.

На предложение высказаться другим партизаны-коммунисты заговорили хором: «Он же у нас на виду. Все помнят, как он вел себя в боях под Пинском, в операциях по разгрому гарнизонов в деревнях Ленин, Поварчицы, Ананчицы, у Красного озера, во время крушения немецкого бронепоезда».

Главные слова сказал Ширин: «Я его рекомендую и ручаюсь за него своей партийной совестью и своей головой. Прошу голосовать!». На том собрании приняли в партию и Виктора Лифантьева, Ивана Некрашевича.

– Партбилеты, – сказали нам, – выдадут после войны. Но в следующий бой вы пойдете уже коммунистами.

И я в тот день был беспредельно счастлив, хотя и была у нас только одна привилегия: первым – в бой, последним – из боя. Возможно, кто-то хмыкнет: какая же это привилегия – идти первым на смерть. Я был горд доверием быть первым в бою, горд доверием отвечать на трудные вопросы. А отвечать надо было не столько словами, сколько действиями, значит, «вперед!».

Тех, кто шел вперед не очень уверенно, в партию не принимали. Например, в апреле 1943 года Слуцкий межрайком партии (были и такие структуры во время войны) отменил решение партийной организации отряда имени Чапаева о приеме кандидатом в члены партии В.М. Лашука. Объясняли это тем, что еще недостаточно проявил себя в борьбе с оккупантами. Тогда же Любанский подпольный райком отменил решение первичной партийной организации отряда Шваянова о приеме в члены ВКП(б) М.В. Стерина. И тоже мотивировал «пассивным участием в боевых операциях».

Сведения эти я нашел, между прочим, в справке того самого И. Бондаря, которого лечил после ранения в 1941 году. Добавлю к этому, что выбирать для приема в партию было из кого.

Партийные организации только партизанских отрядов Минской области с января по август 1943 года приняли кандидатами и членами ВКП(б) почти 800 человек. Не ошибусь, если подчеркну, что именно во время борьбы в тылу врага единство партии и народа, комсомола и всей молодежи было как никогда крепким.

И еще об одном скажу. Нельзя упрощенно представлять и

изображать руководящую и организующую роль коммунистов и комсомольцев, партийных и комсомольских органов.

Нельзя все сводить к принятию решений Центральными комитетами и подпольными обкомами. Кто из рядовых партизан читал тогда эти постановления? Мы воевали, а не писали бумаги. И не могли их писать.

Штабные канцелярии появились у нас в 1943 году. Этим занялись специально присланные из-за линии фронта люди. А до этого многие решения принимались командирами и комиссарами во время обмена мнениями у костра. Договаривались о том, как действовать, и действовали.

О многих постановлениях я узнал уже после войны. Главным был личный пример коммуниста и комсомольца. И мы шли туда, где трудно, где опасно. Секретарь Ивановского подпольного райкома комсомола Александр Барский планировал встречу со своими активистами в деревне Кривица, а нарвался на полицаев. Отстреливался до последнего патрона. Его, раненного, добили прикладами. Я хорошо знал этого парня из Москвы, сам и рекомендовал его секретарем райкома комсомола.

Были и листовки, и сводки Совинформбюро, и партизанские газеты потом появились. Листовки печатали на машинках. В уже упоминавшемся отчете нашей бригады комбриг и комиссар отметили комсомолку машинистку Анну Тарасенко, которая за три месяца напечатала 17 000 экземпляров листовок, сводок, обращений, а также машинистку, кандидата партии, Екатерину Тимашук, которая «за зиму отпечатала на машинке более 22 тысяч экземпляров…».

К этому времени, говорилось в отчете, Ивановским РК КП(б)Б уже выпускалась «своя районная газета «Партизан Полесья», приступил к выпуску газеты и Дрогичинский РК КП(б)Б… С мая по 15 октября 1943 года выпущено 44 500 экземпляров газет, сводок, листовок». Но не немецкая же почта приносила их в городские и деревенские дома. Доставить их можно было только конспиративным путем. И часто с риском для жизни, пешком, ползком.

Когда в 1942 году М.В. Зимянин и К.Т. Мазуров поручили мне уделить особое внимание Ивановскому, Дротичинскому, Телеханскому и другим районам с тем, чтобы воссоздать там полноценные подпольные райкомы комсомола, я на своих двоих вдоль и поперек обошел эти районы.

Агитировали мы не только газетами и листовками. В деревнях выступали коллективы партизанской художественной самодеятельности. Была такая и в нашей бригаде. Концерты проводились где-нибудь на лужайке, собиралось много людей.

Устанавливались радиоприемники для прослушивания передач из Москвы. В это время партизанские врачи вели прием больных, бойцы помогали на полевых работах.

Только за третий квартал 1943 года врачами нашей бригады им. Молотова, по архивным данным, «было обслужено 1188 человек гражданского населения. Все это создавало среди населения огромный авторитет бригаде и вообще партизанскому движению».

По себе знаю, каким прекрасным местом для агитации среди молодежи были… танцы. Соберутся в крестьянской хате девчата на посиделки, куделью прясть. Через некоторое время гармонист подойдет, меха растянет. Тогда долой прялки, начинаются танцы.

Мы, молодые партизаны, тоже душу отводили. Полька, краковяк, падеспань. «Ах ты, полечка-красуха, дождь идет – дорога суха…». Пыль столбом. Разгорячимся, потом присядем отдохнуть. Вот тогда начинаются разговоры, нужные для дела. Но это было уже на втором этапе войны, а в 1941 году нам было не до танцев.

Лучше всего агитировали наши дела. В оккупированном райцентре Иваново местные подпольщики в двух местах вывесили красные флаги. Заминировали подступы к ним. При попытке снять один из флагов подорвался полицейский. Второй флаг развевался над городом несколько дней, и крестьяне из окрестных деревень под разными предлогами старались попасть в город, чтобы посмотреть на это красное полотнище. Оно было для них символом близкого освобождения.

Серьезной пропагандистской затеей, получившей широкую огласку и поддержку среди населения, стало написание в 1943 году партизанского письма Гитлеру. Я тоже принимал участие в его составлении как комсомольский комиссар. Письмо было почти стихотворным. Привести его в печати дословно невозможно и сейчас, потому что слов мы не выбирали. Точнее, выбирали, но самые острые, самые ругательные. Чтение этого письма в отрядах и деревнях поднимало настроение всем без исключения. Хохот стоял громовой.

Мы старались иметь своих людей в каждой деревне, через которую проходили наши отряды. Пока комиссар с командиром проводили собрание или митинг, Шая Беркович, я, Иван Чуклай подбирали надежных парней и девчат, которые становились потом нашими глазами и ушами. Начало этому положила еще Ольга Александровна Сысоева в 1941 году, определив первые явки, пароли, конспиративные дома и квартиры.

С представителями ЦК мы встречались лично и тоже во вражеском тылу. Зачастую они сами приходили в наши бригады и

отряды. Мазуров своими ногами протопал по Минской, Пинской, Полесской, Брестской партизанским зонам. Впервые встретиться с Кириллом Трофимовичем мне довелось осенью 1942 года. Тогда меня радиограммой вызвали в Любанский район Минской области на беседу с представителем БШПД и секретарем белорусского ЦК комсомола «Виктором».

Из Хоростова, где мы располагались, до Любанщины дорога не близкая, но и не далекая, сегодня на автомобиле можно за два часа доехать. А тогда суток за четверо дошел. По пути – гарнизоны, случались засады немецкие. Выручали знакомые лесные тропы, исхоженные мной еще в 41-м.

Доложился в штабе Минского соединения. Вышел человек еще молодой, но старше меня лет на восемь. В гимнастерке, пилотке, сапогах. На груди – медаль «За отвагу». Представился: «Виктор». Военная выправка. Стройный, подтянутый. Беседа была обстоятельная.

Его интересовало все, что делается на Пинщине, в Старобинском, Житковичском, Краснослободском, Любанском, Стародорожском, Слуцком районах, т.е. там, где я провел 1941-й и начало 1942 года. Людей и обстановку я знал. Обсудили кандидатуры будущих секретарей райкомов комсомола. Я посоветовал А. Майстренко в Любанский район, Е.Узенюка в Ганцевичи, А. Ковалева – в Ленинский район, А. Кубасова – в Лунинецкий.

«Товарищем Виктором» был К.Т. Мазуров, секретарь ЦК ЛКСМБ и уполномоченный Белорусского штаба партизанского движения. Партизаны, и молодые и старые, уважали его за смелость, отвагу, простоту, ум и добросердечность. Он внес весомый личный вклад в организацию подполья и партизанского движения.

Во второй раз встретились осенью 1943 года. «Виктор» прибыл в западные районы Пинщины. От Хоростова до Днепробуга он и его ребята не раз попадали в экстремальные ситуации. Отстреливались из автоматов. Опять был подробный разговор. Но не обошлось и без «взбучки»:

– К тебе претензии со стороны ЦК комсомола Белоруссии.

– Воюю плохо?

– Нет, в этом нет претензий.

– А в чем?

– Очень мало пишешь докладных о работе.

– Так главное для меня, Кирилл Трофимович, воевать, дело делать, а не писать.

– Писать тоже надо. И подробно. Желательно и дневники вести. Каждый день.

Лишь потом я понял и оценил важность этого совета. Как бы все пригодилось сейчас. Был и еще один упрек:

– Ты почему не слушаешь советов старших?

– О чем Вы?

– По-прежнему лезешь в каждый бой. Твое дело руководить подпольем, райкомами, а не в атаку рваться!

Я не мог скрыть своего недоумения.

– Да, да. В Пинском соединении – тысячи партизан. Уже есть кому ходить в бой, это не 1941 год.

Видит, что до меня не доходит смысл его слов, и объясняет:

– Представь, что ты погибнешь в бою. С тобой будут утрачены связи, явки и т.п. И начинай все сначала. Пойми, ты отвечаешь не только за себя, но и за сотни людей.

Не могу сказать, что в полной мере выполнил эту установку. Для нашего поколения манера самому «лезть во все дырки» стала привычкой на всю жизнь. В первые послевоенные годы мы просто не умели сидеть в кабинетах. И от условностей мирной жизни отвыкли.

Август 1944 года. Столовая. Пообедали, поднялись – и на выход. Официантка Вера:

– А талоны на хлеб, на питание, ребята. Опять забыли отдать.

Возвращаемся, отдаем хлебные карточки и талоны, да еще и ворчим:

– Зачем каждый раз отдавать карточки? Забери сразу все, на месяц. И не приставай каждый день к нам с одним и тем же: талоны, карточки.

– Ну, ребята, вы же не каждый день обедаете. Пропадут талоны.

– Забирай, забирай все. Нам, холостякам, они не нужны.

Когда через три года после войны я впервые появился среди коллег не в гимнастерке, галифе, сапогах и фуражке, а в шляпе и при галстуке, это вызвало всеобщее оживление: «Во дает…» Не просто было переходить к цивильной жизни: к нормальному распорядку, нормальному костюму.

Отвыкли мы и от денег. Потом заново жизнь приучала. По прежней привычке, приобретенной в военное время, мы всегда рвались туда, где горячо. После освобождения области от оккупации назначили (тогда не избирали) меня первым секретарем Пинского горкома комсомола. Осенью 1944 года поздно вечером раздался телефонный звонок. Звонил недавний начальник штаба партизанского соединения Николай Степанович Федотов:

– Лошадь есть? Седлай ее и при оружии скачи сюда.

Разбудил партизанского ординарца Якова Лебедя – его

определили конюхом в штат горкома:

– Седлай коней!

Автомат, пистолет всегда с собой, патроны и гранаты в вещмешок – и к штабу. Федотов ввел в курс дела. Бандеровцы большим отрядом, человек четыреста, двигаются из соседней Волынской области, чтобы захватить областной город. Он казался легкой добычей. В городе гарнизон небольшой. Охрана госпиталя моряков речной флотилии, несколько десятков милиционеров, эскадрон партизан. Учитывая, что в заречной части Пинского района никто из них не партизанил, а я и до войны работал в этом районе, и в 1943–1944 годах прошел все стежки-дорожки, то и надежда на меня возлагалась большая.

Продвинулись с эскадроном и милицией за Пину километров на 20 – 30. Банда в бой не вступала. Возможно, не все еще подтянулись, а может, не успели разведать противника, то есть нас. Группа их конников выскочит на опушку леса, постреляет и наутек. И так день, другой.

На третий день приезжает на «Виллисе» начальник областного управления НКВД полковник Циткин. Человек видный (носил пенсне в золотой оправе), интеллигентный, а покрыл меня таким трехэтажным матом:

– Тебя третий день ищут в городе, а ты здесь околачиваешься. Быстро в машину!

Не пойму, за что ругает, но коня передал ординарцу – и в Пинск. В обкоме получил взбучку. Оказывается, в область приехал секретарь ЦК комсомола Белоруссии Кирилл Трофимович Мазуров. На следующий день попросил, чтобы секретарь горкома комсомола пришел, а его в городе нет. Работники горкома тоже не знали, где я. Уехал-то в ночь. Никого не предупредил.

– Где секретарь горкома? Возможно, загулял, парень молодой, всяко может быть.

А может… Тогда часто по ночам постреливали. Офицера убьют или ранят. Навели справки в военной комендатуре, в больнице, морге. ЧП за последних несколько суток не было. Тогда кто-то догадался: раз исчезли двое, а с ними лошади и оружие – значит, наверное, гоняются за бандой.

Конечно, несерьезно поступил. Бросить горком, никого не предупредить… Но и понять можно: молодой, не отвык еще от автомата. В бой, в родную стихию.

Мазуров, человек мудрый, пожурил, дал совет, чем заниматься в ближайшие месяцы: нужно создавать первичные комсомольские организации, проводить молодежные воскресники по восстановлению предприятий и т.д. Но он и сам любил все посмотреть собственными глазами, пощупать своими руками.

Ну а секретарь обкома Клещев:

– Нордман – мальчишка несерьезный, надо освобождать.

Заступилась Ольга Александровна Сысоева, секретарь горкома партии:

– Пусть пойдет ко мне, помощником.

Так закончилась моя комсомольская карьера. Тоже на партизанской ноте. А с Кириллом Трофимовичем Мазуровым мы потом встречались много раз. Когда он был председателем Совмина Белоруссии, мог один за рулем «Победы» и в выходной день приехать в Телеханский район, где я работал первым секретарем райкома партии. Пообедаем чем Бог послал, побеседуем о житье-бытье с хозяйкой дома, у которой я с семьей снимал квартиру, а потом, не привлекая к себе внимания, поедем по хозяйствам.

Такие беседы и поездки нередко дают для ума и дела больше, чем комплексные проверки целыми комиссиями. Встречались мы и в ЦК КП Б, где он был первым секретарем, и потом, когда он стал членом Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем главы правительства СССР. У самого А.Н. Косыгина заместителем, не у кого-нибудь. А тот знал цену людям.

Мне и сейчас приятно, что Кирилл Трофимович хорошо ко мне относился. Не покровительствовал, а именно хорошо относился. В одно время даже пошла сплетня, что я женат на его сестре. Не спорю, почитал бы за честь иметь такого достойного во всех отношениях родственника, но жена моя родилась в простой рабочей семье на Смоленщине, далеко от тех мест, где родился и вырос Мазуров, в войну была санинструктором стрелковой роты.

В своем приватном кругу мы, белорусские партизаны, не раз рассуждали на тему, почему Кирилл Трофимович не стал Героем Советского Союза. Мы же знали, что в 1942 году, когда решено было взорвать хорошо охраняемый мост на реке Птичь, операция успешно завершилась благодаря Мазурову.

В решающую минуту, когда штурмовавшие мост партизаны дрогнули и попятились назад, именно Мазуров возглавил атаку роты автоматчиков отряда имени Гастелло, которая и решила исход боя. Потом, в 1980-е годы, Кирилл Трофимович кое-что рассказал мне сам:

– Пришел ко мне в Кремль Василий Иванович Козлов. Он уже был неизлечимо болен. И говорит: «Кирилл, я вот из больницы сегодня выписался, недолго мне осталось жить. Пришел к тебе попросить прощения. Это я порвал наградной лист на представление тебя к званию Героя Советского Союза. Обижен был тогда за резкую критику».

Но это уже картинка из другой оперы. Точнее, гримаса. Да и

не бывает жизнь без гримас. Все мы – живые люди, с достоинствами и недостатками. Не роботы.

Рядом с Кириллом Трофимовичем Мазуровым я обязательно поставил бы Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко, который еще до войны стал первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии. Во время войны руководил Центральным штабом партизанского движения, а после войны возглавлял ЦК КП(б)Б и белорусское правительство одновременно.

Пантелеймон Кондратьевич впоследствии, еще при Сталине, стал секретарем ЦК ВКП(б), потом министром заготовок СССР. После смерти Сталина был назначен министром культуры, работал первым секретарем ЦК Компартии Казахстана, в качестве Чрезвычайного и Полномочного посла представлял интересы СССР в Индии, Непале, Голландии, в Международном агентстве по атомной энергии в Вене. Перечень должностей убедительно говорит о том, что П.К. Пономаренко был человеком разносторонних способностей и энциклопедических познаний.

Во время войны Пантелеймон Кондратьевич проявил себя как настоящий партизанский полководец. Он тонко почувствовал разницу между регулярными частями и идущим снизу народным движением сопротивления.

Это Пономаренко возразил против затеи направлять в немецкий тыл регулярные соединения Красной Армии. Он понимал, что никакие специально подготовленные диверсанты не могут быть альтернативой, так сказать, «домашним партизанам». Доказывал, что даже отлично вооруженная и обученная группа или отряд профессионалов не может вести длительную и успешную борьбу без поддержки населения, местных патриотов. Профессионалы осуществляют крупные диверсии, но долго удержаться в тылу врага не способны.

Опыт Эстонии, где поддержка партизанскому движению была очень слабой, – яркое тому подтверждение. А ведь диверсии и боевые действия в тылу врага – это еще не все. Важнее всего – организовать массовое движение сопротивления, поддерживать моральный дух населения, что не менее важно, чем удачные диверсии. Такие задачи не под силу чистым диверсантам.

Пономаренко возразил против ликвидации в партизанских формированиях института комиссаров и обратился с письмом к Сталину. Ведь поначалу после указа Президиума Верховного Совета СССР «Об установлении полного единоначалия и упразднении института комиссаров в Красной Армии» от 9 октября 1942 года такой же принцип решено было распространить и на партизанские отряды, бригады.

П.К.Пономаренко счел это ошибкой и подготовил

специальную записку. Он исходил из того, что «партизанское движение есть народное движение, строится оно на других условиях, чем Красная Армия… Народные массы включаются в активную партизанскую борьбу не по приказам, а по призыву партии и в результате большой политической работы, проводимой в тылу подпольными партийными организациями и партизанскими отрядами.

Набор в партизанские отряды проводится среди граждан, которые добровольно решили стать партизанами. Здесь главную роль играет, безусловно, политическая работа. Она решает успех дела.

Само существование отрядов, их боеспособность также в огромной мере зависят от политической работы, и, как показывает практика, основную роль в деле дальнейшего расширения движения играют комиссары существующих партизанских отрядов. Они центр тяжести своей работы видят среди мирного гражданского населения, в подъеме всех трудящихся на борьбу с оккупантами, в создании скрытых резервов партизанского движения в городе и на селе. Население видит в лице комиссаров отрядов представителей партии и советской власти».

В январе 1943 года институт комиссаров в партизанах был восстановлен. Находясь в глубоком тылу врага, мы даже не слышали об этих перипетиях. Но хорошо знали, что немцы и полицаи призывали убивать комиссаров в первую очередь. Не было никакой пощады и их семьям. А это уже само по себе красноречиво говорило о том, какую роль в развитии партизанского движения, укреплении партизанских отрядов играли комиссары.

Французский президент Клемансо сказал, что война – это слишком серьезное дело, чтобы доверять его только военным. Я тоже смею утверждать, что партизанские командиры и комиссары часто лучше профессиональных военных понимали, как надо воевать в тылу врага. Не говоря уже о профессиональных политиках.

Значение, которое может иметь широкое партизанское движение, Сталин понял сразу. Уже 12 августа 1941 года в беседе с генералом И.В.Болдиным он сообщил, что в Москве будет сформировано управление по руководству партизанским движением.

В конце 1941 года началась работа по созданию Центрального и областных штабов партизанского движения. Этого требовали жизнь и борьба. Партизанские отряды создавались многими организациями: партийными,

комсомольскими, НКВД. В ряде случаев они возникали стихийно. Надо было сводить все воедино. И уметь сводить. Потому подбирались специальные кадры для таких штабов, была разработана их структура.

30 мая 1942 года было принято решение создать Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД) при Ставке Верховного Главнокомандования. Начальником ЦШПД был утвержден П.К. Пономаренко, к тому времени уже опытный политический работник.

Были созданы Украинский штаб (Т.А.Строкач, НКВД), Белорусский (П.З. Калинин, второй секретарь ЦК КП Белоруссии), Карело-Финский (С.Я. Вершинин, НКВД), Литовский (А.Ю. Снечкус, секретарь ЦК КП Литвы), Латвийский (А.К. Спрогис – НКВД), Эстонский (Н.Г. Каротамм, первый секретарь ЦК КП Эстонии), а также областные штабы для оккупированных территорий РСФСР.

Среди руководителей этих штабов не было ни одного строевого командира, скажем, генерала. И это не случайно. Не хочу бросать тень на генеральские погоны, сам ношу их много лет, сам воспитал полдюжины генералов, в том числе с большим количеством звезд, чем у меня. Но все же скажу, что «строевая косточка» любит четкий приказ, да в письменном виде. И чтобы в нем было строго прописано, что и когда надо сделать, какова сфера действий того или иного командира и его ответственность.

Партизанские условия требовали других подходов, иного способа мышления и понимания той же ответственности: соображай быстрее, мысли нестандартно, бери на себя больше, действуй в зависимости от ситуации и напористо. А сфера действий – все, что вокруг тебя. И отвечаешь за все, что вокруг тебя.

Офицеры и бойцы спецслужб лучше подходили для таких ситуаций, чем армейские командиры. Надо отдать им должное, они тоже много сделали для повышения эффективности войны в тылу врага, особенно на втором этапе войны. Я знаю это, потому что наши отряды и бригады часто базировались и воевали бок о бок со спецотрядами, подготовленными и сформированными в школах генерала П.А. Судоплатова.

Вот почему руководителями штабов партизанского движения стали не строевые офицеры, а политические работники и сотрудники спецслужб. Начальники этих штабов и представители ЦШПД были утверждены членами военных советов фронтов. Командующие фронтами получили возможность организовывать оперативное и тактическое взаимодействие партизанских сил и войск, увязывать с партизанами сроки и темпы наступательных

операций Красной Армии.

Г.К. Жуков написал: «Если в первый год войны в руководстве партизанским движением еще не было должной организованности и централизации, то в последующем Ставка управляла военными действиями в тылу врага уверенно и твердо. Это делалось через созданный при ней Центральный штаб партизанского движения…

Кроме Центрального штаба были созданы республиканские и областные штабы партизанского движения. В результате появилась реальная возможность направлять действия всех сил партизанского движения в интересах армии, координировать взаимодействие партизанских отрядов с операциями фронтов».

Генерал-полковник вермахта Л. Рендулич отмечал после войны: «Централизованность руководства партизанскими отрядами была очевидна, ибо при подготовке и проведении какого-либо значительного наступления немецких или русских войск партизаны в этом районе немедленно активизировали свои действия с целью дезорганизации снабжения и срыва связи между частями немецкой армии, захвата и ликвидации складов с боеприпасами и нападения на места расквартирования войск. Эти действия стали тяжелым бременем для армии и представляли собой немалую опасность».

Однако надо признать, что на первом этапе войны такой централизации и взаимодействия явно не хватало. А тем более частям Красной Армии недоставало опыта ведения борьбы в окружении. Если бы до войны командиров Красной Армии учили не только наступать на фронте, но и действовать в тылу врага, обучали бы партизанской тактике, то в плену у немцев не оказались бы миллионы красноармейцев. Эту тактику нам приходилось осваивать по ходу действий. Жизнь заставила.

Много было составляющих у партизанского успеха. А он несомненен.

НАШ ОТВЕТ ГИТЛЕРУ

Приступая к этой теме, осмелюсь отметить и еще один момент. У историков, кадровых армейских офицеров долгое время замечалось несколько пренебрежительное отношение к партизанским формированиям. Живущий доныне термин «партизанщина» означает неважную организованность и невысокую боеспособность. Что, мол, они могут, необученные и необстрелянные мужички в разномастной одежде, которые толком строем ходить не умеют!

Война опровергла такие суждения, но не изжила. И это до сих пор мешает нашим военным, историкам, даже политикам дать полную и всестороннюю оценку партизанскому движению. Они воспринимают партизанское движение со своей точки зрения: это, мол, силы вспомогательные, а главную задачу все равно решать армии, помогут партизаны или нет. Конечно, по большому счету войны это действительно так, главное слово говорит регулярная армия. И все-таки…

Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский, А.М. Василевский, И.С. Конев, А.А. Гречко, И.И. Якубовский, К.А. Мерецков, К.Е. Ворошилов и другие высоко оценивали роль партизанского движения во время Великой Отечественной войны. Но в общих словах: это было серьезное движение, партизаны помогли Красной Армии. Однако дальше фраз, характерных для газетных передовиц, они не шли.

Приведу строки из воспоминаний А.М. Василевского:

«По опыту своей работы в Генеральном штабе я могу с полным основанием утверждать, что партизанское движение и борьба народа в тылу врага играли роль важного фактора в общих стратегических планах и расчетах Советского Верховного Главнокомандования и принимались во внимание при разработке крупных наступательных операций…». Опять, как говорится, очень округло.

Смею предположить, что немцы смотрели на нас несколько по-другому. Мы им были как кость в горле, серьезно мешали выполнять главную задачу. И оценка партизанской войны немцами в их тылу вышла за пределы чисто военного взгляда на ведение боевых действий. Мне придется оперировать источниками, так сказать, «с той стороны».

Есть и еще два момента, которые побуждают меня поступить таким образом.

Во-первых, прежние авторитеты теперь не в цене. Многие журналисты, люди других профессий, которые вдруг стали

историками, уже много лет заняты гробокопательством с целью найти компромат на тех, кто еще недавно числился в кумирах. На того же Жукова, Рокоссовского… Сколько у них было жен, какие между маршалами случались стычки. Можно подумать, это главное, что они совершили в жизни. Бывает, в ход запускается откровенная клевета.

Во-вторых, в нашем обществе все-таки живуче мнение, что нет пророка в своем отечестве. Вот если в «европах» что-то отметят и назовут хорошим, тогда это в самом деле хорошо. Очень точно на сей счет выразилась московская журналистка, моя землячка из Беларуси Ядвига Юферова: «Мы любим носить валенки, купленные в Париже». Пусть будут простые валенки или какой-либо иной плевый товар, но из Парижа. Вот тогда будет настоящий повод для гонора. Все это достойно сожаления. Потому я, как обещал, процитирую бывших наших противников.

Самым трудным периодом для партизан была первая военная зима. Тем не менее, вот как оценил наши действия в тот период немецкий аналитик Г. Теске:

«Первая битва, которую проиграл вермахт во второй мировой войне, была битва против советских партизан зимой 1941/42 года. Затем последовали дальнейшие поражения в этой борьбе… В основном они состояли в том, что с самого начала инициатива находилась у партизан и осталась у них до конца войны».

А вот другие примеры эффективности партизанских действий. Советская авиация доставила партизанам 12 885 тонн оружия, боеприпасов и других грузов. В то же время она сбросила на врага около миллиона тонн авиабомб.

Только на железные дороги было сброшено около 100 тысяч тонн авиабомб. И вся эта масса динамита нанесла ущерб в десять раз меньший, чем партизаны своими диверсиями, израсходовав немногим больше 1000 тонн взрывчатки. Между тем все доставленные партизанам грузы составили около 1,5 процента сброшенных на врага бомб.

Кто-то скажет: попробуй попасть бомбой в рельс с полукилометровой высоты. А я отвечу: попробуй подобраться к этим рельсам, если они денно и нощно охраняются противником. Попробуй пронести мины на железнодорожную станцию, которую стерегут еще более тщательно. А ведь проносили, устанавливали мины, взрывали.

Комсомолец Ф.А. Крылович 30 июля 1943 года на станции Осиповичи смог установить две магнитные мины на эшелон с топливом, который шел к фронту. По каким-то причинам немцы на время отогнали этот эшелон на запасные пути, где уже стояли еще три эшелона с танками, снарядами, авиабомбами и

продовольствием для фронта.

В результате взрыва и пожара все четыре эшелона сгорели. Огонь бушевал много часов. Сгорели также угольный склад и паровозное депо. Важнейшим результатом этой диверсии стало уничтожение целого эшелона с «тиграми», который направлялся в район Курской дуги.

Приведу слова немецкого полководца Х. Гудериана: «По мере того как война принимала затяжной характер, а бои на фронте становились все более упорными, партизанская война стала настоящим бичом. Она сильно влияла на моральный дух солдат».

«Советское партизанское движение 1941–1944 гг., – написал через одиннадцать лет после войны американский историк Э.Х. Хауэлл, – созданное в тылу германских армий, которые вторглись в СССР в 1941 году, было как по замыслу, так и по масштабам величайшим партизанским движением сопротивления в истории войн… Тот, кто сейчас составляет военные планы, должен изучить как советский опыт организации и использования партизанского движения, так и немецкий опыт борьбы с ним…».

Огромную помощь армии оказали партизаны и в получении сведений о противнике. Это подтверждается следующим примером. Вот одна из шифровок 1944 года:

«Сообщаю данные по г. Пинску на 13 февраля. До середины января в городе наблюдалось большое скопление войск. Теперь осталось четыре тысячи солдат, расквартированных в казармах. Здесь же база боеприпасов (по улице Логишинской). В конце Брестской улицы и возле еврейского кладбища установлены зенитки. В зданиях спичечной фабрики ремонтируются орудия. По дороге на Галево роют окопы и устанавливают проволочное заграждение. Нефтебаза на Брестской улице имеет запас бензина 200 тонн, керосина – 100 тонн, 100 тонн масла. Другая база с таким же количеством горючего находится в восточной части пригорода. Штаб командования воздушными силами помещается по Ленинской улице, дом №5. В прилегающей к Пинску деревне Подгатье – 500 немцев и 80 танков, из них 40 тяжелых, в деревне Ставка – 300 немцев, 40 танков. Па данным разведки, эти части должны выбыть в Ивацевичи через Логишин и Телеханы».

Только за шесть месяцев 1944 года партизанские разведчики передали разведорганам фронтов 5865 оперативных документов, захваченных у противника. Накануне Белорусской операции партизаны и подпольщики сообщили ценные данные о расположении 33 штабов противника, 30 аэродромов, 70 крупных складов, о составе 900 вражеских гарнизонов и около 240 частей, о направлении движения и характере перевозимых грузов 1642 эшелонами противника.

Партизаны вели, по сути, круглосуточную разведку на тысячекилометровую глубину немецкого тыла. Номера воинских частей, их численность, направление движения, количество техники, качество вооружения – эти данные стекались в Центр из сотен и тысяч источников, тщательно анализировались.

С весны 1942 года борьба партизан на коммуникациях и линиях связи противника приобрела массовый характер и превратилась в настоящий бич для немецко-фашистской армии. Вот несколько записей в дневнике Геббельса:

«6 марта 1942 года. В донесении СД сообщается о положении в оккупированной России. Оно еще более неустойчиво, чем все предполагали. Опасность со стороны партизан растет с каждой неделей. Партизаны безраздельно господствуют над обширными территориями оккупированной России…

29 марта 1942 года. Деятельность партизан в последние недели заметно усилилась. Они ведут хорошо организованную партизанскую войну. До них чрезвычайно трудно добраться.

29 апреля 1942 года. Партизаны в оккупированных районах по-прежнему представляют огромную угрозу для нас. Этой зимой они поставили нас перед большими трудностями, которые отнюдь не уменьшились с началом весны».

В докладе начальника тылового района группы армий «Центр» генерала пехоты Шенкендорфа главному командованию отмечалось: «Приказ Сталина создать в тылу немецкой армии невыносимые условия для врага недалек от своего выполнения». 20 сентября 1942 года он написал в своем донесении: «За период с 24 августа по 17 сентября вместо 672 составов проследовало 343 состава, т.е. вместо 28 составов, которые должны проходить ежедневно, следовало только по 14,3 состава в день. Причина: … возросшие диверсии на железнодорожных линиях. Наступило время, когда истощение армейских запасов в связи с недостаточным подвозом оказывает непосредственное воздействие на армии».

На войне коммуникации играют особую роль. Наполеон считал, что секрет военного искусства заключается в способности стать хозяином коммуникаций. На советско-германском фронте во время второй мировой войны железная дорога представляла собой обнаженный и уязвимый нерв германской армии. Причем в своем глубоком тылу оккупанты располагали меньшими возможностями для восстановления коммуникаций, так как саперные, строительные, железнодорожные части и техника располагались в прифронтовой полосе.

Крушения поездов приводили к перерывам в движении, потерям и перебоям в доставке фронту боеприпасов, вооружения,

бензина, продовольствия, а также войск. В результате возрастали сроки намеченных операций, войска терпели лишения, снижался их боевой дух. Потери паровозов, вагонов и цистерн были огромными. Взрывы путей и мостов, нападения на железнодорожные станции и водокачки, диверсии в депо и мастерских, а также действия партизан на автомобильных дорогах, водных путях и линиях связи существенно ослабляли мощь вермахта.

Вспоминаю нашу операцию по захвату поселка и железнодорожной станции Синкевичи. Сначала небольшая группа подрывников пустила под откос эшелон с боеприпасами. Снаряды и бомбы рвались целые сутки. Затем два отряда нашего соединения – имени Кирова и имени Шиша – атаковали гарнизон в Синкевичах. Немцы потеряли 74 человека убитыми и 14 ранеными.

Но главным результатом этой атаки стал подрыв железнодорожного моста через реку Лань. На 21-й день было остановлено движение на магистрали Брест—Гомель—Брянск. А ведь такая операция украсила бы журнал боевых действий регулярного армейского полка или даже дивизии.

Начальник военных сообщений группы армий «Центр» Исмер в донесении №1671/42 от 29.08.42 г. сообщал: «… вся железнодорожная сеть в тылу группы армий «Центр» между Брестом и фронтом подвергается систематическим нападениям в широком масштабе. Усиление нападений в треугольниках Невель—Полоцк—Витебск и Витебск—Орша—Смоленск превратило эти дороги в зону военных действий. В результате стало невозможным регулярное движение на… основной железнодорожной артерии фронта».

Украинские и белорусские партизаны, которые действовали на линиях Брест—Пинск, Ковель—Ровно, Сарны—Лунинец, по существу, закрыли их для движения вражеских поездов, сократив пропускную способность более чем в 10 раз и снизив скорость движения поездов до 8–10 километров в час.

Командир охранного батальона В. Ределис писал о партизанах: «Они с удивительной ловкостью и поразительным знанием дела минировали дороги и мосты. Если не было мин, они изготавливали их сами».

Многочисленные диверсии сеяли ужас среди немецких железнодорожников и охраны. На дежурство и в поездку шли, как на казнь. 24 июля 1943 года газета «Берлинер берзенцайтунг» сообщала о поездке на Восток заместителя министра транспорта Ганценмюллера:

«Самое большое впечатление на нас произвел образ

машиниста, который вел длинный состав с людьми и ценными грузами… Он ведет свой состав через сумрак ночи, и никто не знает, что ждет машиниста и его поезд в эту ночь. Эта поездка может окончиться смертью. Каждая поездка ведет в неизвестность, и среди тех, кто обслуживает поезда германских дорог на Востоке, нет ни одного, кто днем или ночью не пережил таких приключений, какие обычно бывают уделом солдата, сражающегося на фронте. Среди них, пожалуй, нет ни одного, чей паровоз не был бы обстрелян на полном ходу из засады, ни одного, кто не мог бы рассказать о том, что испытывает человек, когда внезапно раздается взрыв, разрушающий полотно и с грохотом срывающий с рельсов полдюжины вагонов».

Взрывая мосты, партизаны серьезно нарушали коммуникации. Взрыв небольшого моста останавливал движение на несколько дней, среднего – на 10–15 дней, крупного – до 40–50 дней.

Советские партизаны обрушили свои удары на 378 железнодорожных узлов и станций. Особой главой в историю партизанской борьбы в годы Великой Отечественной войны вошли операции под названием «рельсовая война». Она стала примером скоординированных действий партизан и подпольщиков по выводу из строя железнодорожных коммуникаций и была развернута на фронте длиной в 1000 километров и на 750 километров в глубину.

Первый удар был нанесен 3 августа 1943 года. В ставку Гитлера 6 августа пришло донесение: «За последние ночи существенно изменилось положение на железных дорогах из-за молниеносно проведенной серии взрывов, которые парализовали все движение в тылу группы армий «Центр». Главный поток снабжения в августе сократился на 35,1 процента».

Командир корпуса охранных войск группы армий «Центр» докладывал начальству: «Впервые проведена операция небывалых размеров по срыву немецкого подвоза путем планомерного и внезапного нарушения железнодорожного сообщения. 6684 взрыва за первые две ночи». И это происходило в решающий для немцев период – во время Курской битвы.

19 октября 1943 года начался второй этап «рельсовой войны» под названием «Концерт», который длился две недели. Оккупанты вынуждены были снимать рельсы с второстепенных путей в Западной Европе и срочно доставлять их в Беларусь и другие прифронтовые регионы. Но и это не помогало. Интенсивность движения, по признанию самих немцев, снизилась на сорок процентов.

Мощный удар по коммуникациям противника партизаны

нанесли в ночь на 20 июня 1944 года. Они уничтожили 40 775 рельсов, особенно на главных направлениях движения: Брест—Минск—Орша, Брест—Лунинец. Это парализовало тыл противника перед самым началом операции «Багратион». «Рельсовая война» вышла за рамки тактического значения, приобрела стратегический характер.

Нарушение партизанами телеграфно-телефонной связи также тяжело отражалось на управлении войсками противника. На огромных территориях враг был лишен проволочной телефонно-телеграфной связи, вынужден был перейти на использование радиостанций.

Радиоузлы не всегда справлялись с огромной нагрузкой. В дополнение к этому частое нарушение связи вызывало у сотрудников оккупационных структур состояние непрерывного страха, подавленности и парализовало их деятельность.

Только за октябрь-декабрь 1943 года партизаны Борисовско-Бегомльской зоны в Белоруссии разрушили связь 779 раз. Была выведена из строя даже линия Берлин – группа армий «Центр». Всего с 1941 года по июль 1944-го партизаны разрушили в тылу противника более 15 тысяч километров гражданских и военных линий связи.

Во второй мировой войне, войне моторов, жидкое топливо имело стратегическое значение. Партизаны и подпольщики взрывали нефтебазы, поджигали цистерны, уничтожали склады горючего, включая и мелкие.

Генерал-полковник К. Типельскирх признавал: «Возникли трудности со снабжением войск, которые затем стали хроническими и постепенно превратились в настоящее бедствие».

В одном из документов Оберкомандовермахта (Верховное командование сухопутных войск) о материальном снабжении войск при подготовке битвы на Курской дуге говорится: «Особенно сократилось снабжение горючим, которое было затруднено в результате действий партизан». «В эти дни, – уточняет К. Типпельскирх, – в 6-м воздушном флоте ощущалась такая нехватка горючего, что командование не могло полностью использовать даже имевшиеся слабые силы. Недостаток горючего не позволял перебросить на автомашинах хотя бы одну пехотную дивизию с фронта группы армий «Северная Украина».

Приведу также слова начальника Центрального штаба партизанского движения П.К. Пономаренко:

«Быстрота осуществления маневра силами и средствами была одной из самых сильных сторон германской армии. Маневр – основа оперативного искусства, и захватчики мастерски умели его осуществлять. Коммуникации, особенно железнодорожные,

имели значение оперативного фактора первостепенной важности. Непрерывно нападая на них, партизаны срывали или замедляли перевозки войск, техники и грузов снабжения.

Намеченные противником сроки перегруппировки войск срывались, таким образом время – важнейший элемент маневра – стало неуправляемым. Фашистское командование потеряло возможность и уверенность осуществить их своевременно, и это ослабило боеспособность армий противника.

При наступлении Красной Армии на крупные города, центры коммуникаций, укрепленные районы противника здесь создавалось критическое положение. Перебрасываемые сюда части и соединения длительное время находились в эшелонах, которые не могли двигаться ни вперед, ни назад и прибывали к тому времени, когда повлиять на ход событий уже не могли…».

Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко знал, что говорил. По образованию он инженер-железнодорожник. Этим во многом объяснялась его приверженность к диверсиям на железных дорогах. Он главный автор знаменитой «рельсовой войны».

Думаю, только человек, знающий, что такое железные дороги, как велико их значение для фронта, мог так масштабно и целеустремленно планировать диверсии. Кстати, во время войны он предложил партизанам устройство собственной конструкции, которое позволяло без мин и взрывов пускать поезда под откос. Стоило только закрепить его на рельсе.

В течение августа-ноября 1943 года фашистское командование было вынуждено дополнительно направить 10 дивизий для борьбы с партизанами к 30 ранее выделенным, не считая многочисленных охранных, полицейских, жандармских частей.

По данным немецкого командования, на 1 октября 1943 года для этих целей было задействовано 30 дивизий (немецких, венгерских, итальянских, румынских) и 20 дивизий вспомогательных войск.

Но этими дивизиями не исчерпывались силы, которые были отвлечены на борьбу с советскими партизанами и подпольщиками. Использовались многочисленные охранные батальоны и полки – армейские, полицейские и жандармские, тайная полиция, служба порядка, айнзатц-группы и другие организации и формирования. Эти силы составляли около 20 дивизий. Таким образом, против партизан действовали примерно 50 дивизий.

Уникальным явлением второй мировой войны стали партизанские края, куда противник не мог проникнуть безнаказанно. В партизанских краях в Ленинградской,

Смоленской, Калининской, Орловской областях, на Украине и в Белоруссии действовали советские законы, органы советской власти. Работали школы, мельницы, мастерские по пошиву одежды, обуви. Создавались полевые аэродромы.

Зимой 1941/42 года партизаны Ленинградской области защищали от оккупантов более 400 деревень и сел. Немецкий историк Герлитц в книге «Вторая мировая война» отмечает: «В Ленинградской области партизанская деятельность временами была столь сильной, что командующий группой армий «Север» фельдмаршал фон Лееб вынужден был прекратить свои поездки на фронт».

Он же сообщает, что действия партизан в острый момент блокады Ленинграда помешали гитлеровцам своевременно перебросить в район Ладожского озера 250-ю испанскую, 72-ю и 227-ю немецкие дивизии. Это предотвратило полное окружение города, способствовало созданию «дороги жизни» через Ладожское озеро.

В Смоленской области возникли четыре партизанских края: Дорогобужский, Южный Ельнинский, Вадинский и Северо-западный. В белорусском Полесье такой партизанский край силами партизан В.З. Коржа и В.И. Козлова был создан еще зимой 1941/42 года. К концу 1943 года в руках партизан находилось 60 процентов территории республики. Масштабы партизанской борьбы и антифашистского сопротивления в тылу немецко-фашистских оккупантов приобрели стратегическое значение.

Славную страницу в партизанское движение вписали органы госбезопасности и разведорганы Красной Армии. Они направляли в тыл врага хорошо обученные спецотряды и группы. Многие из них выросли в крупные отряды и соединения. Я видел эти отряды и группы в действии.

За три года войны (с июня 1941 по июль 1944 года) партизаны Белоруссии вывели из строя убитыми и раненными свыше полумиллиона гитлеровских солдат и офицеров и их союзников, разгромили 29 железнодорожных станций, 948 гарнизонов, комендатур, штабов противника, уничтожили 939 складов, подорвали более 11 тысяч воинских эшелонов и 34 бронепоезда, 18 тысяч автомашин.

Было взорвано и сожжено 819 железнодорожных мостов, перебито более 300 тысяч рельсов, разрушено 7 тысяч километров связи, уничтожено на аэродромах 305 самолетов, выведено из строя 1355 танков и бронемашин, 438 орудий.

За это же время партизаны взяли в качестве трофеев 363 орудия и миномета, 1874 пулемета, около 21 тысячи автоматов и винтовок. К весне 1944 года белорусские народные мстители

очистили от оккупантов примерно 60 процентов территории республики.

Счет всех советских партизан, предъявленный Гитлеру, еще значительнее. В партизанских отрядах воевали более одного миллиона ста пятидесяти тысяч, по другим данным, – один миллион четыреста тысяч человек. Это много или мало? Это был целый фронт, хотя и без флангов.

Партизаны уничтожили, ранили и взяли в плен 160 тысяч солдат и офицеров вермахта, сотрудников военно-строительных организаций, оккупационной администрации, фашистских пособников.

«Советскими партизанами и подпольщиками в боях и в результате диверсий были убиты 67 генералов гитлеровской армии, войск СС и крупных политических деятелей рейха», – пишет П.К. Пономаренко. Среди них – гауляйтер Вильгельм Кубе. Пять генералов были взяты в плен и переданы командованию Красной Армии.

Но есть еще один нюанс, отмеченный британскими военными историками Ч. Диксоном и О. Гейлбруни:

«Ущерб, который нанесла немецкой армии партизанская война, нельзя определять только числом убитых и раненых, количеством уничтоженных орудий и складов. К этому еще следует добавить потерю немецкой армией боеспособности и ударной мощи, значение которой трудно оценить в цифрах.

Главное заключается в том, что ухудшилось моральное состояние солдат, которые воевали в стране, где каждый гражданин мог оказаться партизаном, а каждый необычный шум – сигналом начала партизанской атаки».

Немецкий генерал-полковник Л. Рендулич определяет результаты партизанского движения в СССР не столько по людским, материальным потерям, сколько по тому «колоссальному воздействию, которое оно оказало на войска».

Но не надо забывать и о том, что народная борьба против гитлеровских захватчиков охватила почти все страны Европы. В партизанском движении Югославии участвовали 800 тысяч человек, Франции – 500 тысяч, Италии – 462 тысячи, Польши – 350 тысяч, Греции – 140 тысяч, Болгарии – 250 тысяч, в Чехословакии, Албании и других странах в партизанах находились десятки тысяч. Они тоже не давали оккупантам спокойной жизни.

Сейчас некоторые со скептицизмом относятся к цифрам потерь, которые понесли оккупанты в результате действий партизан. Мол, кто там их считал. Старались считать, смею заверить. Убитых немцы должны были похоронить, раненых –

отправить в госпитали. А у нас везде были свои глаза и уши.

Возможны ли были в то время случаи неверного подсчета? Допускаю и такое. Особенно тогда, когда одну операцию осуществляло несколько отрядов. Взорвав поезд, партизаны сразу старались отступить в лес, а не выходили на пути считать убитых и раненных гитлеровцев. Потери поначалу определяли на глазок, потом перепроверяли через разведчиков, наших связных, местных жителей.

Во-первых, в любом случае неточная статистика не была массовой и не может повлиять на общую оценку партизанского вклада в Победу. Во-вторых, безответственную «отчетность» пресекало командование бригад и соединений. Приведу один красноречивый пример, касающийся уничтожения в собственной постели палача белорусского народа гауляйтера Вильгельма Кубе.

Тогда о свершившемся акте возмездия в Москву пришли донесения из нескольких отрядов. За свой поспешный рапорт потом поплатился начальник особого отдела одного из чекистских отрядов Витебской области С. Юрин. Его донесения сочли очковтирательством и дали шесть лет лагерей. А дело заключалось в том, что задание Центра уничтожить Кубе получили все отряды, действовавшие под Минском. Это были формирования, подчиненные и Центральному штабу партизанского движения, и главному разведывательному управлению Генштаба, и НКВД.

Акт возмездия свершила Елена Мазаник. На контакт с ней выходили люди из разных партизанских формирований. Ее главная помощница Мария Осипова была связной трех отрядов, другая помощница Надежда Троян – двух. Мины в Минск также передавались из нескольких отрядов.

Только спустя некоторое время было установлено, что Кубе подорван миной, изготовленной в мастерских Главного разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии. В Минск ее доставили чекисты.

Иногда складывается впечатление, что порой мы, ветераны, иногда сами становимся источником фальсификаций. Многих из нас уже подводит память, а поговорить мы любим, тем более под рюмочку. Нам «помогают» добросовестно заблуждающиеся журналисты, которые по молодости и сугубо мирному жизненному опыту имеют весьма смутное представление о военных временах. Особенно часто перевирают они историю нашей борьбы, когда пишут не на основании документов, а понаслышке, из третьих-четвертых уст.

В «Правде» было опубликовано интервью одного ковпаковца,

который утверждал, что уже в 1941 году они пустили под откос 1500 эшелонов противника. Так и хочется сказать в ответ: «Перекрестись, это не под силу было всем партизанам СССР, Югославии и других стран, в которых они уже появились к тому времени».

Прочитал как-то и в «Российской газете» о спецгруппе «Болотные», в которую входили два десятка человек. Если судить по этой публикации, то они штурмом взяли Пинск. Но не было штурма Пинска. Не хватало у партизан сил, чтобы штурмовать областные центры, подходы к которым были укреплены по всем фортификационным правилам, а гарнизоны состояли из регулярных армейских частей. Не надо нам приписывать того, чего не было. Достаточно того, что мы сделали.

В книге «Итоги второй мировой войны» немецкие генералы впоследствии написали:

«История войн не знает ни одного примера, когда партизанское движение играло бы такую большую роль, какую оно сыграло в последней мировой войне. По своим масштабам оно представляло собой нечто совершенно новое в военном искусстве. По тому колоссальному воздействию, которое оно оказало на войска и проблемы снабжения, работу тыла и управления в оккупированных районах, оно стало частью понятия тотальной войны. Партизанское движение, которое с годами усиливалось в России, Польше, на Балканах, а также во Франции и Италии, повлияло на характер всей второй мировой войны».

О нас, партизанах, написано немало в России, Беларуси, Украине, в других бывших советских республиках, а также в Польше, Италии, бывшей Югославии, Франции, Албании, Греции, Болгарии, Словакии. Но все-таки это отдельные картины, не сведенные пока в единое, монументальное полотно. Нужен капитальный обобщающий научный труд, который дал бы всестороннюю политическую, военную, нравственную оценку партизанскому движению как явлению общеевропейскому, с которым не могли не считаться политики и военные противоборствующих сторон.

ЗА НАМИ НИЧТО НЕ ЗАРЖАВЕЛО

Каждый, кто приезжает из России в Минск, не может не восхититься белорусской столицей. Город великолепен. А ведь сразу после войны в республиканском ЦК и правительстве долго вели дискуссию на тему: быть или не быть Минску там, где он стоит сейчас.

Несколько лет длился спор о том, восстанавливать ли Минск, возрождать ли то, что от него осталось, или построить столицу на новом месте, примерно в двадцати километрах он нынешнего центра города. Настолько Минск был разрушен. Восстановлению не подлежало 86 процентов зданий.

Довольно подробную запись на эту тему оставил народный архитектор СССР Владимир Адамович Король, который в послевоенные годы возглавлял сначала Управление по делам архитектуры при Совете Министров БССР, а затем Государственный комитет по делам строительства. Он один из создателей проекта нынешней главной улицы белорусской столицы – проспекта Независимости, а также знаковых сооружений на этом проспекте, включая монумент Победы. В конце концов, пишет он, возобладало мнение, что Минск должен оставаться на прежнем месте, но надо не просто восстанавливать разрушенное, а строить новый город по параметрам, соответствующим европейской столице. Так теперь Минск и выглядит.

Беларусь во время войны понесла страшные потери. Все знают о трагедии деревни Хатынь в Минской области, которая в 1943 году была сожжена вместе с жителями. Такие Хатыни в республике были в каждом районе. Не случайно на мемориальном комплексе «Хатынь», открытом в 1969 году, сооружено символическое кладбище деревень. Там находятся урны с землей 185 деревень, сожженных гитлеровцами вместе с жителями и не возродившихся после войны, а также список, который состоит из 433 деревень, уничтоженных оккупантами и их пособниками, но восставших из пепла.

По официальной статистике долгие годы считалось, что в Беларуси погиб каждый четвертый житель – примерно 2 миллиона 400 тысяч человек. В последнее время называют более высокую цифру – более трех миллионов. Значит, погиб не каждый четвертый, а почти каждый третий. Особенно пострадало городское население. Ведь в городах – больших и малых – на постоянной основе располагались немецкие и полицейские гарнизоны.

Белорусский исследователь Юрий Шевцов пишет, что погибло около 70 процентов городских жителей. Фактически под корень было вырублено еврейское население.

Спаслись только те, которые находились в партизанских отрядах, в семейных лагерях под охраной партизан, и успевшие эвакуироваться на восток. А ведь в довоенном Минске евреи составляли половину населения. В небольших городах, особенно на западе республики, их численность достигала 70 – 80 процентов в общем составе населения.

Чтобы лучше понять весь ужас белорусской трагедии, в этот счет нужно внести одно существенное уточнение: по отношению к какой цифре каждый четвертый или каждый третий? Воспользуюсь иностранными данными – книгой польского историка Ежи Туронка «Беларусь под немецкой оккупацией».

Автор этой книги отмечает, что численность населения Беларуси в нынешних ее границах на 1 января 1941 года составляла 9 миллионов 183 тысячи человек. В первые недели войны в Красную Армию были призваны примерно 500 тысяч человек. Организованно эвакуированы в глубь СССР более полутора миллионов человек. Это уже более двух миллионов человек, или 22 процента населения республики.

Однако отсутствуют данные о том, сколько человек уехали вместе со своими предприятиями, хозяйствами и организациями и сколько двинулись на восток своим ходом. Можно не сомневаться, что таких наберется не одна сотня тысяч.

В итоге получается, что от гитлеровской оккупации спаслись приблизительно три миллиона человек. Если из девяти миллионов вычесть три, получается, что в оккупации находились примерно шесть миллионов человек. И из трех миллионов погибших – абсолютное большинство составили мирные жители. Такой была цена «нового порядка». Впрочем, согласно этому порядку, белорусы вообще должны были исчезнуть с лица земли. Но они не согласились и взялись за оружие.

После войны в Советском Союзе Белоруссия вполне обоснованно воспринималась как одна из наиболее развитых республик. Именно поэтому здесь размещались наиболее высокотехнологичные производства, которые требовали соответствующей подготовки инженерно-технических и рабочих кадров. Они в республике были.

Исключая РСФСР, Белоруссия была единственной республикой в СССР, которая не только не пользовалась дотациями, а сама ежегодно переводила в качестве налогов в союзный бюджет более трех миллиардов рублей. Ну а чистота и порядок на улицах Минска и других белорусских городов для

жителей СССР и нынешней России стали просто притчей во языцех.

Белорусы, встречая гостей, особенно из Москвы, над этим уже лет тридцать или сорок добродушно подтрунивают, ожидая соответствующих восклицаний. На вопрос, почему у вас так чисто, с ехидцей отвечают: «Подметаем!». Мне все это не в новинку, поскольку в Минске и в других городах Беларуси бываю регулярно, однако недавно все-таки обмишурился.

Прежде чем переходить столичный проспект Независимости, глянул направо и налево, убедился, что приближающихся машин не видно, и двинулся через улицу, не обращая внимания на красный сигнал светофора. Потом, как бы почувствовав неладное, оглянулся и увидел, что иду на красный только я, остальные дожидаются зеленого. Устыдившись, вернулся на тротуар. А там меня участливо спросили: «Вы приезжий?».

Я люблю Минск, очень люблю город своей молодости Пинск, люблю республику, в которой родился и состоялся как личность. И считаю, что нынешняя Беларусь стоит на крепких плечах БССР, сохранив многое из того, чем заслуженно гордилась республика.

Горжусь еще и потому, что бывшие партизаны имеют ко всему этому прямое отношение. Так уж случилось, но после войны именно они возглавили восстановление республики и дальнейшее ее развитие. Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко после изгнания захватчиков стал во главе ЦК и правительства БССР.

Герой Советского Союза Василий Иванович Козлов стал первым секретарем Минского обкома партии, а затем председателем Президиума Верховного Совета БССР.

Командир Минского партизанского соединения Герой Советского Союза Роман Наумович Мачульский стал первым секретарем Пинского обкома партии, затем председателем Брестского облисполкома, заместителем председателя Президиума Верховного Совета БССР.

Командир Брестского партизанского соединения Герой Советского Союза Сергей Иванович Сикорский был первым секретарем Барановичского, затем Могилевского обкома партии, потом руководил Министерством внутренних дел республики.

Командир партизанского соединения Полоцко-Лепельской зоны Герой Советского Союза Владимир Елисеевич Лобанок уже в 1944 году стал председателем Полоцкого облисполкома, работал первым секретарем Полесского и Витебского обкомов партии, заместителем председателя Совета Министров и заместителем председателя Верховного Совета БССР.

Кирилл Трофимович Мазуров – «товарищ Виктор» – сначала

возглавлял белорусский комсомол, затем стал первым секретарем Минского горкома, Минского обкома партии, потом возглавил белорусское правительство, ЦК Компартии республики.

Ему на смену пришел бывший комиссар партизанской бригады имени Рокоссовского Герой Советского Союза, а затем и Герой Социалистического Труда Петр Миронович Машеров, авторитет которого доныне не смогли поколебать никакие перестроечные и послеперестроечные веяния.

Сразу после освобождения командиры партизанских бригад и отрядов назначались руководителями райисполкомов, становились во главе управлений, хозяйств.

Командир нашей бригады имени Молотова Михаил Иванович Герасимов стал председателем Ивановского райисполкома, потом трудился в одном из министерств. Командир Пинской партизанской бригады Иван Георгиевич Шубитыдзе был на ответственной работе в Пинской и Витебской областях.

Серьезные должности в исполкомах различного уровня занимали наши комбриги Федор Иванович Лисович, Андрей Петрович Савицкий, Федор Игнатьевич Ширин, Василий Алексеевич Васильев.

Бывший наш партизан Владимир Антонович Ралько возглавил в Пинском районе колхоз «Оснежицкий», сделал его известным на весь Советский Союз, стал дважды Героем Социалистического Труда.

По-другому и не могло быть. Эти люди уже проявили свои великолепные организаторские способности в ходе войны и должны были проявить их на мирном фронте. Они справились с новыми задачами.

Еще один подвиг в своей жизни совершил любимый нами командир Василий Захарович Корж. В начале пятидесятых он оставил свою «непыльную» столичную должность заместителя министра лесного хозяйства республики и вернулся в те места, где партизанил, чтобы возглавить бедствующий колхоз в Солигорском районе. После укрупнения его назвали «Партизанским краем». Вывел его в передовые и ушел на пенсию. Но сельчане, после того как дела в колхозе стали ухудшаться, снова позвали его «на хозяйство», где он оставался председателем почти до своей смерти в 1967 году.

Этими своими суждениями я никоим образом не хочу противопоставить партизан фронтовикам, тем более что многие попробовали и того, и другого хлеба. Республику восстанавливали и строили заново все. Но так случилось, что во главе этой работы стали бывшие партизаны. Возможно, потому, что они лучше знали местные условия, особенности, людей,

которыми довелось руководить. И не посрамили себя на новом поприще.

Белорусское «партизанское руководство», его слаженную и эффективную работу в СССР уважали, многие ему по-доброму завидовали. Но кое-кто относился к нему и с определенной долей настороженности. Не скрою, мне самому хотелось работать в Белоруссии. И когда Петр Миронович Машеров, первый секретарь ЦК КПБ, однажды спросил меня, не подумываю ли я о том, чтобы вернуться в Минск, я ответил сразу же: «Пешком пришел бы». И такое предложение в ЦК КПСС было внесено. Но Брежнев отреагировал по-своему: «Петро (Машеров. – *Э.Н.)* вокруг себя своих партизан собирает. Мы в таком случае никогда не узнаем, что происходит в республике». Мое возвращение в Минск не состоялось, пришлось отправляться в Ташкент.

Меня нередко спрашивали, особенно журналисты: «Как партизанские качества пригодились во время работы в Комитете государственной безопасности?» Во многом пригодились. Но для начала расскажу, как я попал в КГБ.

После 1945 года отношения между людьми были проще, честнее. Это были открытые отношения. Особенно в провинции, где я жил. Потом убедился, чем ближе к столицам, тем сложнее отношения между людьми. Быт, конечно, в большом городе лучше, чем в глубинке, жилье комфортнее, за водой не надо ходить к колодцу, удобства не во дворе. А вот отношения между людьми, чиновниками…

Провинциальная простота, открытость здесь наталкиваются на карьеризм, интриганство, лицемерие, хитросплетение связей. Всегда ненавидел зависть – отвратительное качество. В столицах она изощреннее. В Минске сложнее, чем в Пинске, в Москве сложнее, чем в Минске, а в Ташкенте – чем в Ставрополе. Как-то А.В.Суворов в присущей ему манере сказал, что был ранен десять раз: пять раз в боях и пять раз в высших кругах при дворе. Все пять последних ранений – смертельные. За свою долгую жизнь я убедился в обоснованности этих слов.

В 1958 году за три месяца до государственных экзаменов в Московскую ВПШ, куда я поступил с должности первого секретаря Телеханского райкома партии, меня пригласил секретарь ЦК КПБ Т.Я. Киселев в номер гостиницы «Москва» на беседу. Сообщил без долгих вступлений:

– Собирайся, поедешь в Пинск первым секретарем горкома партии. Есть возражения?

– Есть. Первое – дайте закончить учебу, сдать госэкзамены. Второе – я на Пинщине 19 лет. Только что ликвидировали Логишинский, Жабчицкий, Пинский районы и саму Пинскую

область. Многие работники аппарата лишились работы. Вопрос трудоустройства – самый больной для них. Не надо меня посылать в Пинск. Будут обиды.

Киселев позвонил на второй день:

– Продолжай учебу.

После завершения учебы я прибыл в Минск, в ЦК. Предложили ехать в Лунинецкий район. Подключился к уговорам тогдашний первый секретарь Брестского обкома П.М. Машеров:

– Ты мелиорацию знаешь. У тебя в Телеханах неплохо получалось. Перспективный район. А пока езжай в отпуск.

Провел три недели в Друскениках в Литве. После отпуска зашел в ЦК партии к заведующему орготделом А.А. Смирнову. А тот сообщил:

– Вчера на секретариате ЦК решили: пойдешь работать к Александру Ивановичу.

– Кто такой Александр Иванович?

– Председатель КГБ республики Перепелицин.

– А что я там буду делать?

–Это тебе объяснят в Комитете.

В считанные минуты приехал заместитель председателя КГБ по кадрам Малин, и вот я уже в кабинете Перепелицина. Тот курит беспрерывно, расхаживая по большому кабинету:

– ЦК рекомендует тебя членом коллегии Комитета госбезопасности и начальником управления.

–Я ведь не знаю работы. Чем я буду заниматься? Провалю дело.

– Когда зачислим в кадры, тогда и объясним суть дела. Тебя давно и хорошо знают в республике. Участок предстоящей работы по тебе.

После бессонной ночи звоню в ЦК А.А. Смирнову:

– Может, не надо в КГБ?

– Не надо тех, кто просится, рвется туда.

Да, задачка! За всю жизнь не было такого, чтобы отказывался от назначения. Шел работать туда, где надо было. Вспомнил, что еще в 1950 году меня «сватали» в областное управление МГБ начальником отдела по борьбе с бандитизмом. Когда я спросил совета у Мазурова (в ту пору секретаря Минского обкома), как быть, он ответил: «Ты уже взрослый, решай сам. Но знаешь, у меня на днях был полковник госбезопасности и слезно просил: помогите уйти из органов, не могу».

А первый секретарь Пинского обкома партии Петр Алексеевич Тетюшев был категоричен:

– Я слышал, что тебя «сватают» в МГБ. Не даю согласия. Уцелел в войну, а теперь подставлять голову под пули бандитов?

Не пущу.

Теперь, как выяснилось, на работу в КГБ меня рекомендовал тот самый Кирилл Трофимович Мазуров. Для меня его рекомендация значила весьма много. И не только потому, что он первый секретарь ЦК. Просто я всегда глубоко уважал его мнение.

В КГБ, как и в любой спецслужбе, важен всякий опыт, касающийся знания людей, знания жизни. У меня была возможность убедиться, что пригодилось все накопленное в моем жизненном багаже до прихода в госбезопасность. А набирался я жизненного опыта, работая на различных должностях в партийных органах Пинщины.

В первую очередь, многое взял у Петра Алексеевича Тетюшева. Мудрый был человек. Основательно обучал молодые кадры. Поручил мне осенью 1948 года подготовить на рассмотрение бюро вопрос «О руководстве Ивановского райкома партии комсомольскими организациями».

Обошел я пешком и объездил (не на автомашине, конечно, как в более позднее время) десятки деревень. Побывал за Днепровско-Бугским каналом, в зоне существенного влияния бандеровцев. Встретился со многими людьми, знакомыми по партизанской борьбе. Подготовил проект постановления бюро обкома и обстоятельную справку.

Вскоре пригласил на беседу П.А.Тетюшев и давай расспрашивать:

– Расскажите, в каких сельсоветах района побывали? С кем ездили в зону за Днепровско-Бугским каналом?

– Один.

– Как один? Туда чекисты ездят в сопровождении бронеавтомобиля.

– Петр Алексеевич, за каналом я – хозяин. Знаю там людей, каждую стежку-дорожку. Поужинаю на одном хуторе, скажу, что иду ночевать на другой, а ухожу к надежному человеку на третий и сплю на сеновале.

– В сельских магазинах были?

– Был. Купил десяток яиц на яичницу.

– А кирзовые сапоги есть?

– Да.

– А каких размеров? Небольшие женские и детские размеры есть?

– Не знаю. Лежит на прилавках много.

– А фуфайки?

Спросил секретарь обкома и о том, сколько стоит на рынке килограмм муки, мяса, свежей рыбы.

– Не знаю, не интересовался.

– Плохо. Надо интересоваться. Мы с вами получаем хлеб, другие продукты по продовольственным карточкам. А люди живут с рынка. Там формируются их настроения, если хотите, политика. Эти настроения и надо знать. Вы же политический работник – инструктор обкома партии.

Вот такие уроки жизни и отношения к работе я получал у первого секретаря обкома. Уроки на всю жизнь. И на каких бы должностях я ни был в последние пятьдесят лет, всегда заходил в сельские магазины, на рынки. Помню, работая в Узбекистане, был в командировке в Андижане. Поселили в гостевом коттедже. Утром пришли руководители области вместе позавтракать, а председателя КГБ республики, то есть меня, нет. Ушел в шесть утра на рынок интересоваться, по какой цене продают фрукты, овощи, мясо.

– Вы бы сказали, что вам надо,– заметили мне потом с явным оттенком укоризны.

– Ничего мне не надо…

И рассказал, как меня, молодого работника, учили уму-разуму на Пинщине. Мы, говорю, вчера были в колхозах. Урюк, яблоки устилают землю. Жаловались люди, что плодоовощные заводы не принимают фрукты даже по 10 копеек за килограмм, отправляют автомашины обратно. Все приходится скармливать скоту. На рынке же «кучка» абрикосов стоит рубль. Менять надо ситуацию. В Белоруссии после войны колхозы и совхозы каждое воскресенье отправляли в город овощи, фрукты, муку, мясо и другие продукты. Сбивали цены. Сам этим занимался.

В 1951 году меня рекомендовали первым секретарем Телеханского райкома Пинской области (теперь – Брестская). Это Полесье, глубинка, бездорожье. Песок да болото. Бедные села. Как шутили полешуки: «Бедный, аж пуп синий». Урожаи – по семь-восемь центнеров зерна с гектара, не более. Рожь, овес, картофель. Две трети территории заняты лесом.

В колхозных кассах денег нет даже на покупку сбруи для лошадей. На трудодень выдали в 1951 году по две копейки. Вот такое хозяйство досталось мне. Когда на Бюро ЦК Компартии утверждали меня в должности, резко возразил против назначения председатель Совета БССР А.Е. Клещев.

– Что мы делаем? Кого утверждаем? Зеленого мальчишку! (Мне было 29 лет.) Завалит район, а он входит в десятку самых «лежачих» в республике.

Первый секретарь ЦК Компартии республики Н.С. Патоличев, очевидно, был заранее проинформирован, кто будет возражать против моей кандидатуры, потому парировал довольно остро:

– Когда мне было 29 лет, товарищ Сталин направил первым

секретарем Ярославского обкома партии. Молодость – это недостаток, который проходит быстро. Давайте утвердим. Будет в республике самый молодой первый секретарь райкома.

Думаю, что это был для моего самолюбия своеобразный допинг. Работал сутками. Искали пути, как вырваться из нищеты. И выход нашелся: осушать болота и сеять технические культуры. А мелиорация – дело нелегкое. По агротехническим канонам болото надо не только осушить, но и глубоко вспахать торфяник, окультурить, засеяв многолетними травами, и только через два-три года занимать зерновыми, картофелем, кормовой свеклой.

Нашлись в районе энтузиасты-практики. Вспомнили, что в 1930-е годы местный помещик выращивал на осушенных землях хорошие урожаи. Поддержал нас Роман Наумович Мачульский – председатель Брестского облисполкома. Выделил из МТС три мощных трактора С-80, канавокопатели, тяжелые дисковые бороны, сеялки и 20 тонн семян конопли маньчжурской и среднерусской. Эта культура была новой для области. Никто не хотел браться за новое дело. Да и в нашем районе новшество многие встретили без восторга.

Через несколько лет наш Телеханский район и восемь хозяйств были представлены на Всесоюзной выставке достижений народного хозяйства в Москве – знаменитой ВДНХ. И сразу в двух павильонах: «Мелиорация» и «Лен и конопля». До сих пор горжусь этим.

И этот опыт тоже пригодился в КГБ для оценки общей ситуации в тех регионах, где приходилось работать. Познания в других сферах жизни всегда помогут «ухватить» положение в целом. Но это только одна сторона дела. Такой опыт еще позволяет посмотреть и на свою работу в спецслужбе как бы со стороны, глазами другого человека. А это очень важно и для оценки ситуации, и для самооценки.

Если прямо отвечать на вопрос, есть ли что-то общее, сходное между партизанами и чекистами, то скажу так. И в партизанской, и в чекистской жизни помимо преданности Родине, готовности жертвовать жизнью ради нее абсолютно необходимы глубокое знание и понимание самой жизни. А также умение находить выход из самых сложных ситуаций. С наименьшими потерями. Через «не могу», через «не хочу». Впрочем, о «не хочу» и речи не было.

Мозг партизана и чекиста всегда должен трудиться. Без выходных. Как победить противника, который сильнее тебя? Думай, партизан, шевели извилинами. Плюс смелость, трезвый, рассчитанный риск, обостренная интуиция.

У оперативного работника главное оружие – тоже его мозг.

Если он затеял оперативную игру с противником, то размышляет о ней не только в кабинете. Она его и во сне не оставит. Разве не от этого у генералов случаются инфаркты? Меня они тоже не обошли. Это только в шуточной песне «хорошо быть генералом…».

Кстати, на сей счет есть хорошая картинка у Шолохова в романе «Они сражались за Родину». Там боец Лопахин по-своему объясняет своему товарищу, почему он не хотел бы быть генералом. Вот мы, говорит, пошли в атаку, попали под плотный огонь немца и попятились в свои траншеи.

А наш генерал стоит сейчас навытяжку с телефонной трубкой в руке и отчитывается перед Москвой, почему Лопахин с товарищами не довел атаку до конца. И по спине у этого генерала ручейками холодный пот стекает… Это не жалоба с моей стороны, а констатация.

А еще из партизанской жизни я вынес несколько принципов, которые исповедую всю жизнь. Береги людей. Цени искренность и принципиальность, цени бескорыстие, умение и желание помочь другим. Не дергай сотрудников, не мешай работать толковым, умным, замечай хороших, уважай их труд. Если ты начальник, то не думай, что ты самый умный. И обязательно гони от себя завистников, сплетников, интриганов.

Уверен, борьба в тылу врага, которая потребовала особого напряжения сил и особых взаимоотношений между людьми, особой доверительности, обязательности, взаимовыручки, сформировала и укрепила такие же принципы у многих. Возможно, в первую очередь у тех, кто в послевоенное время возглавил восстановление народного хозяйства и дальнейшее развитие экономики и культуры республики. Эти принципы работали и в послевоенное время. Потому все получилось.

Я не социолог, специальных исследований на эту тему не проводил, просто знаю, что Белоруссия «при партизанском руководстве» стала в СССР самой обустроенной и динамично развивающейся из советских республик. И новому поколению руководителей передана Беларусь в прекрасном состоянии. Слава Богу, новые руководители не растранжирили доставшееся им наследие. Нынешняя Беларусь вырастает на прочных фундаментах.

Не скрываю, я люблю Беларусь. Где бы ни работал, ни жил, будь то Москва, Ставрополь, Ташкент, Берлин, всегда тянуло приехать в Минск, в Пинск, пообщаться, полюбоваться.

Мне тепло в этих городах. До сих пор являюсь почетным председателем Пинского городского совета ветеранов войны и труда. Регулярно приезжаю. Стараюсь принимать участие в делах

и заботах ветеранов. И не только ветеранов.

Радуюсь, что в Беларуси свято чтят память и честь тех, кто защитил Родину от гитлеровского нашествия. В дни празднования 60-летия Победы в Великой Отечественной войне я приезжал в белорусскую столицу на открытие прекрасного памятника, посвященного партизанам всей республики.

В Пинске по инициативе и при непосредственном участии нашего совета ветеранов войны и труда сооружен мемориал, посвященный партизанам Пинщины, – «Поляна партизанской славы». Тысячи людей внесли свой вклад в его возведение. Главный архитектор города О.Б.Василенко безвозмездно разработала проект. Директор ОАО «Полесье» С.Е. Дорофеев его строил.

На «Поляне партизанской славы» в мраморе выбиты названия всех бригад, отрядов, фамилии их командиров, комиссаров. Чтобы все знали и помнили. Кстати, названы там и украинские партизанские формирования, с которыми мы и воевали бок о бок, делили хлеб и патроны, удачи и неудачи. Но не делили Родину. Она у нас была одна на всех, как и наша Победа.

Я прожил долгую жизнь. У нас с Ольгой Александровной большая и работящая семья. Дочь Светлана – биолог, дочь Галина – кардиолог, врач от Бога. Они уже заслужили свои пенсии. Внуки – Илья и Александр – хирурги, оба защитили диссертации, внучка Катя – искусствовед, Нана – студентка.

Растут любимцы семьи внуки Георгий, Александр, Алина. Их я считаю своей главной наградой. Так и говорю всем: высшая награда за войну – то, что остался жив, высшая награда за прожитые годы – моя сплоченная семья. А с нее для меня, как и для всех, начинается Родина, для которой мы ничего не пожалели.

Добра вам всем!

Об авторе
НЕ ОСТАВИВШИЙ ДОЛГОВ

Десять лет назад в тогдашнем моем кабинете в Белорусском телеграфном агентстве (БЕЛТА) в Минске раздался звонок. Сняв трубку, я услышал незнакомый голос:

– Вы меня не знаете, но мне хотелось встретиться и поговорить. Моя фамилия Нордман.

И хотя до этого с Эдуардом Болеславовичем мы и вправду никогда не встречались, я запротестовал автоматически:

– Нет, я Вас знаю, и знаю очень давно!

Дело в том, что в своей юности – в шестидесятые и семидесятые годы – я работал в редакции районной газеты «Чырвоная звязда» в Ивановском районе Брестской области. В то время ветеранам Великой Отечественной было по сорок пять – пятьдесят лет.

Разговоры о войне заходили часто, а меня, молодого журналиста, жаждущего ярких очерков, эти воспоминания всегда привлекали. И всегда удивляло то, что в них не было ни малейшей тени геройствования, патетики, рисовки, а тем более хвастовства. Рассказывали ветераны о войне как-то буднично, просто вспоминали о выпавших на их долю жизненных испытаниях, ситуациях, часто трагических, часто поучительных, бывало комических, случавшихся на фронте и в партизанах. Услышав вопрос молодых, за какой подвиг вручен орден, как правило, отвечали одинаково: за такой-то бой, за такой-то поход, переход, форсирование, штурм.

Тогда-то я впервые услышал фамилию Нордман. Знал этого человека и мой первый редактор Алексей Трофимович Кавко – умница и прекрасный профессионал, который вывел на твердую дорогу не один десяток журналистов. Во время войны он пришел на наше Полесье вместе с 208-м партизанским полком, был награжден орденом Боевого Красного Знамени, а после войны остался работать в местной прессе и много раз встречался с первым секретарем Пинского горкома комсомола, а потом партийным работником Эдуардом Нордманом. Часто и по-доброму о нем рассказывал.

С тех пор я навсегда запомнил эту фамилию, тем более что не запомнить ее было просто нельзя, ибо каждый раз, когда кто-нибудь ее произносил, раздавалось восхищенное: «О, Эдик!»

К тому времени Эдуард Болеславович работал уже в Москве, в центральном аппарате КГБ, затем возглавлял управление КГБ по

Ставропольскому краю, затем КГБ Узбекистана.

Мы, на Брестчине, особенно те, что постарше, естественно, следили за судьбой своего земляка, по-доброму гордились им. Как-никак, занимал он должности весьма ответственные. Кроме того, многие знали, что Нордман часто наведывается в места своей молодости, охотно встречается со всеми, что он не возгордился от генеральских погон и высокого положения, с готовностью помогает всем, чем может.

Пройдут годы, и то восхищенное «О, Эдик!» для меня станет значить больше, чем многочисленные награды и высокое воинское звание Эдуарда Болеславовича. По крайней мере, не меньше. И не вижу в том никакого противоречия. Наоборот, считаю, что одно дополняет другое, притом очень существенно. Стоило только увидеть, как встречают Эдуарда Болеславовича в Пинске, Старобине, Лунинце, Телеханах, Иваново, Парохонске, Хоростове, Поречье, в других местах, где он партизанил.

В последний раз мне довелось сопровождать его в такой поездке перед 60-летием Великой Победы. А в дни самого празднования юбилея этой немеркнущей Победы, услышав, что ведущий московского телеканала ТВЦ Алексей Пушков назвал поколение победителей людьми, не оставившими долгов, я сразу подумал: «К Эдуарду Болеславовичу Нордману сказанное относится в первую очередь».

Очень хорошо о нем отозвалась журналистка из «Известий» Ядвига Юферова:

«Самый заслуженный белорус в Москве и самый авторитетный москвич в Беларуси. Человек потрясающей судьбы и обнаженной совести. Вечный часовой долга. Он знал, как должно быть. Он жил, как должно быть».

В самом деле, редко встречаются люди, в которых незаурядный ум сочетается со столь же незаурядными нравственными качествами. Об Эдуарде Болеславовиче полушутя говорили, что у него есть только одна слабость – обязательность. Если у кого проблема – откликался немедленно.

В то время, когда мы встретились впервые, Эдуард Болеславович работал над своей книгой «Штрихи к портретам», которая была издана сначала в Минске, затем в Минводах, потом в Ростове-на-Дону. Все три тиража разошлись очень быстро.

А рассказывал он о А.Н. Косыгине, Ю.В. Андропове, особым доверием которого пользовался долгое время, о М.В. Зимянине, К.Т. Мазурове, П.М.Машерове, которых знал с военных лет, о М.С. Горбачеве, с которым судьба свела на Ставрополье, о Ш.Р. Рашидове, с которым встречался в Узбекистане. Его портреты получились лаконичными и точными, потому что в каждом из

названных высоких руководителей Эдуард Болеславович старался рассмотреть прежде всего человека, а не упакованную в вицмундир государственную функцию.

В последние годы Нордман жил двумя важнейшими для него заботами. Одна из них – строительство мемориала «Поляна партизанской славы» в Пинске. В своих записках Эдуард Болеславович вспоминает, что на эту идею откликнулись тысячи людей в Беларуси и России. Но это была, прежде всего, его идея.

Это он, последний оставшийся на этом свете участник первого во второй мировой войне партизанского боя, задумал создать рукотворный и неповторимый доселе памятник всем своим товарищам и командирам. Тем, с которыми подбил первый немецкий танк около Рябого моста 28 июня 1941 года, а также тем, кто последовал за ними, превратив борьбу с оккупантами во всенародную. Он был генератором, мотором и финансистом идеи мемориала от проекта до воплощения. По его инициативе была создана также партизанская фотогалерея в одном из музеев Пинска.

Второй заботой была рукопись книги «1119 дней в тылу врага». Так она называлась первоначально. Эдуард Болеславович работал над этой книгой несколько лет, но отнюдь не собирался подготовить еще одни генеральские мемуары. Он писал не столько книгу-итог, сколько книгу-размышление, книгу-понимание, книгу-ответ тем, которые стали посягать даже на то, на что покушаться просто неприлично.

Нордман был благодарен всем боевым друзьям-партизанам, комсомольцам-подпольщикам, живущим ныне в Беларуси, России, Украине, в других республиках, поделившимся с ним воспоминаниями, фотоснимками, другими документами военных лет. Особенную признательность высказывал сотрудникам музеев Пинска, Бреста, Минска, которые посвятили жизнь сохранению истории родной земли и людей, ее творивших.

Он все понимал, поэтому торопился. На всякий случай составил список людей, кому должны были позвонить «в случае чего». И успел, в основном, закончить свою книгу. Но в изданном виде ее не увидит. Эдуард Болеславович покоится на Троекуровском кладбище Москвы.

Печальную весть о его кончине я узнал по мобильному телефону, подходя к Главпочтамту г. Минска, где предстояло получить рукопись, а также кассету с его голосом, на которую он надиктовал свои соображения, касающиеся возможных поправок. Эдуард Болеславович скончался 13 июня 2006 года, в день святого Федора Тирона – покровителя Пинска. Того самого Пинска, столь дорогого его сердцу города.

Солдата убивают не тогда, когда убивают, а когда о нем забывают, – это одна из пометок автора на полях рукописи. В книге Э.Б. Нордман сказал о том, о чем забывать нельзя ни при каких обстоятельствах. Будем помнить его напутствие. Будем помнить и о нем. Он заслужил нашу долгую память всем, что делал в своей жизни.

В Пинске память Эдуарда Болеславовича Нордмана уже увековечена. Его именем названа одна из улиц города. Еще одним памятным знаком пусть станет эта книга.

ЯКОВ АЛЕКСЕЙЧИК, главный редактор издательства «Беларусь»

Рядовой, командир отделения разведки, помощник комиссара отряда, потом бригады по комсомолу. Секретарь Пинского подпольного горкома и Пинского подпольного обкома ЛКСМБ. На боевом счету – бронепоезд и 9 вражеских эшелонов, пущенных под откос, десятки боев и дерзких партизанских операций, о которых ходили легенды.

Работал начальником Минского областного, Ставропольского краевого управлений КГБ, председателем КГБ Узбекистана, в центральном аппарате КГБ СССР.

Почетный гражданин города Пинска, почетный сотрудник госбезопасности.

Иллюстрации

Позади 1119 дней в тылу врага.
В.З.Корж и Э.Б.Нордман. 1945 г.

И.И.Чуклай

В.Н.Лифантьев

Командиры и политработники Пинского соединения.
В первом ряду (справа налево): командир отряда им. Н.Шиша М.И.Герасимов, командир соединения В.З.Корж. Ленинский р-н, д. Хоростово. 1942 г.

С.Г.Корнилов

В.З.Хоружая

Ш.И.Беркович

Пинские леса. Партизанская артиллерия. 1943 г.

Подарок партизан Пинского соединения крестьянам
д. Тимошевичи

«После боя сердце просит музыки вдвойне...»

Партизанки бригады им. Молотова

Помощь раненым в партизанских условиях. Хутор Купка. 1942 г.

Э.Б.Нордман и комиссар партизанской бригады им. Молотова Ф.С.Куньков

Партизанский отряд на марше. Пинская область. 1943 г.

Президиум I комсомольской конференции. Слева направо: пулеметчица отряда им. Лазо М.Голякевич, командир роты А.Тешкин, помощник комиссара бригады по комсомолу Э.Б.Нордман, комиссар бригады Ф.С.Куньков, секретарь обкома ЛКСМБ П.А.Емельянцев, командир бригады М.И.Герасимов

Командование партизанской бригады им. Молотова.
В первом ряду (справа налево): Ф.С.Куньков, М.И.Герасимов, Д.К.Удовиков. Во втором ряду: П.А.Емельянцев, Э.Б.Нордман, Ю.Баскаков

Командование партизанской бригады им. Куйбышева.
В первом ряду в центре командир бригады В.М.Антонович,
по правую руку от него начальник штаба бригады полковник
З.У.Сысоев, слева комиссар бригады Ф.С.Михалкович.
Во втором ряду второй слева командир партизанского отряда
им. Баруцкого В.П.Скобликов, командир польского отряда
им. Костюшко Чеслав Клим, командир партизанского отряда
им. Щорса М.Л.Проходский

Памятный знак на месте первого партизанского боя
28 июня 1941 г.

Мемориал партизанской славы в г. Пинске

Выходные данные

Литературно-художественное издание Редактор *Т.И. Пасненкова.* Оформление и художественное редактирование А. Г. *Звонарева.* Техническое редактирование и компьютерная верстка *Ж.М. Голиковой.* Корректоры *Л.А. Адамович, Л. Г. Кузьмина, Г. К. Пискунова, Л.К. Семенова.*

Выпуск издания осуществлен по заказу и при финансовой поддержке Министерства информации Республики Беларусь.

Не стреляйте в партизан… /Э.Б. Нордман. – Минск: Беларусь, 2007. – 200 с.: ил.

ISBN 978-985-01-0743-5. УДК 355.48(47+57) «1941/1945» ББК 63.3(4Беи)622 Н82

OCR by Palek. 2015